VASA INIQUITATIS
СОСУД БЕЗЗАКОННИЙ

Тони Дювер

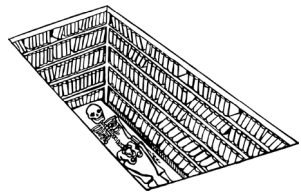
ВЫСЛАННЫЙ

Перевод
Валерий Нугататова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

18†



Tony Duvert

Interdit de séjour

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Дарья Протченкова
Верстка: Сергей Фёдоров
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Les Editions de Minuit, 1969
© Kolonna Publications, 2013
© Валерий Нугатов, перевод, 2013

ISBN 978-5-98144-180-6

здания без витрин, без освещения и дверей, безлюдная ночь и окутанные туманом скверы лето проходило, с каждым днем становилось все темнее ходить часами, изнурять себя, ходить без конца, снова и снова искать

я возвращался ночевать в грязную комнату, где мне разрешили пожить, там была вода

натягиваю сбитого с толку арапчонка вылизываю его безволосую щель прежде чем употребить их нужно сначала подтереть

я сидел взаперти целыми днями, валялся на кровати, дрочил и медленно подыхал, от меня воняло, я обнюхивался, вырезал порнуху, мало-помалу напивался

меня тошнит от его голых подмышек заставляю его опустить руки (он криво ухмыляется, когда его ебут, и хмурит брови, если толчки слишком сильные – потом он трахает сам и пердит в легком экстазе)

с приходом сна и темноты улицы пустели, каждый вечер рождался новый, необитаемый город, где рыскали легавые, шпана, бомжи и педрилы: эта увечная вселенная принадлежала нам на бульварах мы еще сталкивались с гибкими и живыми силуэта-

ми крепко сложенной молодежи я прятался в городском саду, садился и ждал, без гроша в кармане, возбуждаясь от немыслимого скотства, давнего блаженства, оживавших образов, тайны, которые, вероятно, и выбрасывали меня туда, в ночь, где я уже никого не узнавал убегать из общественных туалетов в сады, гостиницы, платить, унижаться, лгать только туман, в котором плывешь с закрытыми глазами, больше никого не существовало (симулируешь жесткость, придумываешь тактику отступления, охраны, защиты, изменения бытия либо тела)

вдалеке отсюда, в полумраке, зов наслаждения, которого больше не желал, замечая тех, кто мог бы его подарить: но все равно слушал, растопырив пальцы и откликаясь годами – около полуночи, внимательно прислушиваясь к шагам, выбрать удобный момент и очутиться среди педиков, выставить себя на продажу, выскочить из тьмы, явиться в свадебном наряде, облегающей рубашке, светлых брюках, колготках, закрывающих гениталии и ягодицы

напрасно: я возбуждался от того, что возбуждал других, и подражал им, учился языку и ритуалам нашей братии, я сам был собственным товаром, и каждый – своими непристойными трусами, даже старики, эти дряблые останки облаченные в эротические наряды, превращенные в фетиши, казалось бы, верный рецепт привлекательности: создать для себя образ, далекий от твоего собственного, раствориться в нем, стать манекеном, который нетрудно одалживать, точно зеркало – смотрите на себя, это я, любите себя, это я, шлюха с протянутыми руками в эти сети никто не попадался, я ловил лишь худшие эпизоды

своего прошлого, свое будущее, прочие свои облики, чернокожий, желтолицый, белый, араб, старый, молодой, толстый, высокий, низкий, активный, пассивный, целая галерея людей-зеркал, я был одним из них, тех, кто копировал меня или кому подражал я, делая и говоря то, что они повторяли передо мной бесконечные зеркальные анфилады, по которым идешь без конца замечаешь свое отражение вечно видишь самого себя никогда не видишь самого себя отпускаешь себя скидываешь выбрасываешь посредством этих живых полуживых и чересчур живых мертвецов, которые меня ненавидят но мы не разлучимся никогда, братство нищих, обделенных деньгами и красотой, перемешанных между собой и со мной в этом банальном, леденящем душу спектакле, означающем стирание каждого из нас под маской другого

тысячи шагов маниакальное фланирование разведка и мастурбация на улице до зари не возвращаться ни с чем, не опускать руки, иллюзорное станет возможным и солнце ласково восходит в тот час, когда чернорабочие в спецовках поливают ступени метро час рассвета, свободы, по ту сторону всего

я все еще был покрыт темнотой, словно мостовая асфальтом, крыса, плывущая по сточным водам, уткнув нос в толщу мочи, блестящее жидкое дерьмо, пачкающее усы я останавливался на углу торговых улиц, рассматривал витрины, едва освещенные по ночам, в них виднеется твое размытое лицо, это белый свет, робкое отражение в глубине нечетко очерченного полумрака я не хотел попадать туда как только рассветало, я с удивлением видел те же улицы, когда по ним снова проходили другие люди, спокой-

ные оттого, что их много, оживляя эти места, где я оставался чужаком

на заре Париж все еще был заброшенным юное солнце обнажало стены

я засыпал стоя и был похож на деревья, скамьи, афиши, хрупкие цветы в скверах, стекла витрин – это тоже я, свет на безделушках, голубая посуда, старинная мебель, стул, поставленный на другие стулья на террасах закрытых кафе

некоторые не закрывались, они были переполнены подростками, сидевшими по ночам всей толпой мне не стоило заходить туда одному, но я входил, умирал со скуки, боялся, что надо мной будут смеяться, провоцировать

(я сажусь с обреченным вздохом, колени болят, голос едва слышен из-за криков, музыки, шумной возни парней, что пьют стоя, разговаривают, бурно жестикулируя, устремляются к игральным автоматам, юные дебилы, чувствующие себя всесильными лишь потому, что они вместе)

я не расстроился и не пал духом, представлял их хуи и улыбался

на улице в это время встречаются только старики и больные: я был старым и больным порой появляются торопливые компании, они смеются, резвятся под фонарями и пугают меня, я сторонюсь их, потому что боюсь веселья: мне двадцать лет, слишком мрачный возраст

каждый незнакомец перемещается с места на место, точно камень неразборчивый знак на темной дороге дотрагиваться или садиться сверху вос-

прещается мне остается только обнюхивать мусор в канавах, снова прикидываться крысой, глодать мякоть, экскременты, сосать мясные объедки, приставать к таким же отбросам, как и я сам я мечтал, мне хотелось чего-то неожиданного, бесполезного, живого, какой-нибудь грязи – только животворной, где можно родиться заново

(дерьмо на конце моего члена, когда я вынимаю его из очка белокурого хулигана кишечные следы на моем болте, прошедшем испытание, другие никогда меня не пачкали кастрат он сам обгадил меня лишь раз я слишком долго и глубоко его ебал он был альфонсом, но у меня не было денег)

тела образы желания встречи насилие страхи удары в голову варварски сильные слишком медленно отступающие кость отвергает их с неописуемой болью но плоть отклоняет чужие тела лишь с бесконечным терпением

что-то внутри протухшая память родина смерти ждать и любоваться ими, воткнутыми, точно множество игл, они колют в живот череп яйца соски внутреннюю поверхность рук ляжки – длинные, острые, с напористыми концами я тяну их за собой плоть запоминает и страдает от этого насилия с привычной медлительностью наконец что-то выходит и я убираю его

это некто тело хуй очко взгляд рука затем появляются другие много похожих непрерывно порождаемых кормящихся мною осколки костей точнее поломанный скелет выталкиваемый плотью и от меня останутся только дыры и дряблая кожа в эти полости можно будет вставлять других, я стану голодным, покорным, готовым принять извне любой выступ, слова, при-

зывы, у меня будет пассивное, обобществленное, ненаселенное тело на грани смерти потерять все и казаться самим собой, наконец-то самим собой, дезориентированным, скрупулезно перекроенным, раненым, измененным, спокойным, целиком и полностью самим собой

Сен-Жермен мы становились рыбами в этом пруду сами не понимая почему

(мы терлись о хорошо вымытую молодежь, объедались красивыми лицами и пухлыми ширинками, превращались в статую из спермы, оживление на тротуарах расшатывало зрение)

я прогуливался там, совершенно бледный и бесконечно гордый, сам себе друг-девственник – мне было одиноко, я не умел определять педиков, кроме явных, старых, голодных, которых избегал: я считал себя мальчиком

пидовка мне страшно на вокзале Сен-Лазар я прихожу без подружек у этих типов рожи, как разверстые могилы, они смотрели на меня так, будто хотели сожрать живьем ссут дрочат внезапно поднимают член и надо лапать сосать подставлять задницу в сральниках меня дрючат за тридцать франков я соглашаюсь мне позарез нужны карманные деньги после ебли мы с моим мужчинкой спускаем бабки в ночных клубах танцуем прижавшись друг к другу хуями делаем вид что счастливы мостимся на скамейке переваривая содовую а потом мне хочется потрогать его гигант он нагревается от моей руки мы быстро

возвращаемся к себе он разрывает меня на части слезы радости задранные ноги когда я кончаю мне на грудь прыгает целая горсть белых вшей, а моя задница душит его шишку – каждый вечер я душу

или садовый аквариум: свет сквозь листву, фонари, прожекторы, белый электрический свет, долговязые парни наполовину в тени, высоченное небо с черными деревьями платаны, клены, яворы, легкие ветви, влажные и тяжелые цветки, зеленый свет, теплый сумрак Тюильри

за каждым деревом и статуей скрывается бдительное тело мы скользим по аллеям наше молчание распаляет

или в саунах но там понапряжнее, чем на вокзалах едва я вхожу они кричат Привет, девчонка! выключают свет срывают с меня пеньюар и типы хватают меня тычутся членами лупят по животу или уводят ебать в темноту щупают анус я трогаю кто это старик в морщинах пальцы клиенты он бормочет Прошу тебя пошли со мной ты молодой стройный ты мне нравишься я порву тебе жопу он не предлагает денег я отказываюсь встаю поскальзываюсь на липком полу другой уже хватает меня за ягодицы я вздыхаю уступаю и тут же вонзается очень твердый хуек или иногда огромный я непроизвольно стону и слышу Послушай как она тащится ей стопудово по кайфу я прошу деньги не у всех, например, никогда у красавчиков, только у стариков, бородачей, злыдней, страхолюдин (за отсос двадцать франков, но я не глотаю, а выплевываю на их штиблеты это смешно они боятся что-нибудь возразить) я любил обходить туалеты по всему Парижу эти краси-

вые маленькие беседки с висевшей сверху круглой белой лампой-указателем, от нее замирает сердце

в конце лета сады пустели, калитки закрывались с девяти, я не знал, где снимать клиентов, бары слишком дорогие, туалеты чересчур зассанные, я упорно продолжал бегать по улицам, учился выискивать подпольных, невидимых пареньков, у меня был нюх

(сезон за сезоном, тело за телом, мы расползались на куски быстро состариться и полностью развалиться, чтобы только молчать, задыхаться и валиться под собственным весом)

совсем обессилев, он находит на Марсовом поле какую-то возбуждающую прогалину, песчаный овал, окаймленный кустами, узкий вход, скамейки по периметру, он замечает лишь рабочего-араба, это его устраивает, меня тошнило от секса с североафриканцем, чисто по-расистски – с черножопым, коренастым, засаленным, сорокалетним, почему бы не с оверньским дворником, если уж на то пошло но он любил принимать в себя эти сухие и твердые хуи, которые его шлифовали, обрезанные так низко, что, поднимаясь, они до треска натягивали короткую крайнюю плоть, неприкосновенные, немощные, абстрактные, как кости или палки

он подстерег вошедшую козочку, молодую, трепетную, с белым хвостом, тугой дыркой, самкам животных вдувают в очко, а не в манду, мне рассказывали сегодня ночью в этом закутке никого, только североафриканец, ему нечем заплатить за шлюху, которой стану я я шагаю по про-

галине с еще более пидорским видом, чем обычно, игриво задрав нос, отклячив зад

я сажусь рядом, он минуту осторожничает, потом расстегивает почерневшие мешковатые штаны, слишком широкие, поношенные, его толстые руки достают красный, ободранный до самого низа прибор, с головкой в форме гриба, неуклюжая и уродливая карикатура на член мы не говорим ни слова вытянутое лицо похотливый взгляд

перекошенная челюсть гнилые зубы морщины серовато-сизые щеки он тащит меня в кусты я покорная козочка которую жестко выебли пылко натянули в ночи он не прикасается ко мне трахает на расстоянии о мужчинка мужчинка мне жарко я кончаю на свои пальцы на листья и больше ничего высокие деревья и носовой платок мы выходим из кустов козочка впереди, мудехар следом он утолил свою похоть и теперь стесняется, протягивает руку, чтобы поблагодарить, я стыдливо и презрительно удаляюсь почти мужской походкой они мне противны, но я все равно хожу туда, если больше никого нет и надо по-быстрому найти шишку, эти являются по первому зову и грубо шерудят в твоем дерьме, это шокирует, нервы взвинчены я вся в крови ослабевшая вот суки я начну сначала

он идет в Тюильри

потом в какой-нибудь квартал с общественными туалетами туда валят толпы вездесущих прохожих, типы поджидают внутри, черные и сгорбленные в своих вонючих кабинках я был одним из них толстяки становились рядом и лихорадочно доставали члены, всегда маленькие и вялые, трясли ими, словно сахаром перед носом у пса, но я не стану этим псом, на хуи мне плевать, это уж слишком

блаженно зевая, тупо гордясь своим тяжелым и длинным членом я медленно шел по берегу Сены три часа ночи, на набережных ни души (не считая той, с которой сталкиваешься, когда все спят, в час одиночества и холода: этот мужчина неопределенного возраста, с размытыми чертами, уныло бредет по Парижу, я не знаю, кто он, хотя всегда видел, как он блуждал, грустный, продрогший, отрешенный)

я спал с ним он просыпался среди ночи я прикидывался спящим, чтобы он меня обнял и еще раз трахнул, было холодновато, он стаскивал простыню, сквозняк добирался до боков, я чувствовал себя голой, голым, он мягко, долго гладил меня по спине, его хуй твердел

я прохожу по мосту, там, где блестит хорошо знакомая вода я перебрался на другой берег, иду к хулиганам

прикосновения пальцев прохлада меня знобит точки на теле до них едва дотрагиваются машинально вздрагивая пока я снова не засыпаю, веки, пронзенные желтым светом меня накрывает волна тепла наконец-то он здесь целует меня в затылок и тихо вонзается между ягодицами

мосты с желтыми огнями, что отражаются в безучастной реке вдоль набережных они у меня за спиной и блестят, свидетелей нет, я обследую Севастопольский, Центральный рынок, иду еще дальше

или предвечернее солнце

я сидел в кафе, уставший от охоты, но возбужденный, выставлял напоказ все мужское что во мне есть

мимо проходил тучный педик, я узнал его, он состарился быстрее меня, кадрил какого-то альфонса и платил уже сам

(пятьдесят франков вместе с номером это почти что даром я знаю, но взгляни на меня мы же ровесники ты же не заставишь меня платить за удовольствие?

ладно хорошо наконец-то мы договорились но только не сегодня мне надо работать до хера клиентов видишь вон того жирного я его знаю подожди до понедельника)

он застенчиво объяснял педику Я ведь только ради денег у меня нет этих наклонностей (потом, вспомнив про меня) во всяком случае редко я расскажу вам у меня двухлетняя дочурка за ней моя мать присматривает я не женат но у меня была телка мы поехали на мотике в лес рядом с прудами куча комаров мне скоро двадцать ищу работу сто франков пойдет? еще за гостиницу платить

узкая плавность, светлая кожа, горячее гладкое отверстие, твердая и гибкая плоть, экономия места, ягодицы, будто специально созданные для чтоб их пялил мой член он любит девиц, только скромных и сдержанных, а не развратных, они работают в магазинах или в конторах и восхищаются его красивыми закругленными бицепсами а потом ему нравятся парни моего типа, он подставляет им задницу молча, страстно, иногда сам ебет, тискает из любезности, по-школярски я привлекал таких простачков, как он, я ничем особо не выделялся, был из другой песочницы, настоящие пидоры считали меня мужланом или, наоборот, целкой, черес-

чур мужественным, слишком наивным, не похожим на хабалку, одних это смущало, других отпугивало (они признали бы меня, стань я таким же, как они, мелкобуржуазным, оболваненным, продажным, превратись я не то в фальшивого мужика, не то в фальшивую бабу, вот это они понимают)

я ждал в кафе, он сел через два столика, с толстым клиентом, на его фоне эта безмозглая пидовка казалась хрупкой и безвольной случайный альфонс, неопытный, нециничный, крепкий и бледный паренек с нежным членом, слободским телом жирдяй громко объяснял Я возвращаюсь из Нью-Йорка еду в Сю Цзяхуэй проездом через Истрадиводуг через Лотарингию вместе со своим хламом ну да я крупный журналист (рекламирую парикмахерские товары) паренек рассеянно кивал, он уже привык к пидорскому трепу, не слушал, мечтал, слегка улыбался он замечал меня и улыбался шире, скоро мы снова займемся любовью, когда выдастся свободный денек, ох и повеселимся у него был божественный, длинный, слегка мягкий, легковозбудимый член с матово-розовой головкой, которую мы осторожно залупали, он окинул взглядом разглагольствовавшего толстяка, придется его натянуть, он ломал себе голову, как не потерять форму, влезая на клиентов, это его тоже раздражало, брюзгливая ненасытность разъебанных задниц, властные самки заглатывали его, точно струю воздуха он снова повернулся ко мне, наверное, вспомнил наш первый вечер, потому что у него встал и тугая ширинка облепила причиндалы (яйца натянули промежность, точно кулак – карман, а хуй напрягся под материей и, сдавленный тесными черными брюками, заполнил

свободную складку в верхней части ляжки) я переводил взгляд с его милого лица на эту горячую ширинку и обратно, у меня тоже стоял, я улыбнулся в ответ, хотя готов был перерезать его клиенту глотку

подросток из рабочего пригорода, я видел его на мотике вместе с невестой, он показывал мне эту фотку в кафе, когда мы были приятелями
18 или любовниками, потом другой голый торс на природе и мышцы подручного округляются и натягиваются подо мной, мы были с одного берега, не о чем говорить, просто обмениваться теплом теперь он интересуется моим членом, он не любит сосать, но растягивается на мне сверху валетом и ласково лижет шишку, пока я целую анус и яйца, если хоть чуть-чуть подрочить, он начинает плакать, и тогда я всасываю эту легкую слюну, что пенится на морщинистом кончике его крайней плоти (тише воды ниже травы ребяческая манера

если только его не ебут, он больше не держится за свой красивый зад, прожорливее старой пизды во время течки)

он пожимает плечами если я кончаю слишком быстро говорит Не надо было и снова ложится навзничь чтобы я высосал из него сперму которую он изливает без единого вздоха он был белокурым, невысоким, коренастым, легким, со смешливым лицом и ясным взором

как и я он заплутал в этом квартале извращенцев, я часто вспоминаю, глядя, как мимо террасы шныряют другие альфонсы

или шикарные молодые пидорасы, я любуюсь ими и иногда хочу, наверное, их содержат так же,

как этого стройного и лихого брюнета, вывернутый наизнанку цветок, прекрасное детство возвращается к своему старому супругу

я спрашивал

по телефону, дома ли старик, он отвечал нет, и я шел к нему на свидание в их квартире рядом с Эйфелевой

он уехал в Ниццу следить за женой, похоже, она ему изменяет

так он женат?

да

и его жена живет не в Париже?

нет он ведь не сумасшедший, к тому же это его второй брак, у него куча детворы, я видел одного такой красавчик наверняка не от него у тебя есть где записать? я объясню, как найти квартиру, это не так просто

(я просил его прийти за ромашкой, которую подарил ему, я вынул ее из петлицы около полуночи за пару дней до этого)

похожий член, торчащий из ширинки, этот цветок с твердым стеблем выворачивал наизнанку его воротник я засушивал его, лепестки желтели, опадали, их белизна напоминала о строгом, узком иссиня-черном костюме, который он тщательно чистит щеткой, перед тем как отправиться на танцы аскетичный силуэт, его необычная мягкость сродни пацанскому личику, волевому и серьезному

(вскоре он приходит, запыхавшийся после подъема по лестнице, взволнованный, точно жених

мы слушаем пластинки, пьем виски, мартини, целуемся, садясь на подлокотник кресла или боль-

шие подушки на полу, он целует очень осторожно, без остановки, как влюбленный)

едва стемнеет, мы выходили на улицу, он даже не взглянул на мой член, хоть я показал ему нашу комнату и сказал, что больше не сплю со стариком, но там, на диване, он оставался целомудренным, сдержанным, гладил мои волосы, глаза, любовался моими фотографиями (я там почти голый, снимки цветные, удачные, я очень хорошо получился, такой красивый, сфотографировался на свое девятнадцатилетие, пару дней назад, я нигде не показываю ягодицы) мы завершали вечер в барах, клубах, дискотеках, где меня знали, он скучает, пьет, у него грустный взгляд, как будто я не дал ему, теперь уже слишком поздно, скоро вернется старик

мы были странной парочкой, влюбленный без гроша в кармане, и я, содержанка, содомит

у меня в шкафу лежала упаковка лапши я возвращался домой голодный и варил ее на газовой плите по служебной лестнице на восьмой этаж четыре стенки дверь оконная рама на шарнирах кровать умывальник я туда ссу сливаю воду из-под лапши ем прямо из кастрюли лапша несоленая у меня больше не было денег лето заканчивалось оставались виски, чай, масло, варенье, сухари на завтрак вдвоем

я раздеваю тебя отсасываю ебу подтираю укутываю в постели бужу в полдень завариваю чай подаю делаю бутерброд (я подобрал его на скамейке лет четырнадцать а уже пидовка он запал на меня а я презирал его)

вечером я не ужинал, в обед почти ничего не ел, полный стакан виски в обжигающий чай

выпивал до дна я лежал на кровати с голым животом вывалив хуй наружу смотрел на фотки и ромашку, не хотелось ни гадать на ней ни дрочить на картинки из головы не шел паренек которого я бросил утром шлюшка едва я вскочил на него он сказал Я целка входи мягче но все прошло как по маслу

не надо было с ним рвать, такие молодые пидорки на дороге не валяются, я тогда просто не протрезвел, когда был еще пьяный, не взвешивал свои поступки, а когда был уже пьяный, обдумывал их гораздо лучше, сегодня утром нечего пить, и я его больше не увижу своего голубка ты не напишешь мне ты любишь только хуи и ласки это может дать любой, да и бабла в придачу

улицы под деревьями проезжавшие мимо машины аркады сколопендра улицы Риволи мы вышли из Тюильри мы были теми кто значит мы в кафе

кто-то берет свое пиво и придвигает к моему

в такие вечера я воображал кого-нибудь, ставил на стол второй стакан и наполнял его, чтобы оставить следы присутствия тот, кого я отшил утром, тот, кого нашел вечером, я сидел в одиночестве, вымотанный, обалдевший, и жрал лапшу, выдумывая не пойми кого

и каждым прекрасным летним вечером Тюильри, Оранжерея, терраса пидорасов, виднеется Сена и освещение на Площади Согласия

это зрелище мы будем наблюдать сотню раз, разве нет? еще один жирдяй идет за мной и без лишних слов протягивает руку

добрый вечер мсье Париж – потрясающий город

не думаю

смотрю на Сену и кусочек Эйфелевой вдалеке над деревьями верхний этаж с широкими панорамами кладу на балюстраду ладони такие широкие и короткие, что кажется, будто у меня нет пальцев суетливые толстяки боятся опоздать на автобус, поезд, упустить парня из-за своего веса, замедляющего движения, словно они беспрестанно тащат на себе мешки, подушки, ковры, взмыленные носильщики собственных тел, торчат лишь их полузадушенные раскрасневшиеся головы сложить бы все на тачку и спокойно толкать перед собой, но увы это же они и есть а ступни маловаты

поношенный галстук, завязанный узлом, вытянутый, похожий на шнурок он настаивает, показывает Париж, Марсово у наших ног, Трокадеро

это зрелище, которое мы будем наблюдать сотню раз большая квадратная голова ляжки дрожащие глыбы мертвенный взгляд бедный педик втиснутый в этот скафандр сентиментальность заставляет его задирать лапки кверху, ложиться навзничь с красивым мужчинкой, ебущим в жопу (или эти агрессивные молодые братки с хуями, они тоже оборачиваются за деньгами и подставляют задницы, будто алтари, под животы раза в три больше) сколько вам лет

девятнадцать я уже старый

старый?

толстый старый все старое мой лучший возраст когда мне было семь

семь боже ты мой лучший для чего?

ну для любви разумеется не то что сейчас и я встаю в позу у металлической балюстрады башни, будто у перил прогулочной палубы трансатлантического парохода, горделиво всматриваюсь в горизонт, бриз развевает мои непослушные каштановые кудри, соленые от брызг, ветер дует в лицо я не осознаю своей стройности стокилограммовый пассажир рядом со мной пышет страстью

мы садились в лифт южной опоры и пересекали Марсово собирался дождь мы видели, как педики нервничали, будто ласточки, он спросил

вы живете в Париже? можно пойти к вам?

почему ко мне?

(этот толстяк жил со своей мамашей красивый особнячок рядом с Булонским он сбегал оттуда за тайными содомскими утехами в полуразрушенные кварталы – и у него вставал уже от самих негигиеничных каморок этой шпаны с красивыми болтами затем я возвращаюсь

в милое родительское гнездышко, где меня ждет травяной чай, мама держит его в фаянсовой посуде с цветочным рисунком чтоб не остыл, я пью вздыхаю и наконец прячусь в своей большой мягкой детской постели с тяжелыми подушками похожими на сосцы кормилицы я буду оплакивать свою любовь моя рука судорожно впивается в потусторонние члены)

я еще не ужинал

зачем придумывать небылицы скажите да или нет

я еще не ужинал

(ему было нечего потратить на меня ни ресторана ни ночного клуба ну а ебля какой же он страшненький тачка хата отпуск на море даже ради всего этого вряд ли бы я ему дал)

нет говорю пристально глядя на Марсово я занят он протянул руку

ну что ж до свиданья мсье и энергично пожал

я энергично пожал он повторил Я занят это парижское поветрие стоит им возомнить себя красавцами и они начинают ждать бог весть кого русского князя за́мки золотые реки у них есть только хуй и жопа как у всех в конце концов за кого они себя принимают?

я дохожу через сквер до набережной Бранли замечаю козленочка и разворачиваюсь у меня светский вид испанчик лет пятнадцати–шестнадцати глупо улыбается слегка косит он еще не бреется я провожу указательным по его подбородку Ты милашка пошли вон туда он с притворной скромностью опускает голову и шагает впереди меня к кустам красивые ягодицы я даже прикусываю язык альков из листвы

я самый красивый самый высокий он ждет не дождется когда я начну волосы у него на теле пахнут марсельским мылом его длинный конец входит между моими губами и я уже ебу его пуская слюну

за Оранжереей мелькала тень я шагал вперед тяжело дыша двадцатилетний испанец я подрулил к нему Добрый вечер мсье гуляете? жвачка в зубах он теребил ее пальцами иберийская улыбка молодой приземистый бык дикий бычок и черный неповоротливый бык такими мы будем и в постели

у меня в анусе пульсировала артерия он по-идиотски тянул жвачку Добрый вечер мсье да у меня есть комната можно пойти ко мне но моя арендная плата, вы не могли бы выручить меня полсотней франков?

где ты живешь?

в десяти минутах вы увидите это совсем рядом в потемках мы медленно шли вдвоем к Сене вода отсвечивала Париж – потрясающий город говорю можешь обращаться ко мне на ты

паренек двигает бедрами чтобы я поскорее кончил, спустив, вынимаю член, он оборачивается и шепчет

ээ можно мне тоже?

что можно ты хочешь мне вдуть в твоем-то возрасте?

очень хочется да нет только не здесь тут слишком рискованно в следующий раз у меня будет квартира я живу у друга точнее у одного человека его не будет дома а сейчас я тебе подрочу хорошо?

ох подрочить ты меня трахнешь еще раз?

(я пожимаю плечами показываю на свой упавший, капающий член) я тебе подрочу?

ну ладно, да вставь палец

палец?

в жопу, я сам себе подрочу так мы завтра увидимся? я ухожу из школы в пять

завтра да

в комнате? я тебя трахну? или у меня это в пригороде там есть лес

посмотрим, может в лесу

на поезде это недалеко э, ты у меня отсосешь еще разок? ты не глотаешь?

если недавно кончил то нет, завтра

тогда до завтра (он застегивается вытирает пальцы)

до завтра

такова жизнь у меня был трипак в жопе так болело что ты себе не представляешь я даже срать боялся а теперь больше не могу подставлять задницу у тебя совсем мягкий я тебя не интересую? ну тебе нужно что-нибудь особенное о чем ты не говоришь чтобы возбудиться у тебя есть свой способ я уверен иначе в твоем возрасте не встанет открой свой секрет ого ты хочешь чтобы я тебя высек возьми мой пояс ну да секи меня мне это нравится но не слишком сильно не до крови только в самом крайнем случае ай слышь стой ах ты зверюга ну что так и не встал? а я понял ты просто валяешь дурака ничего не говоришь обо всем нужно догадываться легонько колоть булавкой залупу, нет? ха очень хорошо как швейная машинка обожаю сделай мне так совсем легонько быстро-быстро только не до крови полегче ой-ой-ой ты что чокнулся ты знаешь сколько тебе лет да тебе же за сорок когда ты начал? я в шестнадцать мать сказала Делай что хочешь ты мне больше не сын но хотя бы своего братика умоляю оставь в покое ох какой он был красавчик мой бра-

тишка знаешь ему сейчас пятнадцать такая цыпа ты его увидишь эх и я пошел в больницу к психиатру меня там пичкали лекарствами ставили уколы я все время спал у меня больше не стоял я совсем расклеился превратился в дебила из меня придурка сделали чтобы я любил только баб где это видано а тебя лечили?

нет а твой братец такой же?

думаю да я видел его в лесу он еще живет дома без трусов красавец-брюнет они наверняка встречаются в Тюильри я знаю он ходит туда после школы а потом садится на поезд эх он не такой дурак как я но я доволен мои родители сволочи наложат в штаны с досады

ты его бил?

своего братика? как можно он же такой милашка большущие глаза длинные ресницы красивые ноги и попка вылитый младенец и даже не волосатый не то что я и от него так вкусно пахнет и прибор у него здоровский я видел его пипиську когда он ссал кстати в воскресенье он приходил поссал в умывальник в сортире там была куча народу я сказал ему Ссы в умывальник и увидел его пипиську он прятался но струя была сильная когда он закончил стряхнул последние капли и у него встал аж до самого крана просекаешь длиннее чем у меня я сказал ему Слушай а он у тебя растет я спросил ты дрочишь и он засмеялся я сказал Когда дрочишь ты думаешь о девчонках или мужчинах он ответил По-разному я сказал Дай мне отсосать вот увидишь как приятно он ответил Я знаю он знал представляешь? мне аж дурно стало я сказал Жаль я бы тебя научил он сказал Ну ты и сволочь и засмеялся он не прятал хуй понимаешь у него так и стоял над умывальником он держал его я тебе что не нравлюсь у тебя же совсем мягкий

тебя не возбуждают мои рассказы? ну тогда почему у тебя не поднимается ты еще не такой старый я спал с мужчинками постарше тебя и у них хорошо стоял даже толще я много всего насмотрелся я работаю официантом в кафе глянь на мои предплечья тебя ничего не интересует я тебя лапаю а у тебя не стоит сроду такого не видал а я ведь умею лапать и все парни не успею потрогать у них поднимается а у тебя да что с тобой такое? в конце концов такова жизнь ты что не хочешь меня? только давай по-быстрому просто после трипака мне больно ебаться сама-то мысль возбуждает но это слава богу проходит а у тебя он маленький голубок надо же поднимается это потому что я назвал тебя голубком да? ай осторожно не входи так быстро ай нет чересчур больно выходи выходи говорю же ай быстро выходи ух как больно хуже чем когда срал никогда бы не подумал что такой маленький хуек как у тебя снова упал сроду такого не видал в конце концов такова жизнь тогда чего ж ты хочешь чтоб я тебя трахнул? какая у тебя толстая жопа постой я вставлю тебе спереди по-парижски вверх ногами дырка хорошо открывается я быстро кончу голубок я вспоминаю брата и сразу кончаю знаешь я ему рассказал про набережную Бранли там можно ебаться по вечерам лучше чем в Тюильри но только надо быть начеку кругом легаши особенно в его пятнадцать и сквер Людовика XVI знаешь рядом с вокзалом Сен-Лазар и хезник в квартале Батиньоль ты там бывал нет я работаю официантом в кафе на углу слышь а у тебя нехилая дырка дохера ж тебя ебли ты наверно был в свое время пидовкой у меня толстый елдак и даже не жмет слушай сожми очко ну хотя бы попробуй немного сжать ух ух ух аж весь запыхался раздвинь сожми ты мо-

жешь кончить не трогая себя пока тебя трахают? я когда-то мог еще до трипака а сейчас уже нет такова жизнь так ты дрочишь двумя пальцами умора сроду такого не видел это тебе живот мешает да или у тебя просто такой короткий? а я и не заметил все равно двумя пальцами ха-ха у моего брата длиной в ладонь и пальца три не меньше ох-ох-ох да нет же рассмешил три пальца не в длину а в ширину ох-ох-ох твоих три пальца ага ха-ха чудной ты ах-ха-ха-ха тебе же нравится когда тебя ебут это заметно я ебу тебя как следует толстые хуи это твой размер наверно тебя от них тащило расскажи немного какой был самый толстый и самый длинный? а ты все-таки жирный жаль что у тебя плохо стоит уверен тебе нравится что-то такое

я боялся попросить чтобы он заткнулся он затащил меня в эту квартиру на последнем этаже в чем мать родила мы бились друг о друга животами его стояк красивое тело сплошные мышцы мой жир и пот потом он потребовал свои полсотни франков я заплатил и мы легли спать он говорил мой член сразу съежился моему телу не хотелось больше ничего тысячный мальчик и к тому же тысячный монолог дальше некуда чтобы возбудиться я думал о детях

(я люблю представлять что мы малолетки и под утро наши розовые стоячие пиписьки робко и с удивлением задевают друг друга и наши поцелуи сладкие словно конфеты во сколько это обойдется настоящий маленький мальчик надо путешествовать)

все те же фланеры, те же улицы, лица, причуды, напрасные презрительные и любовные жесты, те же кафе, гостиницы, магазины, те же шпики, та же тщеславная рисовка восемнадцатилетних неудачников на Сен-Жермен, продажные задницы другие места, города, страны не вызывали ни малейшего любопытства, я упорно продолжал искать здесь, блуждания возобновлялись каждый вечер, но я никогда не становился одним из них опровергнутое, раздробленное время, где все, что остается с виду одинаковым, безмолвно вырождается

я слишком много думал о былом, начальных годах, добрых ночах своей жизни, не оставляющих следов

приходилось путаться с мужчинами-блядьми я надеялся что когда-нибудь смогу им платить буду неуклюже доставать бумажник на глазах у безработного парнишки отводящего взгляд

я стервенел, еще немного терпения, и я добьюсь своего, новые дни блужданий, новые случаи ночного эксгибиционизма, суходрочка, чесание языков, я тоже доживу до того возраста, когда обрету силу, чтобы сидеть в здешних кафе, вечером в день получки, надев свой лучший костюм, и пить пенистый скотч со льдом вмес-

те с дежурным альфонсом, со своим хуем на час, со своим идолом за сотню франков, посреди прочих мужей, довольных своими законными молодыми супругами, словно обуржуазившийся пачкун, он не соблюдает правил, зато его срака набита дерьмом, у него нет сисек, зато его хуй стоит трубой

стулья, террасы с выставленным напоказ экзотическим хламом, так при сносе домов со стен свисают заплесневелые обои, я стану таким же, это пугáло потом я все забывал и начинал снова, срывался с того места, где остановился, смирялся, не признаваясь себе самому, неисправимая целка, девственник навсегда

я сыт этим по горло я созрел для панели по крайней мере для денег все серьезно иначе когда мне стукнет двадцатник я закинусь фенобарбиталом и опля нет лучше уж на панель, как мать

у нее губа не дура со всеми этими богатенькими отчимами которых она мне находит но порядочная и высоконравственная я тоже буду таким и всегда запрещает выходить по ночам старая шалава боится конкуренции Когда тебе исполнится восемнадцать говорит эта сука мы больше не выходим толстые бабы толстые пидоры бабло и сперма и я такой молодой и абсолютно испорченный, вконец распущенный кто бы мог подумать что я буду работать в Тюильри это изменит меня

всегда сжималось сердце, когда я перелезал через решетку, ничего не происходило, там были джунгли с их страхами, наверное, здесь что-то случалось, я не забывал об этом, под листвой, пронизанной светом, где мы прятались, ночные мумии, машины для съема, бестелесные существа или су-

щества, у которых есть лишь кожа, остатки желез, пустой и дебильный взгляд, как у лопнувших лампочек, пуговицы штанов, жирная бумага, где кусочки кровянки оставляют следы, как при поносе, похоть в наших прекрасных глазах

и я полон решимости иду за ними у меня стоит как стальной и брызжет я не надеваю трусов перед моих брюк намокает потом я стираю их с мылом если не найду кого-нибудь низкие ветви падают

на лодыжки там розы и фонтаны морячок с белым воротником грациозно проходит квадратный в своей форме стадо самцов во время гона так и липнет к его ягодицам задумчивые тапетки чистые души синяя форма будит мечты об исполинском золотом хуе этот моряк подставной, наверняка ряженый, ничего интересного, если сниму его, он должен будет трахать меня, не снимая костюма, а я разденусь догола и буду тереться о его пуговицы

в костюме моряка я выглядел чересчур сексуально они любовались мною точно цветком в сквере а я кружусь и верчусь сталкиваюсь со своими поклонниками и выбираю самого миленького девчонку что стесняется моего толстого прибора

вечно эта дыра с ее древесным куполом и скамейками я вхожу туда моряк за мной у него персиковые щеки приятная женская внешность

остальные с досадой поворачивают обратно или кто-нибудь остается у входа засунув руки в карманы против света виден его силуэт в форме юлы широкие брюки жирная шея настоящий папаша с кодаком и шаром для петанка он пялится на нас полумрак белый воротник мальчишеский матросский воротник и невидимая ис-

синя-черная материя куда спускаются мои пальцы я хватаю член вставший по стойке смирно липкий от возбуждения залупляю он достает его вот он одинокий горячий нежный неразличимый в темноте я сосу его стоя на коленях

его голова поднимается и опускается люблю когда мне делают минет я спускаю ему в глотку без предупреждения он просто отворачивается и выплевывает я предпочел бы заняться любовью а не так вот ссать стоя но он спешит входят мужчина женщина мы сваливаем нужно снять другого чтобы он меня трахнул

я выплевываю его сперму в грязь мне приходит в голову наступить на плевок и повернуть вверх подметку старая сволочь вылижет свой башмак как только придет домой, возможно, устрою ему это позже (своим ртом с вставной челюстью я смакую подростковую сперму, а потом сплевываю ее в ладонь натираю себе анус и снова глотаю)

дома я снимаю форму споласкиваю член и наряжаюсь блядью я закончу вечер на Монпарнасе и Пигаль в барах для трансвеститов, я ищу знакомого красивого парня, который снова меня захочет он дрючит жестко я лижу его яйца когда он спит мне хочется настоящего самца сегодня вечером слишком уж тоскливо (я даю им на кровати они укладывают меня в позу эмбриона и заставляют свернуться плотным клубочком мне так удобнее они разрывают мои нижние юбки и насилуют потаскуха ревет пока ее ебут в жопу ее плоть растягивается хочу хочу еще я буду трахать себя чем попало рукоятками трубками морковками огурцами колбасами бутылками своими

десятью пальцами обеими ступнями пятью хуями собранными в пучок которые извергнутся все вместе реактивным двигателем) ни один мужчина нигде никогда и никто не заменит большую желтую свечу слегка согнувшуюся от тепла моей задницы и никто не спасет меня от отчаяния я переодевался бабой всего раз в неделю и именно в этот день он спал со мной по-другому мы не виделись, ему бы очень быстро наскучило, да и мне тоже, я предупреждал его у меня блядский характер но если чересчур зудит в одном месте я иду к нему сверх графика и он трахает меня без единого слова

досадно когда он стучит в дверь запыхавшийся после подъема по лестнице а я бормочу привет непруха в приоткрытую дверь я замечал его белый воротник новобранца он повернут на флоте изображал юнгу мне это в принципе нравилось я позволял расстегивать на себе одежду делать минет он становился на четвереньки дурачился скакал на мне верхом странно что не орал он еще слишком молод (под ниспадающей прядью его глаза смеются от похоти)

и выпроваживает меня

я хватаю его длинные ноги говорю Твои яйца ох и яйца я обожаю тебя большой хуй истекающий потом или моей слюной и он застегивается а я снова смотрю на него

(после секса страшненькие остаются лежать в постели а молоденькие линяют у страшненьких всегда есть постель они валяются под простынями пока любовник натягивает трусы взволнованно повторяют Тебе так идут эти брюки они так туго обтягивают попку)

мне вообще нравились туго обтянутые попки, неважно чьи, если, конечно, это не был голубоглазый блондин когда лицо нежное, тело кажется более звериным, более сексуальным, ангельские личики, я с хрустом вгрызаюсь им в анус, до самого дерьма, когда я отливаю свою физиономию в эту форму, она превращается в заостренную лисью мордочку мечтаю о том, чтобы брести по жизни, изобилующей голубоглазыми попками, их можно встретить летними вечерами возле кинотеатров, балаганов, освещенных пятачков пухленькие, крепкие и подвижные, с податливыми лицами, они предвещают юную силу бедер, балансирующих надо мной как специалист по анусам я вербую патлатую шпану, спящую на общественных скамейках, елейно зазываю их к себе домой – выспаться в настоящей постели, перекусить – они редко отказываются, знают, что страшненькие пидоры – божьи одуванчики, непритязательны и всегда платят

он с материнской заботой приводит меня в свою ухоженную квартирку с розовой прихожей, веселеньким кретоном, безделушками, картинами под стеклом: Аполлон, младенец Христос, цветной де Голль наливает мне «дюбонне», разогревает консервированную капусту, я прикарманиваю сигареты и пачку бисквитов, он не решается что-то возразить, дождусь утра и попрошу бабок, даже если придется слегка надавить, они всегда ссут, когда на них наорешь

большая кровать вдовца, спальня обита пюсовым бархатом, старорежимная мебель он объясняет, что спать придется вдвоем, другой кровати нет, я делаю вид, что отказываюсь, это должно его возбудить, вырываю у него пуховое одеяло и устраиваюсь на полу, он в растерянности, упра-

шивает, предлагает принять душ, я посылаю его к чертовой матери

укладываюсь спать он выходит надеть пижаму, возвращается весь розовый волосы гладко прилизаны, зубы продезинфицированы потихоньку ложится и потихоньку гасит свет некоторые набрасываются почти сразу, другие выжидают, пока не заснешь, мне больше нравится по-быстрому, чтобы скорее закончить, я говорю

Ну что, собрался с мужеством или бляха дай вазелин и повернись но этот даже не дотрагивается а заползает под простыню, будто в норку, и внезапно вставляет язык мне в дупло

Ну хорошо, приятного аппетита, девчушечка он молотит лбом в очко, словно пытаясь загнать туда нос зубы пальцы и все на свете я сейчас обосрусь я сажусь но он цепляется и под конец я бью его а он хнычет над моей залупой ну и размазня и вот это вот мне придется ебать

(дерутся

они очень редко я представлял себе красивых белокурых подростков голых и злобных которые избивали меня прямо в кровати – но они позволяют делать с собой что угодно, только не целовать милые головки с золотыми шелковистыми прядями ласкающими шею пока они имеют меня а я взволнован оттого что стал их женщиной и благодарен за крепкий, спокойный жезл который завтра он выпьет чаю съест яйцо всмятку и пару тостов с маслом я подам их в кровать В вашем возрасте нужно хорошо кушать!)

самоутешительная болтовня, он больше не снимал красавчиков и никого задаром, изредка ленивый бородач с махоньким болтом, хреново ебется, вонь из-под мышек и он тырит у него бумаж-

ник но он выдумывает себе моряков, шпану, нежных альфонсов, услужливых битников, озорных проказниц, ну весь этот фольклор, мечтая о них, он даже не дрочит, а хлещет бокалами мирабелевую настойку, ностальгически, после ужина
завтра мы увидимся в баре и он все расскажет

навьюченный как осел и такой милый чего ты хочешь я не мог не дать ему немного деньжат рассказать о тех парнях, которых я придумывал, глядя на сувениры, фотографии, уличные видения, мой черно-белый рай, мои безликие божества, вроде толпы в вагоне метро, мое несбыточное счастье мелкого служащего

тридцать, а то и пятьдесят лет ковыряться в одних и тех же салатах и умереть уличенным, с причастием и спермой в анусе похороны, старые суфражистки из «Аркадии», старуха-сестра, консьержка

тебе противно

мой пидорок но ты тоже пройдешь через это, хотя тебе пятнадцать, я уже вижу тебя таким, когда ты забавно выгибаешь голову, изучая мою анатомию все готово, ты ласковый, доброжелательный идеалист и без ума от толстых хуев – твоя молодость смердит, твое сердце обсирается от любви

у меня стоял от его четырнадцати–пятнадцати лет, а на все остальное начхать

я больше не чувствовал себя, не следил за собой, не любил себя, с тех пор как он встал прямо передо мной, руки в брюки, мой ебарь, мой самец, мой первый, я отдалась без остатка (вот, шепчет он, я отдамся тебе опробую это слово, романную, женскую фразу на моем органе, который надругался над ним, изнасиловал, заполнил и теперь белеет,

скукоживается под водой из крана в маленьком умывальнике

тебе понравилось мой голубчик? (у него все проходило через жопу, он думал, чувствовал, говорил прямой кишкой и анусом, длинная глотка, тесный рот, где болтается и треплется язык, ему не принадлежали хотелось жмокнуть мальчишку, и я удовлетворил тапетку

пошли

38 моя красавица мы оденемся закончим я загляну на Сен-Жермен чтобы не прерываться да я бросаю тебя представь себе можешь вернуться к своим бабам но сперва помоги застелить постель я не могу ее так оставить что обо мне подумает следующий

самое время часок вздремнуть, вытряхнуть пепел из пепельниц, умыться, и всё я разрешил ему последний раз кончить мне в рот, меня мутило от его мальчишеской спермы, горькой и тягучей, как зеленые сопли, я сосал только из-за члена, твердого, изогнутого насмешливым носом, не толще большого пальца сейчас у меня испанчик мы ложимся в постель после обеда он садится на меня и разрешает ебать я ловлю его залупу всасываю втягиваю он выдвигает бедра вперед половина его хуя входит он вполне может спустить я проглочу раза два

какая ж ты все-таки скотина мой голубчик (он называл меня скотинкой а я потихоньку трахал, с самого краешку, боялся порвать его дырку, пацанскую, безволосую, круглую, звездообразную, как пупок, мой хуй осторожно запускал туда мордашку, слегка напирал, отступал, снова напирал, звезда сжималась, вваливалась, открывалась, продавленная, разглаженная, и все

целиком входило внутрь я натягиваю его спереди и слежу за гримасами на лице, он судорожно обнимает меня ногами за шею, будто страдает запором и тужится, он даже говорит Срать хочется, ложный позыв, я пожимаю плечами и ебу я любил его оскал, когда ему было больно, и чтобы вызвать его, ебал все жестче скотинка но ему это нравилось он извивался от страсти раскидывал руки и ноги обнюхивал меня в самом низу я спускал он умолял Только не выходи! я оставался внутри моя головка двигалась вдоль и поперек я дрочил наяривал всласть тепло под крышей спальни)

мы шагаем по Елисейским, я холодно осматриваю его попугаистый наряд, странные у него предки, если позволяют так наряжаться, бирюзовые брюки, которые он распорол и перешил, плотно облегают ягодицы, оранжевая рубашка, куртка в крупную зеленую и белую клетку, красные носки, черные туфли, он глазеет на всех самцов без разбору, туристы в шортах с большими животами и толстыми коленями вызывают у него обольстительные улыбки, его не интересуют только маленькие мальчики, ну а я смотрю на них в оба едва очутившись на улице он пытался соблазнить всех мужчин вокруг придется его отлупить чтобы научить хорошим манерам но единственный раз когда я отвесил ему оплеуху это была случайность теперь с этим покончено, я вверяю его неизбежной участи – быть просто сракой

(ему я очень нравился но мы не могли оставаться вместе всю ночь мне нужно было вернуться домой пока не встала мать иначе она узнает что я не ночевал дома закатит сцену и посадит меня под домашний арест, мы заводили будильник на четыре

утра, но иногда он не звонил, мы забывали завести, и нас будил рассвет)

пять утра и пора уходить, растрогавшись на заре я прижимаю его к себе словно уличного мальчишку, провожаю под белым небом с восходящим солнцем, по улицам без свидетелей, без машин, лето, воздух и свет пронизывают все тело, свежие, упорные, говорливые, и вновь расцветают все краски покрываясь гусиной кожей мы пересекали Площадь Согласия золотистые цвета бледная рассветная свежесть сегодня утром у тебя был красивый профиль, на пешеходной дорожке

казалось таким странным что мы шагаем взявшись под руку по улице и целуемся это был самый приятный момент

мы выходили на Сен-Жермен чтобы подождать в кафе открытия метро эта ломота в костях и языке с перепою, от избытка траханья, кусанья, сосанья, целованья, кувырканья, кончанья, но мне было хорошо следы от укусов на наших шеях, кто сильнее вопьется его шея в фиолетовых тигровых полосах я стискивал скатывал кожу до крови везде, на лестницах, на станциях метро, на углах улиц в пять утра, мы начинали снова

ликующая заря и солнце над обновленным городом

небесная высь точно ровные и тусклые берега, обледенелые и голые, насколько хватает глаз, и среди них затерялось наше крохотное тепло

мои руки для него мой орган мои дни с самого рас- 41
света и эти интрижки в уснувшем Париже больше
никогда не надоест мне чтобы ты сдох опять
получить свой член в полное распоряжение дро-
чить его снова видеть свою сперму которую я вы-
тираю спать в одиночестве жрать в одиночестве
пить в одиночестве когда тепло больше ничего
не отдавать быть предоставленным самому себе
вожделеть тротуары дома витрины брести куда
глаза глядят я шагаю туда но мне дарят ромашку
и я шагаю рядом с другим скоро снова начну
давать взаймы свое тело свой рот и пропиты-
вать молофьей плоть меня отвергает она роскош-
ная гибкая и утонченная
моя голая бутоньерка
непристойная неброская щель ее не скроет ни один
цветок моя раскрытая щель он терпеливо просле-
довал за мной я говорю да завидую ему он может
желать подходить выбирать
я говорю да но знаешь я живу у одно-
го человека предупреждаю ты только теряешь
со мной время, я не свободен, деньги понимаешь
а если тебе поискать работу?
эту или другую
(я работаю даю одному челове-
веку я достоин уважения лучшие годы в посте-
ли старика Я принес свою молодость тебе в жерт-

ву! я шикарная путана на мне плотно облегающие брюки я выпячиваю подтягиваю повыше хуй и яйца у меня разноцветный галстук волосы в живописном беспорядке обувь тесная красивая навощенная куртка необычная типа болеро не прикрывает поясницу талия тонкая попка такая маленькая что можно с ума сойти тепло-холодные правдивые глаза важный вид на меня стоит у любого я притягиваю взгляды еще издали)

вытянутое и резкое черное пламя его образ отпечатался на сетчатке и пока взгляд вперяется в пустынную темноту туда незаметно проникает пламя вновь появляется и мерцает в самой светлой части незримого – затем медленно слабеет, неуловимо стирается

(я не искал клиентов на час, стремился к основательности, никогда не промышлял на улице: бары, рестораны, клубы для избранных, никакого съема никаких разговоров о деньгах)

(эти клиенты идеально пригнаны к молодых хуям, задевают их, лепят, подкрашивают, убирают цветами, играют в бильбоке (их головы залиты луной), нервничают, стискивают челюсти, у них слегка встает, серая кровь приливает к вискам, к головке, к дрожащим кончикам пальцев, узловатых от колец хриплый спазм, а затем, совершенно спокойные, с влажными взорами, они задушевно рассказывают о 20-х, своих любовниках с Капри, из Иерусалима, грубые, дикие, ребячьи тела с тяжелыми медитативными яйцами, одалживают сепии и романы, иллюстрированные прекрасными непристойностями, мы ужинаем в старомодных ресторанах, церемонность, жесты, посуда,

отстраненная одежда, алый цвет отвислых щек, вин и обоев)

съем отбивал у меня аппетит вечером я ничего не ел всегда пропускал стаканчик в одном и том же кафе (меня там не узнавали, не разговаривали), а потом опять выходил на панель

шлюхи и клиенты, бабки в обмен на мясо

гуляете?

альфонс прошлого месяца, гадает, обслуживаю ли я дважды, я поимел его со скидкой часа в три утра, он знает, что я мало плачу, но останавливается и подваливает, обескураженный потоком слишком гордых и веселых прохожих, он хочет отвести меня в гостиницу, разумеется, я не пойду

(улица Катр-Ван, она еще существует?)

тощий, сутулый, одинокий ветеран, я снова уходил, неожиданно сталкивался с прежними партнерами, старыми неприятностями, непостижимыми страстями, былыми радостями, поникшими взорами

узнать хотя бы про ту гостиницу пуделек, наверное, уже успел вырасти и сдохнуть, вертлявый щенок писался от счастья, когда я входил в каморку на антресолях, спросить насчет комнаты, он очень любил меня, я приходил часто, тискал его в нужных местах, и хозяйка приветливо смотрела на меня и моего белокурого хулигана: мы были вежливыми, любезными, скромными, добродушными, хотели снять угол и дергать друг друга за пиписьки, словно двое невинных младенцев, она знала и могла бы отказать зрелая женщина, низкая и толстая, рожа кирпичом, си-

луэт в форме прописной «Я» из-за пухлых грудей, эта «Я» величаво поднималась с нами по лестнице, а потом)

ну и ну так это ты сколько лет сколько зим хотя ты не сильно изменился

(да, живые, уцелевшие, изнуренные, а главное, еще молодые, забавно)

они снова уходили, безразличные ко всему, тотчас меня забывая, такие же невидимые и забытые, как и я, на поиски вечно нового образа, фетиша или марионетки, что пробуждал и освящал их желание, какой-нибудь свежести, которую можно осквернить – или смуглого, волосатого самца, крепкого куска мяса с задницей, члена колонной, измочаленной головки ничтожная, зияющая встреча, так хорошо знакомая, что надо сначала обмануть себя, для того чтобы открыть ее для себя заново, приручить (молча возбудиться, сговориться, сесть и выпить, рассказать выдуманную, неудобоваримую, бесцветную историю жизни, ощутить без риска для себя то, что было предрешено)

но

в спешке, стремясь поскорее расстаться и завтра начать снова, бесконечное тканье, простоватый прибой из рук Пенелопы

другие, менее освещенные, не столь шумные улицы, где открываются черные двери с латунными дощечками и крошечными глазка́ми, обозначающими ночные клубы для педиков, куда мы ходили, когда у кого-нибудь из нас заводились деньжата

другие парни, подростки-девственники, бесцельно искавшие девиц, рабочие-ученики и лицеисты субботними вечерами, редко в одиночест-

ве, но всегда в отдалении, поражавшие чистотой, цельностью образа я домогался их, терпеливо и размеренно шагая позади, пока они не оборачивали ко мне свои непроницаемые лица

нас

роднили безденежье, молодость, презрение, сексуальный голод, но я внушал им отвращение: мое желание разоблачало их в собственных глазах (они умели распознавать пидорские взгляды, беспрестанно притягивали их к себе, ловили, провоцировали)

ведь, стремясь одеваться по моде, они бессознательно перенимали хабалистые повадки и наклонности, выбирали лукавые наряды, облегающие, точно звериная шкура, один экстравагантнее другого, учащийся репетировал перед зеркалом, место и объем органа под ширинкой, повторял движения мышцами, подсмотренные в кино и символизировавшие мужественность (но все равно еще мальчишеские, искаженные неумелой и слишком резвой гибкостью), снова и снова причесывал волосы, более ухоженные, чем у девчонки: подготовленные, вопреки своей воле, к тому, чтобы нравиться только зрелым женщинам и педрилам, дерзкие и слегка насупленные, пуритане в душе, как и вся молодежь, они стали тапетками

другие места встреч, каждое со своими завсегдатаями: общественные туалеты в тени деревьев, скверы черными курчавыми массами посреди геометрического рисунка улиц, к ним подходят нетерпеливо, точно к огромной добыче, конечные автобусные остановки, опять-таки уличные писсуары, посыпанные песком аллеи, речные набережные, гнусные зады буржуазных зданий, лотерейные киоски и ларьки с картофелем-фри на больших бульварах, проулки с проститутками, входы в метро,

тупики, входы в кинотеатры, фойе и безразмерные вокзальные сортиры я составлял опись этих центров, сфер, истечений подпольной жизни, осматривал их в числе прочих беспокойных ходоков, что сталкивались между собой, игнорируя друг друга, мое тело больше не принадлежало мне, в него вселялись они

плестись от одного фонаря к другому, переступать лужицы тишины, подниматься по проспектам шире полноводных рек, глохнуть от грохота грузовиков по влажным волосам, по тому, как стягивалась кожа, мы узнавали, что на улице холодно, этот летний, безотрадный холод, пока не кончится ночь

табачная лавка уже открылась я покупаю сигареты на последние деньги больше не хочется курить горло дерет от двух пачек изо рта смердит после этого горького и сухого отсоса

поблекшие перья, мокрая шерстка, седой волос, не в силах хоть что-то желать, одежда помятая от усталости

(даже в четыре утра кое-где проходят парни, они работают по ночам, но такие свеженькие и хотят теперь ужинать, смеяться, трахаться – сбежавшие из дома ребятишки, солдаты проездом, пьяные полуночники, неутомимые альфонсы, молодые маньяки с уверенной походкой, отрывистыми жестами, резким и решительным взглядом мы находили друг друга без труда, когда угодно, это происходило везде, и я оставался на улице до рассвета, хоть летом, хоть зимой, не готовый расстаться с этими садами, туалетами, домами, вокзалами, гостиницами для свиданий)

(их суровые номера с голыми стенами, холодная постель, грустный пол, расшатанная мебель, пожелтевший фарфор, из окон ничего не видать это уже не комнаты, а фрагменты пустыря, городские отбросы скапливаются под дождливым небом, их сдают на час, есть дверь и замóк мой номер такой же уродливый, но обстановка более интимная, живая и нищенская, там всегда витает дешевый аромат анальной смазки, холодного желе с глицерином (я ищу тюбик рукой, отвинчиваю крышку, пальцем смазываю отверстие, если оно волосатое, запускаю палец вглубь я любил подготовить задницу парня, которого собирался отдрючить, всю ее обласкать, заглянуть прямо в анус, в ротик прожорливой малютки, сосущей мой палец от мази мой член краснел, становился чистым, блестящим, а в кишках у моего петуха уже начиналась недолгая спермо-глицериновая резь)

можно сегодня тебя выебать? я говорил да но хотел чтобы он сначала кончил мне в рот, хотел узнать, какая она на вкус и сколько ее в пятнадцать лет, возможно, экзотический привкус, точь-в-точь как его испанская оранжево-черная шерстка он становился на колени над моей грудью, моя голова сосала и пила внизу его живота, я поднимал глаза, чтобы взглянуть на его тело в ракурсе, слегка склоненное лицо, расслабленные плечи, узкие и округлые, длинный прямой торс, живот с жилистым прессом, лучистый пупок, впалые ляжки до самой паховой складки, эта лира, похожая на птичьи качели, где угнездился член – так я себе его представлял, меня забавлял этот образ, я целовал птичку, она мягко трепыхалась в моей гортани, между ягодицами

можно он натягивает меня мягко, вставляет хуй, засовывает вглубь дырки, которую я медленно выдвигаю навстречу

и так же медленно, безмятежно кончает, красивая белая водица, желтоватая от моих внутренностей, я обожал, когда она стекала в унитаз, натруженный анус, срать спермой меня это восхищало (безумная страна, сказочная принцесса плачет жемчужинами, и где они

падают, там начинает бить ключ)

у тебя красивый хер (я этого не говорил)

ага я знаю выключаю лампу, задергиваю штору, зажигаю свечу подальше от нас, на табуретке, от светло-желтого пламени его кожа блестит (янтарные ляжки, узкий и спокойный живот с натянутыми у пупка волосками бурый, продолговатый зверек, строгая мордочка) я ебу не спеша, попутно наслаждаясь видом не могу сдержать сперму, когда она подступает замираю остаюсь внутри где не так сильно жмет надо ебать часа два, чтобы он разрядился, прямая кишка жутко натерта и два часа без конца трахать пялить потеть отовсюду капает пот простыни мокрые затылок обессилел позвоночник покалывает до самой ложбинки между ягодицами он бесстрастный, неподвижный, с расплющенным обвивающимся телом, ноги согнуты, ноют от усталости, живот согнут вдвое, я давлю на него, надеясь, что он наконец-то получит свою долю и шепнет Ну давай, кончай

но только спокойно, похорошев от ебли, блаженно, умиротворенно, затаив дыхание он обливается спермой та хлещет из всех щелей и я сразу спускаю свою, намочив щеки о его пупок, туловище, хватая зубами его воспаленный хуй, тот обмякает и брызжет мне на язык

у меня
был чай, хочешь, нет, виски, с колой
отвечал да, пил, как мальчонка, сжимая в руках большой стакан

мы отдыхали, наступал вечер, на коже соленая, блестящая корка, сухая потрескавшаяся сперма, пот, обратившийся в пыль
пока он не ушел, зад одного прижат к животу другого, этот плавный, упругий контакт, у обоих вставал, подмигивания, ебля в ухо и снова в жопу

ненасытные оргии в кустах набережной Бранли
балюстрады над Сеной, торопливо кончающие фигуры, насаженные, присевшие, незнакомые руки шерстят кусты и хватают то плечо, то запястье, то гроздь плотно прижатых друг к дружке яиц, исколошмаченных двумя хуями
в последний
раз ласкаю его красивый испанский член, вялый, смуглый, крайняя плоть наполовину поднята, ободок цвета кофе с молоком вокруг головки розовый, безобидный кончик с разрезом, кошачий язык, которым удобно лакать, в небывало пахучем меху
сады Военного училища, безлюдные или типы, снимающие друг друга в сортире под Эйфелевой, взяли его под свою опеку, содержат в порядке, поджидают любителей расположившись поудобнее, презрительно ссу, теплый водопад провоцирует молчаливую суходрочку окрест

невинные туристы осматривали окрестности, выходя из автобуса, наблюдали педерастическую карусель в аллеях, со скамеек, где устраивались

их почтенные, чинные, интернациональные парочки, мало-помалу изумляясь грустным тапеткам, шагавшим, бегавшим, приставшим, рисовавшимся, насупленным, одиноким

мы берем такси на двоих и приезжаем сюда, там есть куст, хранящий нашу тайну, небольшой зеленый амфитеатр, он будет пахнуть сексом и оргазмом живо разместились в зарослях, живо посмотрели живо потрогали живо ушли живо, наверное, мне это нравилось затем расстаться, выйти из кустов с разных сторон, добраться до ближайшего кафе и, снова став культурным человеком, анонимным посетителем, усесться точно так же, как те, кто никогда не выходит из

несколько километров ради куста не стыдясь, не горюя, не получая удовлетворения, я возвращался в сад, еще одно погружение, еще один выстрел, еще один мужчинка, в иной удачный вечер я находил трех–четверых я ни с кем не был знаком и потому возвращался один (я встречал дырки, облегчал яйца, заполнял случайные анусы, меня изматывали эти долгие партии в гольф из одного конца города в другой, от них тошнило, но я не мог без них жить)

моя комната кусок черного неба в слуховом окне с тучами

все даром, но это и плохо, никакой радости, никакого обмена

опустошенный, вялый из-за потерянного удовольствия, разбитый, обессиливший от успокоения, обретенного так низко, так далеко от себя или наоборот так близко

побелевшая жизнь, и в этих тусклых испарениях высится

год, месяц, трудный день старого времени, суровое воспоминание, последний повод для правды – две–три бандерильи в цельном зверином крупе, он больше не реагирует время делало нас такими же бесцветными, просвечивающими, каким было наше окружение в конце концов отсутствующими, безликими, белыми и я тоже исчез под этой белизной

сырость в моей комнате пахнет оцепеневшей от холода плотью, обморочными телами, вчерашними простынями, мокрым от спермы носовым платком

лето заканчивалось шел дождь

дождь наконец-то я мог больше не выходить, смотрел в окно на парижские крыши, вниз на тротуары с плясавшими зонтами

(осень и блаженство прогулок, зябко кутаешься в плащ, из носа текут холодные капли, счастливый, безгрешный краткие дни в перерывах меж долгими ночами, я искал теперь не телá, а лавировал среди дождевых завес в поисках мелких тварей, таких же холодных, как он выпить в кафе грога – прохожие быстро пробегают вдоль окон террасы, сгорбленные, невыразительные, задевают друг друга локтями на бульваре, запутываются кончиками зонтов – а рядом со мной, в облаке пара от обжигающего стакана, этот молоденький, новенький и бодро сидящий на стуле подросток, которого я осыпаю лестью)

это могло случиться на семь этажей ниже, но мне придется выйти под ливень, часами ждать, прячась на крыльце, рядом с общественным туалетом, куда заглядывают лишь для того, чтобы лучше рассмотреть прохожего, который только что вошел

мой носовой платок был дороже всех возможных встреч и полностью их заменял: я больше никогда не выйду из своей комнаты, больше не провожу ни одного педика по служебной лестнице

(узкой, покатой, с пятнистыми стенами и мокрыми от дождя ступенями, почерневшей от подметок прислуги, с простуженными площадками, высокими коридорами и толстым слоем накипи) я запираюсь, уединяюсь в этой клетушке, не шевелюсь, сжимаюсь и наслаждаюсь своими запахами и нервами, живот испачкан, язык отяжелел, в душе смута, словно я перепил, переел, перетрахался, взгляд безжизненный

дождь лил до самого вечера, я выходил купить бутылку рома, смотрел на тротуары, соседнюю киношку, посетителей магазинчиков, кафе, чтобы принести домой приятное воспоминание, я буду пить вместе с ним, отныне я больше ничего и не желал, собирать образы мальчиков (фигура, лицо, силуэт, волнующая деталь, эротическая или вовсе нет), которые превосходят самих себя, когда отдаются – образы со светотенью, движениями, заданным ритмом, портрет ныне покойного существа лучшее в каждом, то, что уступают неохотно, неведомо для себя

я искал это глазами, платил за бутылку, поднимался обратно, разгоряченный от напряжения, готовил два грога, выпивал оба, глоток первого, глоток второго, они обжигали нутро, а образ тем временем исчезал (мимолетный, предпочтительней любого удовольствия, таким мощным, нежно иллюзорным он мне казался)

я придумывал кого-нибудь, из-за дождя и той апатичной поры?

(я возвращался без образов, пил ром прямо с горла, даже не успевая раздеться)

я пытался разговаривать с ним нас разделяла стена, все

расплывалось в глазах, зрение было настроено на бесконечность, а ближайшие предметы двоились

кто-то похожий на мое изображение, застывшее в зеркале, его не достигает ни один голос, ему нечего ответить

будто зеркало передо мной было оптическим прибором, что проецировал слепую и немую фигуру

незнакомца, находившегося в невесть каком городе, стране или времени

я не любил вот так сидеть, не в чем было упражняться, стремясь стать мастером, не в чем добиваться успеха я трезвел, неудавшиеся праздники, снова настраивал зрение на противоположную стену, бутылку, книгу, образы исчезали, время возобновляло свой ход

окно ром сигареты постель я садился, ложился, на спину, набок, калачиком, ничком, тотчас ощущая эрекцию посреди запутанных грязных простыней, массируя хуй, залупавшийся между складками, постель всегда была смятой, миазмы, предвкушение похорон, затхлый чердак, старый город, где мы живем, куда приезжаем умирать

(алкоголь, смутное желание трахаться, раз уж встал: и я бреюсь, слегка прибираюсь, готовлюсь, мою руки, ноги и отверстия, сейчас шесть часов, я выйду, может, сниму кого-то)

я хотел остаться там, но пришлось бы спать, принимать таблетку (или вставлять свечу, зловещая пустышка), подходить к двери, находить ее, потом выпивать стакан воды из-под крана в умывальнике, совершать эти слишком четкие

телодвижения (жидкость стекает в рот, увлекая за собой белую таблетку, извлеченную из цилиндрической пыльной груды других)

никакого смысла

слишком безразличный, даже нет желания стоять на ногах все сильнее волнуешься, время проходит, приближается пора педиков – порожнее время, мерзкий и неблагодарный час, я обменял бы эту свободу на что угодно, удар кулаком, ранение но чтобы мне доставили их сюда, я не стал бы ничего клянчить на улице все было влажным, я разжижался, мокрый, безмолвный, нетрудоспособный

(изредка спасительный шум, люди топчутся на лестничной площадке, мальчишке дали пощечину, и он ревет, громкие голоса из соседней комнаты)

я смотрю в окно, в отвращении от серого неба, спокойствия, зияющей парижской пустоты без всякой маскировки или прикрас под видом удовольствия, желания, света падаю на кровать, размышляю, впускаю клоачные сумерки, сырость, город, бессчетные годы, которые еще предстоит вытерпеть но никакого желания жаловаться, спорить, возражать

(ребенок если б я тоже мог дать ему пощечину то получил бы еще пять минут жизни, дети для этого и нужны, я говорю только о малышах, о существовании прочих лучше вообще забыть, это слишком меня заводило, до изнеможения)

немой до завтра это пройдет

бесчувственный, лишенный чутья, интересов, ошарашенный, погруженный в это белое тело,

неощутимый, словно воздух, когда стихает ветер

(то, что они называют уверенностью, придало бы мне достаточно мужества для каких-то поступков, отборных, активных, я искал в себе толику наивности, простодушной энергии, достаточно большую, уголок доверчивости, где она могла бы произрасти, похожий на неиспользованную грядку в палисаднике, куда сажают необычный

овощ, пиршество без похмелья но сверху до низу под покровом этого сна все заполняло неверие, ненависть к себе, сожаление о том, что живешь)

моя рука тянется к полу, поднимает старую книгу и подносит к глазам, я нахожу там расплющенный, высушенный венчик ромашки, лепестки, затвердевшие, словно острия пик, и удивляюсь, что пару ночей тому мог принять этот цветок, радоваться ему, попусту растрачивать силы ради того, кто его подарил, гладить, любоваться, хвалить, слушать, испытывать эрекцию и при этом не совершать грубых жестов

у меня настоящие волчьи зубы, так сказал мой дантист (крепкие, сильные, широковато расставленные, как у ребенка, и он улыбался, охотно их показывал, зная, что они красивые, волнующие)

(все требуют, чтобы ими восхищались Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее? или говорили, как он Я страшненький разве нет ты считаешь меня красивым? только на это и годиться, успокаивать их на их собственный счет, осчастливливать, унижаясь самому, мы никогда не опускались достаточно низко, я пресмыкался, точно лакей, старуха, урод)

я встаю, чтобы взять носовой платок, вытираю сопли, высмаркиваюсь за раз аромат спермы в носу – моей, чужой я не проливал ни капли

(тоска, разнообразное прошлое, которого никто не проживал, сюда не добирается, я жил только этим, безличное сладострастие, более-менее развитый дар воображения)

я готов я могу снимать парней предлагать себя сходить в кино найти себе занятие убраться куда подальше

показывают старые немые фильмы я спокойно сажусь спрашиваю себя зачем пришли остальные, почему они не встают, не выходят из зала, придвигается рука соседа, если он начнет мне дрочить, я промолчу

(я решал помастурбировать еще, тучи прорывало, дождь усиливался, я расстегиваю ширинку, слегка тереблю вялый член, вспоминаю в ту минуту, когда он твердеет, как любил это отпускаю его лень кончать)

у меня ни единой мандавошки (это могло бы развлечь, доставать их пинцетом, собирать в ладони и смотреть, как они дрыгают лапками, вырывать у себя волоски в поисках гнид, раздавливать ногтями яйца мои старые обезьяньи утехи, мастурбиады и охота на паразитов)

ни одного прыща на лице или где-нибудь еще (взять зеркало, выбрать самые крупные, созревшие, выдавливать, они лопаются и брызжут на зеркало с сухим треском, прорыв отдается аж в солнечном сплетении, это ощущение тревожило, когда я был подростком)

будильник стоял слева, но я слышал его справа, механизм резко звонил, я отодвигал его, слышал вдалеке, снова придвигал, он замолкал

шариковая ручка я рисую на крайней плоти лицо в виде раскрашенного воздушного шарика большие глаза ноздри оторванные уши хищные зубы дрочу снизу головка раздувается сдвигаю кожу вытягиваю опускаю выкручиваю

человечек гримасничает плачет смеется шевелит ушами моргает череп принимает форму груши сиськи тыквы я хохочу моя марионетка моя голова-залупа мой настоящий друг

(я вставил этот цветок себе в петлицу, чтобы шокировать окружающих, я ненавижу цветы, люди принимают меня за педрилу корчат специально заготовленные гримасы а я срать на них хотел он положил ее в карман обсасывает мои зубы мои волчьи зубы засовывая язык между ними и щекой чистит их ощупывает втягивает я харкаю он глотает я снова харкаю мы обмениваемся жидкостью пускаем слюни пузыри протекаем я молчу он хорошо целуется но лучше бы он был побогаче)

(мне плевать на все их недостатки если только я докладываю в копилку деньжат всякий раз когда трахаюсь тридцать франков с полтиной а то и целая сотня главное никаких подарков натурой рубашек свитеров башмаков нет только бабло свеженькое горячее хрустящее кровно заработанное

только не извращенцы они обворовывают недоплачивают хотя требуют все эти штуки клянусь тебе я не сука но парни с которыми я делаю это мысленно никогда не бывают педиками я не виноват)

я опускаю всю свою кожу мой человечек сморщивается скукоживается исчезает я снова поднимаю ее он распрямляется я опять запихиваю его под скатанный воротник ну хватит я стирал следы от ручки кожа краснела мягкая чересчур нежная вялые рыхлые гибкие нежные теплые хуи возле моих век скрученные спиралью кишки я урчу моргаю и они туго натягиваются

(неэрегированный совсем крошечный очень важный некоторые еще толстые и длинные другие показывают лишь головку в морщинистом колпачке двадцать складок на коже как носок без резинки сбившийся на лодыжке у пацана подтяни носки вытри нос вот он длинный жесткий гладкий красивый нежный вытяни ногу сожми попку на тебя смотрят я любил все хуи во всех состояниях)

я слегка упирался пускал в ход язык жесткий как маленькая ложечка он спокойно ел с него я стыдился корчить из себя целку с ним это было слишком просто он не умел лгать всем верил я открывал рот наши языки копошатся внутри я уверен что он лижет задницы слишком уж резво вертится он на конце и язык в очке так сильно меня возбуждает что я отплачу ему тем же если оно воняет и если волосатое я стану губкой машинкой для стрижки тот кто лижет хорошо ебет

я чересчур боготворил дырки так сильно хотел что мне давали, предлагали, открывали, но он ждал, пока его изнасилуют, упирался, чтобы я взял его грубо, я готов был порвать себе залупу о нарочно сжатое очко, но боялся боли, я легко натираю кожу до крови он отталкивал меня, уклонялся от ударов, повторял нет нет, подразумевая, что я должен его трахнуть, он принимает меня за араба с ороговевшей головкой-от-

мычкой, а я чувствительный нуждаюсь в защите абсолютная целка эй ты ебнутый

дождь стихает наступает ночь улицы потемнеют станет еще темнее чем здесь я выхожу из кино я был в кино какой-то тип искал яйца у меня в штанах и под яйцами волосы вокруг ануса жесткие ногти впиваются и колют ненавижу я смываюсь семь этажей быстро выйти на проспект запах водосточных желобов и веток с каждого листочка капает вода мокрые кошки рыщут между лужами шаркают подметки брызги грязи вентиляционные люки проходят парни

(маленький хер большой рот я боялся но у него это не отбивало охоту его маленький рот большой хер это мужчина плевать в глубине души я не люблю мужчин мне нравится быть пидовкой в окружении подружек они такие спокойные никаких неприятностей совершенно пассивные не считая тех случаев когда мы вместе танцуем но это как женщины между собой не ждешь никакого подвоха ну а мужчины какие-то маньяки гнусное отродье все же садисты да о нет мои дорогуши вдобавок их вяжут легавые которые нас преследуют теперь уже боязно работать в Булонском у них даже есть собаки как у эсэсовцев красивый высокий белокурый сильный нацист бедная моя задница да все что он пожелает люблю легашей у них свинцовые хуи)

автобусы прочесывают улицы с общественными туалетами, сады, полиция повсюду, забирают разных типов, сносят мужские сортиры, облавы, гигиена, педерастизация, из-за этого дождя и этих сук я гадаю куда же податься

в плаще на голое тело и распахивать его когда надо

в моей комнате уже не видать ни зги, у меня была небольшая лампа с золотистым светом, она так приукрашивала кожу, что я смотрел на себя и у меня вставал при одной мысли, что я красивый парень

(какие прекрасные минуты по вечерам, когда, раздеваясь перед платяным шкафом с зеркалом, я глажу себя, ласкаю, любуюсь каждой выпуклостью, устраиваю для себя настоящий стриптиз, я перестал, лишь когда пожирнел)

еще раз спустить мой носовой платок валялся на полу или под кроватью, я быстро подбирал его, чтобы поймать свой сок, не испачкать одежду, иногда из платка выскальзывала маленькая букашка и убегала по паркету – толщиной со срезанный ноготь, серая, блестящая, в форме вытянутой слезинки, голова с толстого конца, лапок не видно, брюшко желтое, если перевернуть эту козявку (чешуйница с тремя нитевидными отростками на конце брюшка это насекомое обожает сырость наших кухонь сральников коридоров) значит, ей нравилась моя сперма в туалете всегда бегали две–три, они выползали из-под плинтусов, из-за труб, извивались, как угри, резко замирали, блестящие или тусклые, когда их чешуйки отражали электрический свет

или, наоборот, поглощали эти насекомые были странными и мягкими на ощупь, вертелись вокруг пальцев ног, но не взбирались на них

в этот час в коридоре никого я иду в туалет не надевая штанов

очко без сиденья, я усаживаюсь над ямой, нахмурив лоб с упавшей прядью, взгляд беременного зверя, разглядываю свои колени, вздувающиеся буграми прямо перед носом, я пропихнул член между ног, чтобы не нассать на ступни, напрягаю ягодицы, изгибаясь всем телом

какашка напирает, протискивается, раздвигает и выходит, медленно, щедро, я смакую сантиметр за сантиметром ее вязкую ласку

(после коитуса я осторожно вынимаю член (чтобы задница партнера не почувствовала этого резкого, болезненного перехода от полноты к пустоте), но, когда вытаскиваю его на две трети, он вдруг выталкивается анусом, что сжимается вокруг этой ускользающей, расслабленной, липкой от спермы плоти – так мокрое мыло выскальзывает из напрасно сжимающих пальцев, с хлопком энергично выдернутой пробки, приток воздуха в горлышко, радостный хлопок и порой моя крайняя плоть, поднимаясь из-за этого попятного движения, попадает в ловушку стянутого узлом ануса, совершенно бесплотный кончик, который тоже приходится вытягивать, и тогда раздается второй хлопок)

маленькие чешуйницы *pisciculi mei* Тиберий детки еще не отнятые от груди лакомки, которых я кормлю из своего члена

наконец она обрушивается забрызгивает мне промежность холодной водой я ощущаю новую

тяжесть, острее, у́же, вторая какашка возвещает о себе, сегодня удачный вечер

(сортир помещался рядом с моей комнатой когда я дрочил после стриптиза меня часто отвлекали звуки ссанья и сранья, я смущался и одновременно приходил в восторг от того, что кончаю под этот каскад из дерьма и мочи и представлял как толстяки пыхтевшие отдувавшиеся снаружи заталкивают меня внутрь, каждый из них проделывал это со мной)

кишечник совершенно пустой, сильная струя мочи, снова забрызгиваю лодыжки, сжимаю все свои сфинктеры, дабы извергнуть остаток, резкие спазмы, наподобие оргазма, я вздрагиваю от плеч до коленей, а потом, удовлетворенный, благодарный, облегченный, подтираюсь

(я говорил им чтобы не ебали меня, они давали мне потрясти слишком уж гадкие члены, но считали, что мне просто хочется больше денег, и из-за этого хмурились, настаивали, я был сыт по горло, хотел уйти, возвращался, и они измывались надо мной

сначала лицо рот-экскаватор гость проходивший мимо фекальный пахучий горький затем меня покрывает рыхлая тяжелая большая медуза это их тела и насилует приходует чья-то залупа)

как сладостно срать если б только не запах я старался не нюхать был слишком щепетильным (или из-за воспоминаний о том, как засовывал указательный в задницу своей пидовке, чтобы испытать ее, приучить, войти во вкус самому – потом вытаскивал, гладил ее по лицу, тош-

нотворный аромат, я открывал один глаз, видел свой палец и как ни в чем не бывало вытирал его о край покрывала следы испачканных говном лапок на шерсти)

(и они ожесточенно разрывали меня эти искривленные елдаки придавленные толстыми животами без пресса клиенты с которых на меня падали капли пота и они кончали так будто у них болели ноги, стоны, пот, гортанные вздохи)

он не додумается посрать перед тем как прийти, слишком сентиментален, но я все равно скажу ему, если больше некому объяснить (прекрасная гулкая полость я входил но там уже было занято я не отваживался проникать вглубь катастрофа некоторые целочки с их вонючими хуйками везде прыщи срака забита какашками)

я коротко подстригаю ногти хорошо смачиваю предварительно палец

кольцо сжимает мои фаланги, потом я дотрагиваюсь до горячего, слизистого, кудрявого месива, требухи, поворачиваюсь внутри (или иногда натыкаюсь на зернистую пробку, уже готовую выйти на свет, как яйцо) это их возбуждает отталкивает колышет растягивает стягивает словно влагалище я вставляю туда хер низвергаю за раз они стонут хотят слезть с кола я удерживаю их кусаю в затылок мну в руках все что удается схватить и сминая кусая вновь погружаюсь и тру стучу и вдруг они начинают мяукать петь умолять вертеть задом агонизировать Ой как хорошо Мммм как хорошо КАК ХОРОШО Х-Х-ХОООРОШООО кровать под нами трещит я разрываю протыкаю мне больнее чем им выебанным они молят Дай его мне

дорогой дай все дай мне все дорогой как хорошо ты слышишь как хорошо дорогой дай его мне да дай вот так дорогой когда я тебя увидел аххх как хорррошоо о да я могу сказать как хххорошо ты хорошо выполняешь свой супружеский долг в саду я уже знал что будет хорошо дорогой дорогой мой дорогой он мой слушай дай его мне дорогой дай его весь целиком мой дорогой я не сказал бы да о ты мне его даешь ооох я набиваю их прямую кишку расплющиваю залупы их члены лопаются кровоточат мне чересчур жарко больно надоело они его грызут жарят пилят разделывают меня ампутируют его и я белый твердый слабый покорно стою на коленях склоненный погруженный хер сломан утащен захвачен машиной отсос мясорубка жрущая зияющая волосатая пасть

(их яйца качаются дрожат поднимаются опадают ДАЙ ДАЙ ВСЕ Я ХОЧУ ВСЕ анусы морщинистые тугие выпуклые другие истерзанные точно обезьяньи губы третьи морщинистые с продольным разрезом в виде вульвы петлицы воронки четвертые растрескавшиеся в сетке жилок пятые проглоченные волосатой глоткой а некоторые нежные маленькие с милыми складочками безволосые буро-розовые приютившиеся в ложбинке белой задницы самые любимые)

они дрочили я дрочил им зубами резал мстил они больше не стонали их голоса надувались и лопались ОЙ КАК ХОРОШО ХОРОШО ДАЙ МНЕ ЕГО ТЫ ХОРОШО ЕБЕШЬ ДОРОГОЙ КОГДА Я ТЕБЯ УВИДЕЛ СЛЫШИШЬ МОЙ ДОРОГОЙ ТЫ СЛЫШИШЬ КОГДА ДОРОГОЙ ТЫ Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ТЫ СЛЫШИШЬ МОЙ ДОРОГОЙ ТЫ ХОРОШО ЕБЕШЬ ДОРОГОЙ ДАЙ ЕГО ДАЙ ЕЩЕ ОН МОЙ ТОЛЬКО МОЙ ОТДАЙ ЕГО МНЕ ГОВОРЮ ЖЕ

ТЕБЕ ОТДАЙ ЕГО ВСЁ ДАЙ ДАЙ ЕГО ОН МОЙ АХ КАК ХОРОШО ТЫ МЕНЯ ЕБЕШЬ ТЫ Я МОГУ СКАЗАТЬ ТЫ МУЖЧИНА НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА ТЫ ДОРОГОЙ О СИЛЬНЕЕ ЭТО УЖЕ ЧЕРЕСЧУР ХХХХХХХХХ

(не моя пидовка это не ее стиль паясничать когда я пилю или я просто не замечал она была легкая как парнишка я клал ее сверху и ничего не чувствовал нет высокий тип самец великан орет мне в уши хуй плечи вот так раскрытая огромная черная помятая жопа гармошка между вагонами)

ОООООррооооошооо

на первых порах они не так уж сильно ерзают, им больно, анус натирает, кожа саднит, изнасилование

но потом новые ночи и другие хуи чередой прямые кривые чугунные гибкие эластичные шишковатые конические скромные страшные и смехотворные одновременно нежные свирепые как резаки стержни штыки ершики рога воронки скребки веретена смычки кинжалы менгиры протазаны весла шутовские жезлы гвозди вермишель булавки и впредь слизистые оболочки уже начеку множащиеся нервы ощупывают ваш хуй ползучий кишечник и ненасытный анус целующий как пиявка они испытывают оргазм в ложбинке между ягодицами и на кончике головки и позвонок за позвонком до самого затылка волосы дыбом взъерошенные намокшие наэлектризованные им потребуется целых два болта и третий в глотке чтобы заглушить крики

(я ничего не могу с этим поделать, предпочитаю молчаливых, люблю слышать, как циркулирует кровь и секреции, секретные

вещества из-за их песен литаний визга и всего этого кеча мы больше не испытываем оргазма)

высокий самец забыл кто я листаю записную книжку ищу имя обстоятельства дату ничего не нахожу даже лица́ или го́лоса мой взгляд блуждает по комнате в поисках предмета тени впечатления цве́та повода для воспоминания словно для того чтобы содрать кожу с этих поверхностей и обнаружить под нею плоть материал с изображением того о чем я забыл

(ничего не забыл, напрасная надежда, я помнил малейшие детали, в памяти хранились все замеченные, встреченные, пережитые обломки музей ужаса тератология мои кретины неотесанные пропащие мои сволочи мои тупицы мои выродки мои угрюмцы мои домоседы мои гордячки танцовщицы певицы мыслительницы ученые авантюристки мое мушиное мясо мои дрочуны четвероногие и ебливые моя блядва вся педролерия прошедшая подо мной или надо мной)

избегаемый страшненький образ появлялся вновь, застревал внутри, оживал, тянул назад

(ночь улица кафе тип ширинка запах мания запрет спазм салфетка мусор вечернее приветствие словесный поток поверх всего неустанный вздор глупости на бедных губах с детства не умеющих ни целовать ни говорить

моя голова убаюканная смрадная ствол дерева для собак с сотней ссаний на сотне следов другие собаки смиренное племя сеющее навоз там где я подбираю своих возлюбленных)

его банановая улыбка
крепкие зубы огромный язык который я отталкиваю гротескный член которым он не пользуется и гнусная способность меня мастурбировать он исследует мой зад словно собирается найти канал ведущий к самому кончику моего члена расквашивает мою промежность терзает меня приподнимает своими толстыми лапами женственный богатырь слон с длинными ресницами тонкий

голосок он говорит сосет и говорит просит и сосет дрочит меня то одной то другой рукой я верхом на нем сейчас кончу он не удерживает ничего но снова сосет опять зажимает в кулаке и я пускаю струю забрызганный он смеется слизывает весь сок и просит еще и мой вывихнутый таз раскачивается требует еще пожирает его пальцы

славный онанист в кинотеатре или у дерева это в сущности ни к чему не обязывает я вполне могу выйти, новая мерзость или воспоминание, какая разница

шел дождь

в тот вечер я направлялся вдоль длинных перил ведущих на террасу педиков в Тюильри или к двойной лестнице за ней человек шестьдесят дождь уже или еще не шел

неподвижный взгляд, тяжелая походка, бесцельная, безвольная, душевнобольные менялись дорожками во дворе лечебницы, их терпели, ставили в привилегированное положение, пристально следили умалишенные вопили небольшими группками извращенцы визжат смех протяжно писклявый как у птиц из Музея они орут и у вас леденеет кровь

(я часто ходил в Ботанический, дети, хищники, рептилии, тропическая теплица и доисторические скелеты помогали мне расслабиться)

мы проходим нас осаждают окружают пузыри сюсюканий и приторных песенок мы видим резкие жесты ветреные взгляды выцветшие физиономии сплетничающих ханжей рыгающих малюток они семенят подмигивают попками сосут малину в сахаре чтобы язык стал красным помесь женщины и обезьяны я ничего не понимал но боялся их

мы пожираем взглядом вновь прибывших красивых малышей портим глаза (каждый только

за себя, одержим спонтанным воспоминанием, языческое очарование, бесстыжее детство, такое никто не способен сыграть взрослые-развалины, пенсионеры, хлыщи, педрилы, стыдящиеся своего тела и своих страстей, толстые холостяки с лиловатыми или серыми лицами, грустные мины, раздутые животы, короткие руки, ослиные плечи, затылки алкоголиков, атрофированные ноги, дряблые задницы веером, затхлые
70 подмышки, хуи-слизняки, ходячая лавка старьевщика)

проходит немало часов, прежде чем охранники начинают свистеть, закрытие, да еще собирается гроза, молнии в ночной темноте, проливной дождь и смерчи, буря, грохот, невиданные порывы ветра, стонущие деревья, поднимающаяся пыль тапетки с криками удирают, гуляющие поторапливаются, жертвы кораблекрушения в панике, некоторые прячутся под козырьками Оранжереи (подводная пещера, где спрут подкарауливает уносимые течением тела утопленников готовые напасть щупальца любовные присоски заостренная морда уже разрывает на куски, отличный повод подружиться)

внизу у восьмиугольного бассейна мы видим парочки натуралов, с плащом на головах или под одним зонтом, ушлепки и сучки, которым помешали лизать друг другу хлебала, ортодоксы, гражданские болты, самцы, от которых тянет блевать, правильные типы – женолюбы, пиздопоклонники, их идолище из дырок и горбов, перетянутых талией, волосы распрямляются, а тушь растекается под дождем женихи, военные, старые греховодники, уличные мальчишки, шпана, бабульки, горничные – и эти одинокие лицеисты в грязно-сером, с веками,

изъеденными мастурбитом, в страхе смотрят на нас

после полудня эта невиданная гроза я был единственным педиком даже арабы искали себе женщин (был полдень служащие дышали воздухом наслаждались романтической осенней атмосферой (благопристойный утонченный меланхолический пейзаж опавшие листья обложка иллюстрированного журнала где царит вечная любовь) и жевали рыхлые сандвичи с печеночным паштетом кусочек для красивой собачонки крошки для красивых птичек пузатые голуби без глаз без лапок бакалейщица декоративная колбаса покрытые перьями телята прыгнуть сверху сложив ноги оставить мокрое место и за статуями с наступлением темноты североафриканец зажимает замешкавшихся самок лазит им под юбку душит и спускает в их тампаксы)

мой старый костюм мои узкие глаза охотятся за детьми я приближаюсь Ах как мило хочешь леденец (сначала один он у меня здесь с клубникой но только если ну ты пососешь другой подожди-подожди смотри вот этот ты видел тебе не страшно так давай соси и не проси) или ребенок вместе с мамой мы были в гостинице я дал пять сотен отчаянно дрочу мальчишка сзади висит в воздухе его пиписька шерудит в маминых округлостях Написай на нее ну скорей же написай

мы глазеем на новичков в уголке некоторые тут вынужденно другие тоже потому что свистят когда видят женские икры после эпиляции, красиво выгнутые на высоких каблуках, смуглые из-за оттенка чулок смеются если врезаются в афишу (сверхпидовская пидовка, мазохистка, жаждет выста-

вить себя на посмешище, садистка, возбуждает и выявляет идиотов вокруг, акушерка)

нетерпеливые солдатики оттаскивали меня в сторонку насаживали на шишку и все сразу начиналось я даже не был больше потаскухой туалетный кафель кура покрытая петухом представь себе катапульты можно подумать мы никогда не дрочим в казармах но пехотинцы которых я имел крестьяне рабочие труженики красивые ребята такие свежие со стальными хуями Не шевели задницей говорили мне они не понимали я балансировал на своем очке вздрюченном двадцатью елдаками как никогда ни одним другим

вода течет через плац, разъеденный песок вымывается, дрожащие лужи как будто убегают

измочаленные типы вываливаются гурьбой через ворота извергаемые швыряемые каждым порывом ветра до соседнего метро они обсыхают шатаясь по коридорам узнают друг друга мимоходом и самые юные самые неодетые самые думают что на них смотрят показывают свой коронный номер очарованные дождем качают головой улыбаются трогают свои мокрые волосы вздыхают запыхавшиеся счастливые Господи какая я красивая и желанная и как эта волна освежает мои лепестки зрелые педики кривятся от этой комедии, ломаемой пидовками, они неблагодарные зрители, девицы сходят с ума, промокнув до нитки, изображают наяд, будь я там, стер бы себе кулаки от желания ударить

я не отходил от окна провожал взглядом козявок внизу липких черных жалких парижан идущих домой с работы похорон-

ных птиц мрачных убогих промокших под дождем что становится на их головах маслянистым и зловонным этажи загораются передо мной один за другим я вижу тени сквозь шторы дети собираются играют следят за часами шухер когда ворон людоед душитель папа входит в застенок уже на тротуарах озлобленные глаза жестокая маска каждый надзиратель подготавливает свои домашние утехи ужас делает послушными этих узников выросших как грибы из трех капелек спермы брызнувших десять–пятнадцать лет назад из проколотого гондона (я твержу про себя, это немного бодрит) бросать большие камни с восьмого этажа и черепки раскалываются с глухим треском выпуская гнойные гейзеры я уничтожаю всех прохожих смутно мужчин смутно женщин смутно пацанов ползущие симулякры их перевернутые послушные окультуренные копии не что иное как гипс чернота сверху это копоть пальцы пыль плесень подвальная сырость

молнии снова гром поодаль электрические разряды щекочут железы у меня бешеный гон зябко я мчусь по темным кварталам слушаю свое тело обпиваюсь дождем прячусь в туалетах там не так воняет напряженные подозрительные типы безликие и промокшие замерзшие ослепшие мечтаешь о теплых ладонях горячих хуях они красивее когда идет дождь похоже на красивый интерьер

(эти уличные сортиры прозванные чашками или чайниками для настоя, который туда вливают и нюхают как собственную мочу любитель спаржи мы этот овощ и его сок мы огородники повара и внизу в моче длинная корочка хлеба пузырится, растрескивается, задумчивое печенье мадлен, которое я растаптываю)

штаны случки лица я больше не думал о них влюблялся в здания придумывал детство за черными стенами и блестящими стеклами – ночь, дождь омолаживают меня, и, сжавшись в комок, голый и крохотный, я улыбаюсь лужам, порывам ветра

(они запирали ворота я выходил с другой стороны хорошо что я остался в закоулках Оранжереи были и другие типы славный спокойный парень настоящий мальчик я проходил мимо два-три раза он смотрел на меня я влюблялся с первого взгляда словно меня распарывали ножом от пупка до очка он хватал меня за шею и ширинку я доставал его холодный длинный мягкий хер тот набухал в моих мокрых от дождя пальцах разогревался мы целовались я глубоко запускал ему в рот язык больше не мог ждать когда же он меня выебет и маньяки в окрестностях мне хорошо их видно им хочется подойти поучаствовать подворовать ага черные как уголь расстегнутые марионетки сомнительный красный о́рган везде упирается глупо прощупывает и отчаянно стучится в ложбинки, чтобы его скорей проглотили этот тип этот сумрачный сад эта непогода отбивали всякую охоту быть пидовкой я становился таким же, каким был до Парижа, так больше не могло продолжаться)

(он вылезает из постели и завтракает, голый серый утренний свет его не уродует, он бродит по комнате, будто он здесь один, я любуюсь его телом, таким изнуряющим и уже не желанным)

я кладу этот цветок в свой директорский бювар, я собирался уже выбросить его, но потом, из-за суеверия или непонятной надежды и еще я насилу сдерживаюсь, чтобы не позвонить и проверить, вышел ли он и ждет ли меня, он любит читать, слушать мои пластинки, но когда идет дождь, я волнуюсь, ему труднее выносить одиночество

я хорошо понял что одного меня ему мало, никакой близости, никакого доверия, а он ведь моложе всего на тридцать девять лет

(после полудня к нему приходят друзья, я в этом уверен, я видел незнакомые окурки, да и виски в бутылке быстро убавляется, буду выкраивать время и ставить метки, он станет хитрить или возмущаться, пригрозит, что уйдет – как иногда по вечерам, когда не задумываясь хлопает дверью, простой предлог, чтобы выйти ночью, хоть я этого и не разрешаю, очень удобно

он танцует обходит все бары дискотеки встречается с молодежью бог знает с кем рисуется перед ними целует их и даже занимается кое-чем

похуже у него начинаются эти мнимые мигрени мешающие смотреть на меня разговаривать дотрагиваться до меня целых три дня, но я все знаю я знаком со всеми официантами меня не проведешь)

я выходил из своего кабинета, шагал по темному коридору, заходил в туалет, краснел от напряжения, опуская подтяжки и брюки лежавшие на сиденье вспоминал его лицо, слишком тонкое, слишком жесткое это достоинство выбитая плитка рядом с бачком буроватая лужа под шваброй выругать домработницу к чему предосторожности все-таки позвоню ему и если помешаю сразу станет ясно что он с кем-то он улыбается своими волчьими зубами обнажает сильное тело он может быть нежным выбрать не такую твердую бумагу эта натирает анус или у меня снова геморрой хирургическая операция все просто мы ненавидим друг друга он никогда не окружал меня любовью я скажу что не нужен ему и что возвращаюсь в тот же миг его голос станет смущенным я пойму я поднимался но стоял перед толчком словно собирался блевать брал член в руку

(его становится твердым как камень но я отказываюсь трахаться и речи нет о том чтобы выебать его иногда он уходит чуть я его трону когда хочу поцеловать теперь он упирается уверяет что у него воняет изо рта или болят зубы его дантист хотелось бы его увидеть ей-богу я слишком сильно его любил он был недостоин меня)

самый обычный альфонс так ему и скажу он спит в сторонке на диване его сдержанность выводит меня из себя лучше бы он ушел было бы не так больно легче

вынести не так оскорбительно я даже не слышу как он дышит не вижу как он спит он встает раньше меня и всегда разгуливает в чем мать родила дает почувствовать что он молодой смазливый привлекательный и смеряет меня взглядом с головы до ног если я подхожу

он с самого начала ложился ко мне в постель с надменным видом и в моих объятьях съеживался от холода его часть сделки он выполнял ее неохотно забывал что это его обязанность что мне это причитается потом вздыхал от скуки делал новые иронические замечания когда я вытирал сперму он искусно дозировал отказы в полном диапазоне между максимумом и минимумом считал что удерживает меня он думает что мне никогда не надоест только когда мы выходим он старается рестораны концерты театр он почти любезен говорит мягко умно своим красивым голосом и позволяет любоваться своей элегантностью из-за кулис нам симпатизируют словно взрослому сыну и отцу трудные уроки зрелости ему следовало бы их выслушать быть мне признательным ценить мою мудрость мое терпение мое социальное положение я осторожно мял свою мошонку так у меня лучше вставал я вспоминал его не вспоминая представлял какую-то воображаемую деталь таким каким он должен был быть по моим понятиям я массировал себя наконец член вены вздувшиеся виски липкий пот под воротником нет неблагодарный просто развратный юноша циник бездушный ах как я люблю нюхать твой зад ах я с хлюпаньем кончал в унитаз

никакого шума никаких вздохов в кино мы слышали как люди громко смеялись и кончали под этот

хохот мы могли бы даже слегка застонать так еще лучше особенно при всех глаза прикованы к экрану и терзаемый грубой дрочащей рукой я смотрю ничего не понимая комические эпизоды этого немого фильма с массой перипетий катафалк вырывается справа кортеж похоронная процессия мчится за ним и охваченная эротическим или гимнастическим пылом раздевается причудливое столпотворение словно кастрюля

с собачьим хвостом изображение было размытым, усеянным звездами весь этот мрачный юмор под черно-белыми каскадами вспышек света это меня не смешило не удавалось сосредоточиться на собственных образах на внутренних показах возбуждавших меня их нельзя предпочесть тем что ловили мои глаза на экране и в уголках век (темнота зала тяжелая неясная сидящая фигура типа, который меня мастурбировал) я замечал его руку сжимавшую мой член лапа мясника с поросшими шерстью фалангами не смотри влево на его харю тебя замутит лучше уж на экран твой фильм история красивый блондинчик с матерью презрительный паренек ты видел его на входе я буду сидеть рядом моя рука с волосатыми пальцами снова поднимется вдоль маленьких ляжек он не шевелится ничего не говорит я слегка дотрагиваюсь до его кожи она замирает от прикосновений такая гладкая и край трусов два пальца пробегают под ними ткань горячая влажная промежность яички нежные как щека ах он позволяет себя дрочить он хорошо держится и я ищу его лицо профиль который люблю моя бесполезная ладонь сжимает подлокотник мои мышцы будоражатся от сдержанных поцелуев два типа играют в шахматы на крыше с террасой какого-то здания серое небо прежний Париж они принимают

душ ведро воды лейка что это или охотник и его ружье ягдташ утроба с патронами шляпа с пером ладошка хватает меня за штаны я достал хер он находит его берет медлит снова берет сжимает и я стону дрочу ему в ускоренном темпе мальчуган бешеный ритм они выезжают из города и несутся галопом за катафалком изворотливая кавалькада тряска солнце гроб сейчас упадет разобьется труп развалится на куски надеюсь мой дрочун-мясник приготовил носовой платок свой-то я забыл первые струи тухлятины брызнут на саван как жарко мы выходим с большими пятнами на трусах его мама нас не видела слишком увлеклась фильмом мальчугану нравится когда его цапают но он также смотрит старинные движущиеся картинки это его изматывает он забывает обо мне отпускает меня ржет на каждом шагу его пиписька вздрагивает от смеха у него сводит живот пердак мне дурно представляю еще три секунды эта пиписька хохочет до упаду вот именно пацан я выдрочу из него это веселье я обвафливаюсь по полной программе моя левая ляжка старый пердун это не так-то просто я пихаю его локтем он не видел что я кончил и не останавливается хватит говорю же тебе но он хочет еще я встаю мой клей стекает до колена это будет заметно на мне черные брюки в киношке они не сильно удивляются знают что педики обходятся и так самые отъявленные а потом на улице мне все по фиг хоть мужики хоть легаши, только один–два пса слоняются без дела злобные пудели

она опускала щенка в корзинку рядом с плитой вытирала губкой желтую едкую мочу

просто у меня нет свободных комнат, через час если хотите одна освободится подойдет?

ладно мы еще вернемся (несовершеннолетние педики, нам везде отказывали; он повел меня в эту гостиницу возле «Одеона», единственная, которую он немного знал, чистая, скромная, недорогая, подходящая больше бездомным парочкам, девочкам-мальчикам, молодежи)

собачонке не сиделось на месте она запрыгивала на ботинки и дергала за шнурки я смеялся невпопад (мой отяжелевший невезучий хуй сердце сжималось мой милый блондин я не мог до него дотронуться, ласкал собачку для разнообразия)

мы выпивали в кафе набитом подростками шпаной, возможно, блатными или альфонсами, легкая пестрая одежда, гибкие бедра, мальчишеские ягодицы, наглые голоса, взбесившиеся ширинки и простоватые взгляды мы были похожи на них, кроме голоса и взгляда, у него робкий, у меня ищущий, бегающий, озабоченный

гостиница там хорошо что она не требует документов

изредка мы перебрасывались фразами, между паузами, у нас был такой вид, будто мы кого-то ждем, мы не сильно скучали, следили за часами, полночь

снова проходили мимо стеклянной двери, взбирались по крутым пролетам лестницы из светлого дуба, вдыхали запах вербены, мелиссы

а вы вовремя, говорила хозяйка узнавая нас даже рановато

(эти люди расплачиваются с ней, молодой парень в образе субботнего буржуа, пальто, темный костюм, белая рубашка и галстук, девушка в манто, черные очки, волосы они уже старые, минимум по двадцать пять, выше нас на полголовы, мы в образе благонравных юношей, мальчишки

в штанах и сорочках, втиснутые в маленький размер груди, живота, ягодиц, никакой представительности, поджарости, недоедания, незначительности

они пялятся на нас, пытаются раскусить, обмениваются понимающими улыбками, мы забавляем их, вызываем жалость, они важничают, довольные собой, наслаждаются иронией, превосходством, официально расписанные, радостные, ломаются, пыжатся, чванятся, прижимаются друг к другу супружеской парочкой, мы так не можем, рассеянно озираемся, делам вид, что не вместе, нам очень неловко, мы слишком примитивны, смотрим куда-то в сторону)

в комнате, из покрытого желтоватой накипью плафона лился приглушенный больничный свет, фонарь, мерцающий зимним утром, автомобильные фары на мокрой от дождя дороге

удушающий запах, запах женщины, духи брюнетки, сладкие, мускусные, тяжелые, как кишечные газы, сырое мясо, подмышки, широкий взмах перхотных волос, слабый душок от чистки ершом и мужских ступней поднимался понемногу, небольшими клочьями, словно затхлый воздух со дна влажной бутылки я открывал окно, во дворе шел дождь

повезло, говорит мадам в виде буквы «Я», даже постель не расстилали

она убирает валик, откидывает гранатовое покрывало с ромбовидными стежками, некоторые распоролись, потом идет за дезодорантом, слишком уж воняет естеством, особенно возле биде

(во дворе взгляд сразу нырял в узкий проход два на два метра, с мертвенно белыми, покрытыми

накипью стенками, головокружительный, словно шахта лифта, пол черный, и на нем блестела лужица воды)

она выпаривает еловые шишки так-то лучше, вы заплатите сейчас или когда спуститесь? она обращается к нам обоим, не знает, кто должен платить, я достаю свою сотенную, у меня не осталось мелочи, нужно пятьдесят за моего дружка, это его ремесло

она разворачивает купюру и уходит, прижимая ее к животу

нет не ждите меня не хочу вас беспокоить я положу деньги перед дверью и постучу нужно будет только забрать

спасибо (не уверен, что она принесет, или что их не стащит клиент, проходящий по коридору, или что она не затянет и не постучит, как раз когда я вытащить хуй у себя из жопы только для того, чтобы забрать бабло, это было бы забавно) (она ничего не желает нам, ни попутного ветра, ни хорошего траха, ни трех палок с поднятым знаменем, хотя могла бы подыскать любезные слова) я запираюсь на ключ, выключаю свет, мы оставляем только бра рядом с умывальником, он за ширмой, свет не слепит, не такой грустный (или грустный, но более беспомощный, мягкий, затуманенный темнотой)

мы раздеваемся, стоя бок о бок, возле предметов мебели, на которые можно положить, повесить одежду: стол, стул
с вожделением поглядываем друг на друга исподлобья, украдкой, будто мальчишки на медосмотре, на призывной комиссии – он сравнивает мышцы, объемы, кожу, смотрит, загорелый ли я, есть ли на теле волосы, возможно, какие у меня портки, хуй, как он укладывается – я тайно подглядываю,

чтобы увидеть его тело не только распластанным на кровати или (когда его заслоняет прижавшееся мое) уменьшенным до размеров красивого предплечья, края плеча, затылка он не любит, чтобы за ним наблюдали, чтобы его трогали, дина́мит – отдается без остатка а потом сразу берет себя в руки (я краду все, что только можно, во время перерывов, это запрещено, я понимаю по его внезапно упрямому, нетерпеливому, недовольному виду, все разрешается делать только лежа, вплотную друг к другу, если я оставляю неяркий свет, это уже злоупотребление, я требую слишком многого за такую цену)

он следит за тем, что я снимаю, не сбрасывает с себя ничего раньше меня, некоторые оставляют верхнюю одежду, другие заваливаются спать в кальсонах, он ждет и смотрит, чтобы повторить мои действия, я скидываю все, он вежливо разоблачается вслед за мной от него пахнет свежестью, вымытым ребенком, он убирает волосы, щекочущие бровь, потом снимает плавки и, чуть ли не пятясь, бочком, не показывая ни живота, ни ягодиц (словно поза стоя, само это движение, нагишом, чересчур непристойны) добирается до ближайшей кровати и упруго падает на нее, раскидав руки в стороны, расставив ноги, с беспокойным стояком, стройный, покорный, прячущийся

(его плавки красуются на настольной вышивке с кисточками, ярко-белые и короткие, резинки растянулись, швы слегка растрепались – другой клиент, взрослый толстяк с жилистыми неуклюжими руками, раздевал его слишком резко, тянул, выкручивал, вырывал, чтобы поскорее проглотить хуй ляжки живот волосы на заднице)

невзирая на поздний час она оставляла на плите кастрюлю супа, вкусный запах овощей поднимался фонтаном, лук-порей, картошка, морковка, репа, мозговая кость, это разжигало аппетит, я завидовал хозяйке ее собаке бульону кухне фартуку в клетку влагалищу с припаркованными в нем авто

я засовываю сложенную купюру в карман его рубашки, он мельком поглядывает на ходу,

я спрашиваю

идет? он улыбается, слегка пожимает плечами:

можно и больше если не жалко

надевая штаны, он становится на кровать, чтобы не запачкать брюки о пыльный паркет я догоняю его наверху и везде ощупываю, уверенный в том, что скоро улизнет, он становится более покладистым, у него опять встает, но это его не волнует, он возбуждается поневоле, он педик поневоле, альфонс поневоле, он дезориентирует меня, я больше ничего не понимаю он мягко отталкивает меня, застегивается, выскакивает из постели, я подсчитываю в уме, сколько осталось денег, включая комнату и его у меня не хватает, тетка пришла постучалась в дверь и недовольно ворчит

уже больше часа прошло либо выходите либо заплатите спать запрещается

(уже вышли, не просто на улицу, а в другой мир, каждый в свой, давай почти не касаясь друг друга, избегая друг друга, больше не возбуждайся, некогда незачем ты не нужен)

вхожу в кухню, чтобы сказать, что мы освобождаем комнату, он ждет меня ниже, на середине лестни-

цы, его пустой, добрый, всегда застенчивый взгляд, продленное детство, еще потемки и, присев на корточках, с кругами под глазами, глажу молодого пуделя, нахожу утешение в нем, как прежде, он взбирается на меня, нежно лижет уши изнутри, покусывает нос, края губ

он отворачивался, запрещал целовать в губы, это меня добивало, с тех пор как мы познакомились, я думал об этом, любил его за это, у меня вставал от одного его лица я гадал может у меня воняет изо рта может ему противен я или мальчишеские поцелуи вообще

а с девчонками ты целуешься?

он медлил, пытался выдавить грустную, но, по сути, довольную улыбку, едва уловимую, уголки губ слегка вытягивались вверх, бугорки с обеих сторон из-за ямочек, словно символ, иллюзия улыбки, просто

да

я мог целовать во всех других местах, щеки, шею, плечи, пупок, но мне нужно было отверстие для языка, я лизал подмышки, спускался к заднице, такой же гладкой и бледной, как лицо, уж эти-то уста в белой ложбинке никогда ни в чем не отказывали

(каждую ночь один и тот же ритуал, мы раздеваемся, словно воспитанники пансиона, он ждет посредине кровати, откинув одеяла и верхнюю простыню, я подхожу и ужинаю его телом, его заповедные губы, обслюнявливаю весь перёд, объедаюсь шариками его безволосых, больших, нежных, атласных яиц, играю с его хером, лежащим вдоль моего лица (словно лапка возле морды, над ухом кота, который умывается или сердится перед дождем) и я скрываю свои поцелуи в его зад-

нице, это его веселит, удивляет и настолько одурманивает, что он отплачивает тем же моему органу (поначалу он этого не делал, его мутило, но потом как-то вечером

сперва, чтобы убрать грязь, которую он воображает в последнем приступе отвращения, он хочет, чтобы я помыл хуй: я возвращаюсь и пролезаю у него между ног, он ждет на четвереньках перед тем как наброситься на его очко

и потроха, я смотрю, какими легкими движениями его губы задевают головку, нерешительность, осторожность животного, обнюхивающего незнакомую пищу (он снова натягивал кожу, возможно для того, чтобы сделать мою залупу безобиднее и мягче на вид, прикрыть белизной крайней плоти пурпурное мясо: затем, спрятав язык, опустив голову, стиснув челюсти, снова неохотно обнажает его, принимает, заглатывает) удовлетворившись вкусом, он возбуждается, становится гурманом, ему не терпится почувствовать, что его снова дрочат, покусывают, пожирают и что это одно и то же тело: эти невидимые рука, язык и хуй во рту)

один-единственный раз он предложил меня выебать и сделал это спереди, неумело, я подчинился, проявил инициативу, вставляя, всасывая, у меня не было опыта, но боли я не чувствовал, его хер подходил мне по размеру, и я так обрадовался, что мог бы раскрыться еще сильнее, он мягко спустил, опрятная педерастия, наклонился лицом к моему лицу, дышал напротив моего лба, еще одну секунду я держал его язык, но как раз в этот момент он кончил

или он дрочит себя подо мной, сгорбив спину, чтобы не прижиматься животом к кровати, на него нападает по два–три раза за палку, он неожидан-

но приподнимается, выгибается дугой от головы до пальцев ног, грубо себя дергает, сплющивается, когда его ебут, забывает о времени, это единственная возможность, я удерживаю его зад в воздухе, щупаю яйца, его кулак сталкивается с моим, рывками стучит по нему)

я больше не видел пацана, после того как вышел из кино, кортеж прибывает в деревню и гроб выскальзывает, подскакивает на траве, открывается, вновь появляется охотник, покойник собственной персоной

после плюха я считал, что облегчился, жестом священника, берущего салфетку для утирания рук после омовения, вытягивал лист бумаги из алюминиевого дозатора (с выгравированным необычным названием, гексолот, аксотол, аксолотль или личинка *ambystoma tigrinum,* способная к воспроизведению в том же виде без изменений водный спинной гребешок хвостовой плавник маленькие смешные лапки в виварии Ботанического его аквариум прямо у выхода если следовать порядку осмотра я предпочитаю змей, пауков, жаб, фенеков, смотрю на аксолотля, чтобы оттянуть конец, пошпионить за входящими детьми, снова обойти по кругу весь зал, задевая их в полумраке, послушать, полюбоваться отражением освещенных резервуаров на их лбах, подводные глубины, раскаленный блеск миниатюрных пустынь)

вытирал свой орган, убирал губчатое орудие на место, чтобы оно болталось в правой штанине брюк спустив воду, я возвращался в свой кабинет

88 ночью было шумно, барабанил дождь, кто-то бегал внизу, под платанами на проспекте, я слышал смех, компания алкашей и алкоголичек, их икота предвещала неминуемую дрючку

(я прячу это письмо в старую книгу я собирался его выбросить но обнаруживаю, что дорожу им, словно его круглым, бледненьким задком, читая его, умиляюсь, насилуя его, возбуждаюсь (мускулистый, пылкий, всасывающий похлеще любой дырки), когда я слегка касался его очка моя пидовка затвердевала на небесах и запрокинув плечи с измятыми губами падала в обморок, пленница, под влиянием той силы, что исходит)

август-месяц выдался дождливым до самого конца, она уехала со своими мнимыми родителями на курорт на атлантическом побережье ищет и вычисляет на пляжах мужчин ее вдовый анус томится наверняка она бы написала мне пару писем, если бы мы не поссорились

мой дорогой Возлюбленый надеюсь, ты в добром здравии, и что с Любовью у тебя все хорошо, как давно мы не видились, у меня все хорошо лучше не бывает для Любви, которой, правда, нет, но с тех пор как мы познакомелись, я сильно изминилась, что же ты хочешь у каждого своя судьба Здесь хорошо

светит сонце но нащет того чтобы завести друзей это другой вопрос, тут никого нет, поскорей бы вернутся в Париж и встретится с моими друзьями, я ужасно по ним скучаю Вчера прочитала книгу про типпов, которые сикут друг дружку среди них есть не такие уж и харошие, лично я против, обажаю ласку Я очень хорошо тебя помню со мной ты был очень добрым, впрочем все, с кем я познакомелась после тебя за неделю до отъезда вобщем четыре типпа из всей кампании всего трое из них мне дествительно понравелись

(я оставлял ее способной воспринять слоновью грацию на каникулах все снова сузится она вновь обретет девственность если только не украдет на кухне все эти штучки сейчас ведь самый сезон красивые овощи вытянутые широкие сочные отправляясь с матерью на рынок она краснеет от желания и умоляет купить то да сё

баклажаны послушай ты же терпеть их не можешь, ну ладно, возьму цветную капусту неплохо выглядит моя дорогая испытывает невыносимые муки перед каждым лотком и вспоминает, что всего в сотне метров отсюда пирс, пляж, все эти красавцы в плавках)

среди них был один и впрямь ужастный, но он очень хорошо занимался любовью, у нас было всего два раза и когда я променяла его на другого он начал на миня дуться Мы переписываемся но довольно холодно Что же касаеться трех других с которыми у меня было все чего только можно желать, они были очень красивые, милые и великолепно занемались любовью Теперь мне нужно сообщить тебе что я знакома со многими самыми разными людьми в общем всякого рода Я хотела сказать,

что как то вечером увидела тебя в тюильри, у меня, как говориться, сердце екнуло, точнее захотелось занятся любовью с тобой мне всегда нравилось с тобой встречатся Поговорим немного о тебе, мне хочеться иметь твою карточку, мне было бы так приятно, сама-то я сфоткалась если хочеш дам тебе одну когда их проявят мне ведь нужно много, теперь у миня много знакомых каждый просит Мне хочеться чтобы ты дал мне совет мне хочеться уйти из дома

(я швырял эти письма в корзину и не собирался отвечать, если она вообразила что

как-то вечером я уложил ее на себя и сказал Давай теперь ты

что я?

ты, сегодня ебешь ты

ой ты с ума сошел я не хочу

попробуй меня волновал его твердый маленький огурчик под конец я грезил им наяву но эта дура ничего не поделаешь это было декоративное украшение разве что для фасада безделушка завиток на виске

(эти пидовки тайные хуепоклонницы наверное не нападают друг на дружку а слегка закусывают восковыми фруктами искусственными цыплятами блюдами дня из папье-маше)

она пыталась меня пристыдить, сходный порок: настойчиво просить мою тапетку, чтобы она трахнула меня разок, извращение, мир перевернулся анархия профанация

чтобы конешно жить с парнем который я верю во все что люблю Конешно мы договоримся что останемся полностью свободными в своем поведении поэтому мне

хочеться знать наказуемо ли это позакону и смогут ли мои родители объявить меня в розыск

(я выпускал старую книжку из рук, рассеянно, потому что там больше не было письма возможно, я порвал его в минуту серьезности, раздражения, из потребности в ликвидации, охватывающей в определенные дни – словно я могу выбирать, что можно, а чего нельзя забыть)

ответь на этот вопрос он миня очень сильно интирисует На самом деле с точки зрения морали это довольно таки плохо я думаю что в конце концов совершу безрассудный поступок обезательно уйду из дома, мне бы очень хотелось уйти с разрешения матери но я не знаю как ей объяснить

(я оставил свою меланхолию в туалете, но, вернувшись в кабинет, все еще не оправился, я принимаю важное решение: открываю свой бювар, хватаю ромашку и злобно скатываю ее в грязный рассыпчатый комочек, который потом зашвыриваю в другой конец комнаты

наконец вычеркиваю его имя из поквартального списка своих любовников этого лета, где он занимал особое место среди бесплатных и платных парней, молодых и не очень, незнакомых и встреченных повторно, которых я лапал всего минут пять или отвел к себе и долго дегустировал, он занимал привилегированное, официальное положение, ну и хер с ним)

кажеться я говорил тебе что сейчас у миня есть отчим которого я все больше и больше ненавижу, хоть и не показываю вида

(ночь оставалась теплой, освещала меня в окно, мало-пома-

лу я расслаблялся, чувствовал чье-то присутствие, страстно принимал желания, которыми терзала меня эта комната, дрожал оттого, что завтра меня позовут, загонят на дно моего отвращения, все еще пытался вырваться, отвергнуть этот зарождавшийся новый день)

по-моему если бы мать действительно захотела разобрался в моей ситуации она бы меня отпустила
92 Не знаю понимаеш ли ты мое состояние, каждый или почти каждый вечер сидеть дома и теперь если она запрет миня хоть я встречаюсь со своими ровестниками некоторые то же не ладят со своими родителями они ушли из дома Вообщем ты понимаешь из-за всего этого только сильнее хочеться уйти, и при этом становиться жалко своей матери, хотя она по-моему шлюха, мне кажеться лучше бы ей отпустить меня пока я полностью не возненавидела ее чего мне не хочеться

(снова выходит солнце и тела жадные поцелуи беспокойные руки твердые члены выпрямляются вонзаются брызжут семенем единственная плоть которой мы делимся жидкая и белая как фарфор тела перекручены растоптаны раздавлены вытянуты продырявлены черты лица высосаны зажаты в кулак искромсаны раскачаны как шатуны и раздрочены до такой степени что хуй распускается кровавым цветком)

мне кажеться если бы мать захотела понять что я ненавижу ее «мужа», что миня тошнит от того места где я живу, что я не понимаю их образа жизни их поведения словом мне кажеться придеться с ней поговорить

ну говорю же тебе я никогда, никогда не трахаюсь, это меня не возбуждает, я не мужчина, зачем

ты настаиваешь я даже не могу вот так кончить, надо чтобы у меня что-то было в (чтобы он засунул хотя бы один–два пальца, имитируя несбыточное счастье, как если бы мы ебали друг друга одновременно)

заднице

ну разумеется, просто он недостаточно твердый этот маленький купальщик потому и не входит, я тоже моя дорогая никогда не трахаюсь, что же тогда нам делать? скажи я так люблю когда он внутри будь добра вставь его прошу тебя вставь

хорошо хорошо, попробую еще раз, только не называй его купальщиком ты меня нервируешь

(знаешь я бы не рискнул требовать на ее месте теперь я знаю как она разговаривает с мужчинами ебнутая шалава и если это случается им нравится)

выше, нет ниже послушай ах да, туда, давай

о дорогая дорогая дай мне все ты не даешь мне все дорогая ты плохо ебешь дорогая дай мне его своего исусика ты плохо ебешь ффффф

ах какая же ты доставучая зацени у меня стоит конечно между нами это не так офигенно как с мужчиной

тогда маленький купальщик?

нет с меня хватит

(боже какая тапетка видишь моя девочка мы всегда находим кого-нибудь безумнее себя и все же этот огромный хуй похожий на рог внизу живота это и впрямь отвратительно)

(у моего окна, умиротворяющие и тусклые, водяные краски ночи, непроглядная темень, морские деревья)

тогда твой купальщик но мне больно ты вставляешь криво дорогая можно подумать совсем маленький братишка вытащи его вытащи дорогая это твое

говно моя дорогая ты сама не знаешь чего хочешь, теперь когда у меня стоит и потом это слишком утомляет, что если мы просто подрочим друг другу?

какая ж ты мерзкая развратная погоди нет у меня есть красивая свечка я ищу нужно будет купить резиновую разузнаешь где выписать каталог? мы возьмем самую толстую да самую толстенную дорогая сначала ты мне вставишь или я тебе?

(такая же подозрительная обстановка (но здесь в холодных тонах), как в этом клубе, стены цвета алой ночи, куда я ходил из-за хозяйкиного мальчонки малыш лет десяти–одиннадцати пробирался между педиками прятался в самом темном углу где стояло пианино, а на нем свеча, бил наобум по клавишам, мы не слышали ни единой ноты так громко орал проигрыватель прижимаясь к нему я дрочил через карман задевал ляжкой его задницу и его тепло проникало сквозь мою одежду я спускал и его невинные ручки теребили черную и белую слоновую кость и неслышные гулкие звуки я спускал по несколько раз и был таким несчастным)

ну что ты делаешь ей-богу это же твои ногти меня колют ну ты и сумасшедшая ты хоть представляешь

моя дорогая я их отращиваю это так красиво у тебя так не получится слишком худые пальцы они загнутся крючком

слушай повыше свечку а то ты меня поцарапаешь даже не верится такая симпатичная козочка и такая грубая

(я больше не буду спать у нее нет там такая тоска тяжелая атмосфера я смазывала ей свечку вставляла водила туда-сюда какие чернющие волосы на жопе ужас ох лесбуха ластится ох кошечка у нее больше не воняет из задницы)

хиии как смешно внутри совсем холодно пошеруди он разогреется

(одной рукой я дрочил ее а другой тряс самотык, она говорила Знаешь я никогда не отдаюсь в первый же вечер, нужно, чтобы тебя захотели, но ты мне так нравишься, в сущности ты же мужчина разве нет и она прыскала со смеху, я отпускал свечку, не люблю, когда шутят с такими вещами, я верю в мужчин, те, что смеются над этим при мне, я их)

я больше не мог ждать, посреди ночи смывал с себя всю вонь и одевался

(как после обеда, когда я лежал голый в постели и на меня светило солнце – его лучи проникают, касаются руки, ноги, и они покрываются загаром от его ласки с той минуты я представлял, как увижу кого-нибудь, он ждал на улице, я не знал где, но я найду его, мы поладим, проведем пару часов вместе, кто-нибудь из плоти и крови, это было на самом деле – чтобы вспомнить, хватало немного солнечного света)

она часами загорала на пляже, молодая пидовка, кожа у нее краснела, но не темнела, она следила за своим телом, косилась на другие, глубоко убежденная, что она здесь единственная тапетка, не поднимала взгляд выше гениталий и не обращала никакого внимания на глаза, которые ничего не выражали

(солнечное пятно медленно стекает с кровати на паркет, озаряет книгу на полу, намокшую от моего носового платка с выделениями, брошенного сверху, обложка коробится, название деформируется, жирные, черные, расплывшиеся чернила кажутся негативом, изнанкой пропитавшей их спермы)

потому что на пляже или пыльном дощатом настиле, тянувшемся вдоль кабинок, не было никого, кроме стаек молодежи или парочек, много женщин, детей, девочек

или черно-белый экран кинотеатра, на котором никак не закончится похоронная гонка, катафалк с запряженным в него верблюдом должен полностью развалиться упряжка чтобы нас рассмешить я никогда не любил фильмы объяснял своему соседу Я прихожу сюда только из-за дрочки (прячась во мраке под световым лучом проектора под темным фюзеляжем самолета, корпусом длинной лодки, пришвартованной у берега, мы нырнули под воду, касаемся киля)

возможно, он отважится намочить тяжелые лодыжки в пенистой, шипучей, почти ледяной воде, он боится волн, боится, что его унесет, любит чувствовать кожей лишь сухое тепло мужских тел, море здесь – голубовато-серая влага, соленый щиплющий холод

на этой пустой болтовне заканчеваю С дружеским приветом Пиши когда захочеш родители не вскрывают моих писем Прости за ошипки

улицы мало-помалу высыхали, дождевая вода испарялась, насыщенная растворенными запахами, выделялось зловоние, поднималось к моему окну, густое, пре-

рывистое, смешанное, в нем доминировали рвота или ухо

(или как в гондоле дирижабля, длинного, ребристого, в форме сигары и, спрятавшись под этой полкой над головой, я отворачиваюсь от образов, этого гипнотического зрелища, обращаю на тех, кто его наблюдает, изголодавшийся, бестактный, вкрадчивый взгляд, возбуждаюсь от этих бессознательных тел, жизней, которыми можно завладеть, фильм разделяет и собирает их, точно рука, сжимающая ниточки множества шаров, сложившихся в разноцветную гроздь)

я не одевался решил покончить с мужчинами по-настоящему (неприкасаемые, но упорные, зримые, недоступные, наличные до тошноты – таковы в моей памяти те, с кем я встречался, и воспоминание о них остается единственным способом вернуться к себе, познать себя, защититься от тех и других, сидя взаперти)

или теперь закрыть глаза слушать представлять как

(в темноте мои настороженные чувства обострялись

особенно мои ноздри принюхиваются и смакуют знакомые, но забытые запахи, что снова сгущаются и оживают (как вновь проявляется объем и вес моего тела, когда с наступлением ночи я устраиваюсь спать, ищу позу, при которой неровности матраса, подушка, расстояние между одеялами и шеей и их складки, натяжения, провисания вдоль моего тела совпадали бы с этой грудой расслабленной плоти и угловатых конечностей

слепая, загроможденная масса – я пытаюсь свести себя к про-

стейшему, неподвижнейшему, съежившемуся либо вытянутому, чтобы уже больше не сопротивляться силе тяготения, больше не зависеть от давления: безвольно обвиснуть, словно парус в полный штиль и снова потерять сознание) эти мои запахи были мне так же противны, как и чужие (если только они не раскрывали для меня новый аромат, непостижимый, волнующий своей неорганической природой, откуда бы тот ни исходил,

лобковое руно, подмышки, ногти, живые волоски, вырванные волоски, сухая кожа, смоченная слюной, пóтом, губы, шея, складки на ляжках, пупок, запах изо рта)

(и воспоминание об этих чужих ароматах было абстрактным, ничем не подкрепленным: я отвергал мертвые образы, примешивавшиеся к нему, упорствовали только телесные фрагменты, живот, колено, ладонь, оторванные от того места, где я их обнаружил – урна, которую можно открыть, порыться и найти эти прекрасные частички, затерянные запахи)

я никуда не выходил спать не хотелось и я выходил шел заходил в кафе едва присаживался как вдруг порыв ветра смерчи проливной дождь хорошо что я не выходил

я тоже повторяю этот жест, подбираю ту же книгу, широкую, толстую, испорченную, никогда не читанную, где остается отпечаток расплющенного цветка, немного желтого сока, от которого морщится бумага, сверху два–три высохших зеленоватых волокна, крупицы в форме крошечных чешуек

след углубляется, сперма умирает, моя комната-аквариум я там задыхаюсь мои отверстия протекают и пятна накапливаются

(будто на загородной тропинке (где с одной стороны плывет угрюмая зелень изгороди, а с другой высятся, колосятся и белеют сорняки) след крепкой обуви, размеренный, глубокий шаг, зловещий оттого, что его так сурово, терпеливо чеканили под дождем или сразу после)

признаки одинокой жизни, застойной, раздираемой утраченными желаниями, которая никак не закончится

(в этом оттиске лужица дождевой воды, конской мочи, разжиженного навоза – будто на дне разбитой вазы, торчащей из мусора на склоне холма – где обитают водоросли, принесенные ветром и упавшие споры образуют темно-зеленый налет, протухшая, нежная грязь создает для них мягкий, спокойный

мирок, укрытие получше тех гротов, пещер, подземных ходов в виде высоких пролетов, где неподвижно застыла ледяная вода, блестит бурое, студенистое дно и медленно ползают истощенные животные)

я жил там я не выйду, меня не выдерут оттуда ни воспоминания, ни тревога безоружный зверек, покрытый голой кожей, портящейся от сырости, становится уязвимым, превращается в бледный труп в своей лужице, я плаваю и стану похожим на каплю спермы, спущенной в ванну (или из-за душа, который орошает головку и покалывает, раздражает ее), эта молофья вытекает вопреки моему желанию и свертывается, это яичный белок, затвердевший в горячей воде, она плотная, упругая, липнет к пальцам

я был всем этим темнело

(я помнила все много плакала и она тоже мы плакали как две Магдалины увлажняли друг дружку были бедными глупыми девочками можно сказать с нашими цветами воспоминаниями нашими хорошенькими двадцатью или пятнадцатью или шестьюдесятью годами нашей молодостью не имеющей возраста полностью увядшей и отяжелевшей нашими душами в мокрых простынях)

я больше не рискнул бы засунуть цветок за отворот теперь я показался бы себе чересчур смешным существуют не столь наивные способы эпатировать прохожих но это украшало меня в ту пору это был мой стиль моя манера держатель для цветов собиратель булавок не похожий ни на кого из них просто венчик в нужном месте он попросил его я собирался выбросить но он сказал Нет отдай мне совестно за него у него

нет денег мы идем есть я приглашаю на бабки старика несколько франков не бог весть что он заказал пару сосисок с картофелем-фри и не делал игривых намеков если не считать того как он любовно накладывал горчицу будто намазывал маслом только не залупу а задницу мы сидели рядом со старухой почти бомжихой негритоски в мини-юбках проходившие мимо поссать вызывали у нее восхищенные улыбки пьянчужка тут вошла толпа негров он не хотел вести меня к себе объяснял что там слишком невзрачно чересчур грязно он подразумевал что это недостойно меня и даже его самого дразнил меня я задумался хорошо ли он сложен, из-за этих придурочных сантиментов я уже начинал опасаться за его конец

под самой крышей шикарного дома в богатом но гнусном квартале конура клетушка для прислуги засаленной невежественной там наверху был свален бывший буржуазный навоз я старательно прятался не думал что подыхаю

мы ходили в задрипанный бар мой любимый темный с деревенской обстановкой вместо столов колеса телег импровизированные столы без осей они не крутились заткнутая ступица служила пепельницей спицы накрыты дисками из толстого стекла

мы сидели на табуретках, на каких доят коров, грубых, громоздких, жестких для задницы, все было сделано со вкусом, приятная музыка, меня мучила мигрень, он говорил о кино, я рассматривал его, но очень издалека, словно меня там не было, я нашел себе место, чтобы прислониться к стене в какой-то нише, любовался руками, позой, красивым лицом и взглядом, всем этим он обладал

вернулся мой бывший, он искал меня повсюду, обзванивал все бары, рассказывает мне и попутно ругает, я говорю что у него было скучновато, а сам думаю пошел ты в жопу

еще раз и я выставлю тебя за дверь обещаю что больше повторять не буду

(и его имя исчезло из моей записной книжки)

(скорее уж, дневник, нескончаемый перечень, телефонный ежегодник, толстая засаленная книжица, залапанная, рассыпающаяся, истрепанная на углах, с недостающими страницами, вырываемыми, если в смежных сортирах не хватало бумаги, такая же, как моя голова, груда бумажного хлама, измаранного каракулями, в телефонной кабинке (полуцилиндр из красного дерева) этих больших старых кафе с вращающимися дверьми, лепными потолками, зеркалами, украшенными гирляндами или матовой вязью)

я ничего не потеряю, если сожгу, порву, сотру все это

(мои коллекции мест и любовников я медленно их листаю, скрашивая свои вечера, задумываюсь над каждым именем, подрачиваю, словно читая порнуху, слежу за разбуженной мечтой, людьми и поступками, которых у меня никогда не будет наяву, они ничего не узнают и не расскажут обо мне)

так как все оставалось неприступным, испытывало это недомогание

паренек как мне осточертело всем этим любоваться ты даже не представляешь

(мы никого не держим, они от нас не зависят, не позволяют ни брать себя, ни отвергать)

они уходили, прощались, махали рукой, «солдат уходит на войну», из окна вагона, цветок в стволе винтовки, прощайте, мои тапетки, мои бабенки, они возвращались через театр после десяти, видели, что я тоже вернулся (я рисковал вывихнуть свою старую поясницу, а все из-за моего ласкового сердца и артритического бедра, кажется, левого) и повторяли этот дружеский жест, они даже не предполагали, что я приму его всерьез (во мне больше не было их беспечности, скупясь на жесты, я копил чужие, перебирал в уме, вычитывал из них всевозможные смыслы) лишнее приветствие, никаких церемоний, им не понадобится, они не вернутся (вскоре убитые солдатики оставляли своим ненужным невестам лишь пошлые воспоминания о помолвке и в день отъезда долгие проводы, наивные, немного фальшивые, уже символ смерти)

искренние по глупости, и через минуту после этой любезности – столь же чистосердечное забвение я не был приучен к этому, в мои времена любили как-то протяженнее

я бросаю всегда первым, через час невольно их ненавижу, желаю чего-то иного, во мне растет тайная потребность, она судит, предъявляет иск и отвергает одного за другим

(меня убило то, что я так постарел незаметно для себя, я запил, почувствовал себя сильным, они не прикончат меня, я рассмеюсь им в лицо)

в общем, встать, поискать стакан, выполоснуть упавший туда сигаретный пепел, проглотить остатки

рома, я нюхаю, напиваюсь через ноздри, пью медленнее, вообще не пью, от алкоголя меня мутит, он слишком бархатистый, спокойный, мне больше нравятся крошки, они похожи друг на друга, мне ничего не нравилось

его волчьи зубы

облокотиться на подоконник и смотреть в окно, свободные парни на проспекте с чистыми линиями, они ни о чем не знают, еще боятся ступать, идти гуськом, взаимно нравиться, сменять друг друга в одних и тех же постелях

(ни один не похож на другого, их невозможно спутать, они тоже так думали – но одинаковая манера презирать друг друга, одновременно принимая – я поступал точно так же, мы отождествлялись при помощи жеста, его цели и результата)

терпеть

не могу мыться перед выходом, но еще больше ненавижу ложиться и засыпать посреди смрада, с запахом пота в конце летнего дня, эта идиотская брезгливость превращает меня в юношу-чистоплюя, безупречные уши пальцы ног веки ногти мятный запах изо рта

несколько человек смотрели на себя, очарованные собой, довольно молодые и новые, удивлялись, узнавая себя в зеркале, в глубине души, знакомое отражение в необычном месте, усталость от удовольствия, что слегка раздувает либо смягчает черты, делает их неожиданными, словно загримированными, перелицованными, вновь обнаруженными на детском снимке либо превращает в несовершенного, немного карикатурного двойника они бросали на себя быстрые, мнимо равнодушные взгляды, боялись, что я шпионю за ними

блистательный рисунок на все времена, твердые черные кружки зрачков, пронзающих разноцветную радужную оболочку

они заново причесываются перед зеркальцем над умывальником, наклоняются и локтем опрокидывают криво стоящую дощечку, откуда обрушиваются тюбики, флаконы, щетки, которые я там раскладываю, моют свои органы и во время этой процедуры переживают, не подцепили ли от меня какую-нибудь заразу, потом говорят себе Я занимался любовью, успокаиваются, плюют на все, душатся моим одеколоном

взгляды отворачивались, устремлялись, замирали, возвращались, не возвращались, этот двойной и мягкий свет, самый красивый, я не забывал, как он ложился на зеркало, которое загадочно его поглощало – будут появляться другие, год за годом, каждый единственный в своем роде и неопределенный

наконец они говорят Все я готов, бросают довольный взгляд на постельный кавардак, затягивают пояс, смотрят, как я с трудом зашнуровываю башмаки, теребят ручку двери, теряют терпение Ну так мы идем или нет? (он говорит, что хочет пить и добавляет У тебя случайно нет пары тысяч?)

он говорит Приятного вечера моя пидовочка я ухожу и хлопаю дверью не хочу реветь сначала пью, становлюсь плаксивым и нет никакого стыда выдуваю бутылку рома как настоящий мужик в такие моменты я теряю пол, даже если думаю Моя дорогая бедняжка

поллитра на целую ночь не хватит, особенно шмурдяка

я неделями был парализован, заточен в тюрьме

(и я проведу в камере не один десяток лет город подождет я вернусь выйду в люди мы снова будем вместе он и я большая разница в возрасте но я еще поживу исследую каждую парижскую артерию незаконно пробираясь по вечно незнакомому городу точно какое-то кровяное тельце fluctuat nec mergitur мне страшно больше нечего

пить больше некуда себя тратить)

раньше кто-то мог говорить, а я его слушал но сегодня тишина, пустота снаружи и внутри

(к счастью я был один когда говорил сам с собой, если бы меня застали врасплох, то навсегда заткнули бы глотку – самый тупой из гостей решил бы, что он мне нужен, хотя это не так)

я полностью сожран не осталось ни кусочка приближаюсь к концу больше не шевелюсь скоро придет сон раз солнца нет три часа ночи

в такое время облавы бывают редко но я снимал клиентов в ночном клубе именно так и выходило два-три раза в неделю то же место те же легаши та же история ведь это место встречи проституток трансвеститов и их сутенеров постоянных клиентов я был единственной щуплой малолеткой на своем большом табурете рядом с дядей он угощал меня пятым скотчем, ради этого я и приходил, прежде чем согласиться, я должен получить свою дозу, я объяснял типу Конечно мне хочется с вами переспать но тогда сначала напоите меня иначе двое полицейских в гражданском у меня не было при себе документов в комис-

сариате это ни к чему меня знают они звонили матери и она тут же прибегала

что он опять натворил? она обо всем знала возмущалась чисто для вида а легавый этим пользовался открывал на меня варежку

тебе не стыдно маленький засранец сколько неприятностей ты доставляешь своим родителям будь у меня сын твоего возраста такой же как ты мммммм в ночном кафе мой дружок

угу меня достало я сыт по горло этими принципами родители только и могут что доставать меня готов поклясться

ах ты мерзкий сопливый шалопай я научу тебя вежливости он дает мне пощечину мать качает головой все превращается в семейную сцену (один раз она не пришла они заперли меня на всю ночь с бомжом он пихал меня локтями орал Слушайте уберите от меня этого жопника) он чинно объяснял матери Он абсолютно неисправим асоциальный тип когда-нибудь он украдет убьет уверяю вас в ваших же интересах сдать его в исправительную тюрьму я все устрою с таким личным делом как у него вреда от этого не будет

(мне глубоко наплевать у меня там была одна подружка у нее только прекрасные воспоминания отбеленные волосы помада на губах она была сексуальнее меня ей было насрать великолепные мужчинки она до сих пор дрочит на них как она рассказывает это надо слышать всякий раз встает)

мать делала такой вид ой что же вы хотите я слишком сильно люблю его и говорила

знаете я дам ему еще один шанс он остался без отца по сути в этом причина драмы понимаете

(чертова блядюга если б ты не бегала за хуями беспрерывно чаще чем я меняю отчимов мои пристрастия тебя вполне устраивают я служу тебе прикрытием)

держать в ежовых рукавицах другого выхода нет берегитесь педиков я вас серьезно предупреждаю остается только сажать их за решетку и лупить, отвечал комиссар

(ну а папаня с тех пор как снова женился не дает мне ни сантима, его альфонс дорого ему обходится слишком много расходов)

ты говоришь о жизни присылать мне хотя бы четырех клиентов в день такие они скупердяи в семье

повезет если эта жирная шалава не сунет нос в мои дела ведь она спит с мужиками которым даже на нос ломает насрать

я ждал ареста, но меня так и тянуло обратно в клуб, идеальное место для перевоплощения в женщину

да иногда по вечерам там собираются одни подружки они не впускают других и впрямь клуб для избранных

(если нас повяжут мы рисковали провести ночь в участке и заплатить штраф но нам было начхать мы были в сто раз красивее настоящих девиц мужики ошибались они засматривались на наши икры лапали нас за булки особенно длинноногую шведочку она выделялась красотой снимала отцов семейства молодых папаш гордившихся своими яйцами завлекала их отводила к себе и напаивала чтобы трахнуть потому что она шведочка была активной и к тому же непревзойденной соблазнительницей)

потом я шел на встречу со своим мужчиной он терпел трансвеститов но требовал чтобы я смыла макияж, разумеется, он предпочитал мальчиков он осточертел мне своими нравоучениями

ты как легаш ненакрашенная я чувствую себя голой если он снова начнет меня критиковать я брошу его и даже его привычка покупать мне мороженое на улице а я такая милашка с пакетиком в руке клубничный кружок алые губки шаловливый язычок завивается штопором но ничего страшного обойдусь без него мне плевать теперь я фригидна с тех пор как от меня ушел мой первый мужчин больше не осталось

(мужчина настоящий Хуй с большой буквы и кто-нибудь на конце просто-напросто хер торчком присобаченный к мышце)

(словно рог на лбу единорога зверь наклоняет голову его сказочный убор тянется ко мне ищет вход и разрывает меня на части)

ох-ох как больно давненько у меня не было ничего между ягодиц

(сквозь меня пронеслись сотни типов подобно шквалу мне с трудом удается вспомнить кого-то самый толстый хер на который меня насадят два часа целая ночь три дня подряд как только высру его обратно это закончится придется все делать заново нельзя удовлетвориться раз и навсегда)

но я начинал ее стеснять мать решила запирать меня на ночь перед тем как уйти на работу заталкивала в мою комнату поворачивала ключ и уносила его с собой какая скотина приставала к кому попало на Елисейских перед витринами

или в снобистских барах не возвращалась домой пока ей не пошерудят в пизде и кошелке блядская ебаная в жопу шлюха я стучал в стены пытался всполошить соседей полночи орал старая сучья затраханная лахудра пизда я напялю тебя профура блядская гаражная хуевая проблядь я вспоминал все грубые слова которые знал но они быстро заканчивались меня слишком хорошо воспитали когда она наконец ложилась часа в четыре я уже спал

(стучаться в двери и падать на землю рыжеватый и желтый пол отсвечивает тускнет похожий на внутренности (садок с неровной расползшейся сеткой обхватывает удерживает убивает) принять форму этой тюрьмы возможно познать там самого себя снова всплыть на поверхность быть свободным в этом моем теле везение я мечтал о нем когда во второй половине дня сюда проникал слабый солнечный свет робкое ребяческое пятно точно моча младенца я открывал окно чтобы подышать свежестью но в прохладном воздухе пахло горелым бензином и солнце оказывалось фонарем внизу одиноким в ночной темноте

ранить себе колени и руки пробивать лбом стенки этой клетки бессонница находить выход источник пучину сна)

я засовывал голову между его ляжками забывался сном от сверхъестественной нежности его плоти

(одежда, волоски стерлись от ходьбы, кожа отшлифовалась, отполировалась, теплые, податливые и тяжелые ляжки обрели форму, два гладких пляжа, новые бока друг напротив друга, на них завиваются одинокие, длинные, выцветшие волос-

ки это область шелковистости, твердости члена, живота, она нежная, интимная, приветливая, я бы просидел там всю жизнь)

я долго отдыхал там, втягивая носом влажный и приторный аромат, мое отраженное дыхание возвращалось обратно к лицу, омывая его обжигающей влагой, а волосы сплетались вокруг его хера в корзинку, живую и щекочущую бархатную подушку (над моим лбом этот нарост, вздутый, излившийся орган) я создавал иллюзию постепенного пробуждения и, поднимая голову, любовался огромным деревом с яйцами, вертикально стоявшим перед глазами, в шубке, которую я собирался жевать

я знаю она точит перышки фланерам в подъездах ей все равно здоровые ли у них концы однажды ее вылечили от шанкра на нёбе (как говорится, дергало зуб мудрости) гной льется из трех ее отверстий она неминуемо меня заразит

запертый в своей спальне я был в ярости шикарное здание наши прекрасные комнаты с позолоченным потолком дорогая мебель большие кровати восемнадцатого века со стойками и балдахином деньги этих стариков все равно чем набивать себе формочку снимать меблирашки за три тыщи и лакеи из Испании и я шлюха моя задница не берется в расчет возможно не хватает хуев и бабок на нас двоих нет твои клиенты со всеми их медяками сифилитичная блядь за десятку его потянет блевать от этого кстати мой последний отчим к примеру с головой благородного попика культурная беседа седые волосы восковые щеки важная осанка строгие влажные литературные глаза с обвислы-

ми нижними веками жирными точно обрюзгшая мошонка волосатые ноздри прекрасные чувства фиолетовый язык можно принять за варикоз всасывает пизды точно устриц особенно вонь девиц и бабенок с их медвежатами

(я прикончил бы всех взрослых я был вымазан их дерьмом загажен в их квартирах их желания их шпики их город-бойня откуда можно сбежать только через сортиры трубы с экскрементами утекающими за город это единственный путь – заманивать клиентов приседать под их дрожащими задами ловить их какашки за полтинник я долго не решался очень жалел о том, что был изящным пидорком на сен-жерменском тротуаре (там хоть подружки составляли мне компанию столько исусиков красивые ясли) я хотел покончить с этим больше не зарабатывать бабки дойкой старых вымен под необхватными брюхами)

(я сыт по горло этими толстыми дряблыми губами которые шарят у меня во рту и отдают гастрономическим чесноком этими несоразмерными бычьими рафинированными физиономиями, сосущими мои ягодицы так, будто это причастие)

(убежать не думать о том что ожидает по другую сторону на свежем воздухе за этими стенами такими толстыми что нужны километры труб чтобы пройти сквозь них испорченных сифонами фильтрами дросселями плыть в этих нечистотах уличная толпа красивые кварталы терпеть людей с осуждающими порицающими презирающими взглядами и тех кто вас снимает и обтесывает все то же племя с прекрасными душами и белыми руками пройти это тело насквозь голову насквозь глотать их говно жопой и ртом но какая разница уйти даже если я утону

в огромном рве куда выливается этот понос океан дерьма окружающий город из говна высокий и твердый как палка засунутая в срущую задницу)

лежа на животе, наслаждаясь подушкой, нагретой моим лицом, обнаруживал успокаивающее воспоминание о животе, прижавшемся к моей щеке – и непроизвольно открывал губы чтобы взять орган которого не находил

(в отчаянии она искала громадные хуи, но из тех парней, у кого они были, лишь немногие трахали в жопу, ей приходилось заставлять, она была такая разъебанная, что ни один даже самый сильный и широкий член не мог бы ее поранить, выпотрошить, укротить (так же как самый первый хер, разгладивший складки) она безнадежно мечтала о колоссальных орудиях, ей мерещились туго набитые, готовые лопнуть ширинки (там поджидал исполинский орган, каучукоподобный, как у жеребцов-производителей, или свернутый в бараний рог, он внезапно выпрямлялся при ее приближении и, твердый, толстый, грубый, с большой залупой, у основания еще толще, чем на конце, распарывал ей жопу и разрывал надвое) она стала умалишенной, чокнутой, экзальтированной убийцей)

меня бесило, что я у него первый хуй, особенно потому, что ебать приходилось осторожно, у него был такой нежный анус

(чувствительность моего очка лет в четырнадцать можно было вызвать кошмарную боль простым нажатием

но он надавливал пальцем, искал вход посреди мягких складочек с твердым кольцом, от волнения стянутым до предела

на самом деле чем моложе тем эластичнее напрасно мы переживали)

коричневая бутоньерка в самой отлогой части пацанской щели, между свежими округлостями (словно маленький рубец оставляемый на верхушке апельсина вырванной плодоножкой, откуда звездообразно расходятся по охряной плоти короткие бороздки, из пор сочится жирный, горь-

кий, благоухающий солнцем сок апельсин подобранный под деревом пришлось бы опустить руку в траву чтобы подхватить поймать этот фрукт жаждущий тепла, укусов и разрывов)

(разумеется в четырнадцать я не был педиком я слишком сильно ненавидел женщин выдавал себя скорее за очень послушного и милого ласкового маленького мальчика из-за этого я очень ему нравился он всегда называл меня крошкой его палец терпеливо ощупывал мою целку то есть очко моей задницы суженное отмытое его трудами и это он вскрыл мою щель он первый самый первый мы проделывали вдвоем эти штуки и так продолжалось три года или три часа или сколько там)

я был наедине с ним, единственный его господин паренек даже не знавший слова пидорас, член корпорации, как и другие, и как уже в полной мере он сам вопреки собственной воле

лижи мне зад

(я больше ни с кем не начинал снова я уже не в том возрасте слишком многое стерлось теперь я стану простой пидовкой возможно когда-нибудь попробую опять с тобой, в сущности ты мне нравишь-

ся, если бы мне вновь было четырнадцать хотя нет забывай меня я ведь знаю ты терпеть не можешь тапеток а я худшая из них)

лижи

(сначала он садился на грудь и, заведя руку мне за голову, чтобы приподнять, подставлял свой хуй потом, пересев, опускал задницу на лицо, я считал, что обязан повиноваться, раз перед этим он меня вылизал)

мой язык уподоблял его детский анус пупку (чересчур большому по центру пацанского живота, точь-в-точь как их уши и глаза) голый, безволосый, нежный, чуть темнее кожи на пипиське и такого же, как она, типа этот зад никогда не насиловали, я собирался проткнуть его, смачивал, он поддавался кончику языка

я уже слишком сильно любил мальчиков этого возраста, тринадцати–четырнадцати лет

(по крайней мере тех, что не выделяются неприятным, карикатурным ростом и (только не деревянная андрогиния, немытость, нескладность, придающие некоторым подросткам смешной вид) возвышаются с необычной грацией, где эфирное простодушие детей смешивается с упругой агрессивностью и нервной либо вихлявой неуклюжестью)

из низменности я требовал чтобы он тоже меня лизал, удовольствие от унижения, приятная щекотка

(я полностью принадлежал ему глубоко впивался зубами смаковал под волосками крепкую шершавую корку с тошнотворно мягким низом

воспоминание об отвратительном соке, выпоте, поте, я бы так не смог)

я не могу тебе это сделать

(я это делал
натираю себе нёбо обдираю слизистую я представлял что нахожусь в чудовищном месте преисподней его тела)

каждый вечер меня принуждали к этому, сидя, лежа, стоя, всегда при свете
нет найти в себе силы выйти из комнаты, и то, что я вспоминаю, сможет произойти наяву
я хорошо смачиваю ложбинку, чтобы скользить по ней, жидкая слюна, в которой растворяется мой нос, изгиб моих губ
я вставал заставлял его идти за мной и становиться за моей спиной на колени униженно страстно он исследовал мои внутренности больше не сдерживал себя он мог бы всосать меня, вывернуть кишку как палец перчатки укусить ее

(я долго пережевываю эти потроха горячие окровавленные облитые желчью мое лицо ныряет туда словно в утробу старого кабана челюсти собак, бросающихся на добычу, кромсают кишечник, легкие и яички
он хватал меня за волосы свежий воздух на моем нерешительно высунутом языке я держался за его ляжки смотрел на его зад не в силах приблизиться погрузиться в эти мышечные массы с завивавшимися волосами между булками я быстро выбрасывал язык пунктуально невыразительно я почти расстраивался

втайне я ожидал что это отверстие будет отвратительным мерзким (чтобы опуститься покориться еще больше подчиниться стать как бы попранным) я придавал языку форму ножа и мои губы зубы жаждали его задницу и спазмы в животе головокружение я утолю свой голод в этой живой теплой долине он неподвижно прочно стоит на ногах вдруг я зарывал глаза подбородок щекотал шарики нежные твердые ластился к ним щеками мой ненасытный раззявленный рот проглотит весь этот узловатый клубок я проводил руками с другой стороны по бедрам вслепую до самого лобка засовывал их туда ронял и хватал хуй с яйцами мял в пальцах а мой рот продолжал свою работу хотелось чтобы он мне дрочил я закрывал глаза прижимая их к этой статуе колонне я цеплялся за нее словно пытаясь скрыться внутри мои ягодицы сокращались кровь внутри них бешено пульсировала устремлялась дальше внутрь моего члена прямого одинокого ободранного он брызгается из-за этой дырки, которую я затыкаю языком мое лицо остается у входа только хер мог бы погрузиться в анус тот прищемил бы его точно дверь которая придавливает и отсекает пальцы заливает кровью под этими ягодицами я напрягаю харкаю в лихорадке храню липкие тиски плотно облегающие мой хуй он встает внизу навстречу его коленям мои раздвинуты между ними уместился бы целый круп

тянуться к нему выгибаясь луком мой хер стрела отпустить тетиву и лук разгибается стрела летит далеко вперед мишень слишком высоко мой язык двигался туда-сюда в отчаянии я созревал для того, чтобы он меня трахнул)

но я не могу вообразить его наслаждение, а его страдание, похожее на мои мучения, побуждает меня привести сюда нового любовника, с которым я их еще испытаю, удовлетворю это желание в других образах – утреннее видение, легкое или грустное

(потом он поворачивался и я должен был у него сосать

или он ложился на живот и говорил Трахни меня

этого хватало чтобы отбить всякую охоту (и мой хер казался мне слишком маленьким, смехотворным, таким же детским, как мое тело, и точно так же неспособным оседлать самца, мальчика, я даже боялся ложиться сверху, пытаться вести себя, как мужчина – он бы взял меня так же, как садят на плечо котенка, молодую обезьянку, изящного зверька, которого ласкают, в шутку дергая за лапки с коготками, дикие и неуклюжие, пушистые, безобидные)

я отказывался, ждал стоя, огорчался оттого, что он настаивает (я представлял себя пародийным содомитом, неуместным, точно ребенок из хора, облаченный в епископскую ризу голенастый напыщенный)

однако в том возрасте с друзьями я бы все-таки это сделал, у меня был свой мужской период, лет в двенадцать я часто ебался, но потерял к этому интерес, когда пидорасы начали называть меня в женском роде, нужно было быть либо мужчиной, либо женщиной, мое телосложение, мой возраст решили этот вопрос за меня а теперь уже слишком поздно)

но он был натурой непосредственной, игроком, когда на минуту забывался, изменяя этой тяжело-

весной бабе, с которой его заставляли жить, вновь становясь пареньком, мальчишкой, весельчаком, хорошо воспитанным, довольным своей приаписюлькой своим игривым торчащим пальчиком

(мне нужно было всего-навсего предупреждать их всех Знаешь у меня ничего нет в общем как говорится ничегошеньки и я трогал низ живота чтобы объяснить, я и сам привык измерять педиков сантиметром, я не хотел мухлевать некоторые парни краснели до ушей когда я говорил об этом они наверняка возбуждались наподобие нянечек, другие улыбались с чувством превосходства намекали что у них длиной как рука добавляли Все маленькое такое миленькое и я понимал что они зарились на мою задницу тоже не слишком толстую а большинство лишь пожимали плечами, подразумевая Это не суть ты делаешь минет?)

такое утро, как в этот день, последний, что я проведу в одиночестве, светает, погода прекрасная, свет плавится, смеется над самим собой в изумлении вокруг было безлюдно, я радостно шагал, дышал чистейшим утренним воздухом, приносившим издалека лесные запахи, даже не верилось, аромат прозрачной воды и я шел по улицам, любовался машинами, зданиями, металлом и розовым камнем, их приукрашивало юное и светло-желтое, как яблоко, солнце время бежало, люди открывали решетчатые ставни, фигуры-плевки в окнах, ядовитые взгляды на асфальте с урнами вскоре они выходили, бульвары заполнялись, утро свешивало нос, стены корчили кислые мины, пыль и вонь заполоняли город, устраивали кладбище для химических отходов, для животных, мертвецкую

как бы я мог выйти, разрешить себе видеть это, забыть, что будет происходить внизу, в их пространстве, в их день, на территории, за которую они беспрерывно борются со светом, чтобы с ранней зари наводнять ее злобными гнусными зверьками, загробными кровопийцами – лил дождь, темнело, я возвращался в свою сырую постель, спал там день-деньской, просыпался, лишь когда тишина и темнота извещали меня, что город на-
120 конец опустел

(я больше ни о чем не думал, я сосал его грудь по-дурацки растянутым ртом

моя

задница ломается, туго сжимается, чтобы испытать оргазм, судорожно подражая толчкам прочищающего шомпола я хорошо залупил его и так грубо зажимаю в кулаке, что головка становится фиолетовой, раздутой, багровой, покрывается слизью, которую я взбиваю при дрочке, крайняя плоть движется туда-сюда, пока я гоняю балду, внутренний водоворот его крови (появляется белоснежная пена, взбитый белок (он контрастирует с грядущими широкими потоками спермы подозрительно жемчужно-серой), похожая на шипучую морскую пену на волноломе, отполированном эрозией, пурпурный порфир)

он

не засовывал мне в рот, а отдавался и потом неощутимо покачивал бедрами но я заглатывал его хер до самой гортани, измерял зубами, боль его не смущала, я мог кусать, заменяя собственные клыки волчьим капканом)

(вскоре у меня уже сводит скулы возле ушей, оттого что я слишком сильно раззявил рот, стараясь его заглотнуть будто я у дантиста который про-

тягивает свои инструменты и повторяет Откройте откройте пошире я открывал и этот хуй расплющивал мне язык пахло антисептиком но тот момент когда он кормил меня был моим любимым аромат волос на теле, смешанный с запахами шампуня и выделений, пот на лобке и яйцах, с большим количеством спермы, пресный, сильный, маслянистый, заставлял сосать грубее, безоглядно, предаваясь чревоугодию, глубоко впиваясь зубами в этот мясистый член, где я оставлял чуть пониже головки следы своих резцов, маленькие дефисы, разделенные пробелами, и дальше точки от своих клыков, словно сообщение азбукой Морзе

мне не хотелось терять ни сантиметра но его хуй был слишком длинным сколько я ни старался и ни тянул вперед голову он бился мне в нёбо я пытался проглотить его залупу засунуть ее в горло вытягивая шею чувствовал тошноту охватывавшую живот и даже хуй хотелось блевать)

темнота

все становится размытым чувствовать развороченные липкие простыни под своим концом который все еще трется о них и моя голова ее вечное прибежище подушка тяжесть между ляжками гвоздь торчащий оттуда у меня до сих пор стоит мне больно я потею мое тело исчезает

эта комедия с кормлением сотрясала мой желудок он рыгал выделял секрет волновался думал что раздувается, вот придурок

мигрень пока он бил меня хуем по башке или его сок в пищеводе возможно это уняло бы головную боль но, прежде чем кончить, он вынимал хер, ненадолго оставлял у меня перед

глазами, бесстрастный, задумчивый, рассеянный, чем-то поглощенный, ничего не объяснял, нужно было дождаться, пока его сперма успокоится, а мышцы расслабятся я спускаю с птичьей скоростью, но ему нравилось как подольше растягивать

но если он трахал меня среди ночи то кончал быстро и испытывал сильный оргазм

(быть его

бабой насадкой я становился самцом доверялся его концу он становился мною я присваивал его он ложился на меня распахивал мои ягодицы и обходился без диких фрикций но это я овладевал им это я прибавлял шестьдесят килограмм его веса я был одержим но не как самка а как бесноватый)

он тоже иногда останавливается во время ебли, мне кажется, что он спустил, но он начинает снова, спокойно, широко, точно косарь, великая жатва, торопиться некуда

медлительность богачей

(я цепенею под ним равномерные движения хуя убаюкивают и даже боль усыпляет будто наркотик)

я не умел растягивать, никто меня этому не учил, просто ради удовольствия я на секунду останавливался, чтобы лучше ощутить собственный член, ввинчивался до упора и не шевелился

(как в детстве, когда меня учили дышать под водой, окуная голову в умывальник, ванну, дыхание перехватывало, глаза закрыты либо выпучены, взгляд прикован к блестящей хромированной затычке, я отсчитывал секунды, зорко следя за собственным телом)

или вдруг непроизвольно вспоминал о чем-нибудь грустном и у меня слегка опадал потом вновь обнаруживал под собой парнишку, раскачивал бедрами, целовал бугорок на позвоночнике, выступавший под кожей внизу шеи, нюхал волосы, надувал живот, чтобы заполнить выгиб его спины и прижаться плотнее, и снова вставлял, потрясая хуем, точно скипетром (и когда из скипетра хлестали причудливые струи, похожие на легкие, связанные цепочкой шелковые платки, которые достает из палочки фокусник, или на брызги цветолова, я больше не сдерживался, разрывал его заполнял до самых костей и спускал)

(больше никто не занимался со мной любовью вот так потому что он был первым а я изменился, вырос, постарел из-за этого он меня бросил, время отдалило нас, пятнадцать–шестнадцать лет, скоро уже стану взрослым, я больше не ебабельный)

будто на краю темного неба неведомая часть моего сна мое забытое тело соскальзывает в пустоту ночь без ориентиров я чувствую как падаю на потолок)

другие лица другие удачи смогут возвратиться, не знаю, какие (скрытые на дне меня хорошо пригнанные выровненные молчаливые пока что их ничего не разбудит)

потому что у меня была ночь и только ночь с ней сочетался единственный цвет, белый

бесполезно показывать мне что-либо, кого-либо, ничто не удержится на месте, и каждый образ, каждое слово которое я выуживаю точно шарик разрушается при своем появлении

(но я могу лишь собирать их разбивать вечно за ними гнаться)

(уголок в саду с землистой почвой шарики стукались друг о друга мы стояли на коленях подметали руками дорожку (или школьный двор, заросший травой, лесом, засаженный дубами) мишень в виде пирамидки из четырех шариков, трех в виде треугольника и одного сверху серые шарики,

усеянные пятнышками акварели, или лакированные красные, желтые, синие, оранжевые, другие металлические – или стеклянные, дорогие, прозрачные на пламенеющем агатовом шнурке указательный или средний, соединенный дугой с большим, становится опорой, защелкой для этой пружины, резко расслабляешь палец, запущенный из этой рогатки шарик катится, подпрыгивает

рядом с кустиками, бересклетом, бирючиной, коленями прямо на утрамбованной земле (или утоптанной ходьбой, играми), что застревала под ногтями дужками блестящей желтой охры, по контрасту с белыми полулуночками, корнями, красневшими от желания, мы грызли их между ударами летняя земля, детский пейзаж созданный для того, чтобы становиться на колени или садиться на корточки, раздвинутые ляжки, ложбинка на заднице, игра на ловкость рук

(первоисточник, легкий набросок моих теперешних рук, со слегка мохнатыми фалангами, пара тонких, почти бесцветных волосков, я отличаю их по этой серовато-розовой точке, этому шершавому шраму, откуда они растут

я смотрел на свои пальцы, искал на них следы, остатки других, пер-

вых (наивных, что не любили мыла, плутовали, подмывали, щупали хуи, играли в шарики), их не сыскать, остались только эти лапки с утолщенными суставами – или, возможно, лишь розовые ногти, если смотреть на просвет)

игра та же

я забыл как играть ямка глубиной пару сантиметров в бежевой земле, мы выкапывали ее перочинным ножиком, потом рыли ногтями, чтобы можно было засунуть четыре пальца, нужно было бросать туда шарики, по неведомым правилам, но победитель получал все правая рука собирала шарики, левая была повернута ладонью кверху, пальцы лодочкой, готовая принять добычу правая ищет, ловит горсточками, перебирает в другой руке, та сжимается, первая снова погружается, затем шарики переходят в правую, которая пересыпает их в карман, тот, что без дырок, трусы ляжки пальцы башмаки шарики все припорошено этой пылью мелкой словно тальк прилипающей к коленям, цвета плоти на солнце, грязноватой, когда наступает вечер и воздух свежеет)

но для продолжения было только одно место и одно время, мне этого не избежать

126 четырехугольная площадь пуста, холодное солнце, кафе в округе еще закрыты

(террасы, стулья или кафедры (проповеди, монологи), столы, переставленные к витринам)

церковь с основательной серой колокольней в романском стиле

я выходил из здания неподалеку, явно комната для прислуги, я туда не вернусь

дверь открывается в углу узкой и длинной комнаты, простой поворот коридора, по которому мы прошли, входя, упираешься в этот закуток, занимаемый кроватью, комната продолжается только вправо там пахнет кофе, мочой, мылом, специями

я входил я не любил ходить к клиентам на дом предпочитал гостиницу но

над кроватью слева окошко в нем видны крыши

я слишком устал чтобы спорить встретил его проходя мимо в три часа ночи шлялся без гроша в кармане я был единственным парнем на улице

мне очень хотелось вернуться с ним или с кем угодно я решил что это

случится сегодня ночью наконец-то перепихнусь с мужчинкой дотронусь до его хуя и он меня выебет вот и все

его испугал мой возраст, но я прибавил себе годы, сказал пятнадцать, даже посреди ночи он боялся консьержки, полицейских облав

этот длинный поворот загроможден, помимо кровати, еще и другой мебелью из темного дерева, составленной так плотно, что не развернуться, налезающей друг на друга

на стене, напротив двери, возле шумных часов-ходиков, виднеется большая афиша, что-то вроде рекламы ананасов или путешествий: жирная хохочущая антилка в цветастом платье и косынке

спертый воздух окошко открыть слишком трудно можно дышать только если приложить нос к стыкам едкая, нестерпимая вонь, чад подгоревшего жира, запахи стиранных носков и кальсон, чищенной посуды, застоявшейся мочи, кровати, пропитанной кишечными газами, выдохшегося перца, яиц вкрутую

потолок очень низкий, разлинованный веревками, на которых сушатся нижнее белье и тряпки

справа от афиши заколоченный высокий камин, на нем этажерки с грудами бумажного хлама, писем, почтовых открыток, буклетов, газет, туалетной бумаги, пластинок с шансонетками возле проигрывателя – а прямо по центру стеклянная ваза для фруктов с огромными бледно-желтыми бананами на другой, металлической, этажерке несколько рядов сброшюрованных романов в цветных обложках, туалетные принадлежности, флаконы, тюбики, щетки, бритва и набор лекарств

довольно большой стол практически разрезает комнату пополам, темная, подбитая войлоком ска-

терть опускается до середины ножек этот стол служит тумбочкой для примыкающей к нему кровати, второй его угол – письменным столом, а третий – обеденным там двое часов, две чашки дымящегося кофе с ложечками и блюдцами, пакет сахара-песка, дымчатые очки, полотенце, тюбик медицинского вазелина

постель смята, но не скомкана, простыни слишком тонкие, и потому нет впечатления беспорядка ни подушки ни валика, голову кладут горизонтально

я закрывал дверь и садился на краю кровати он наливал мне белого рома разбавленного теплой водой я продолжал смотреть на эту закрытую дверь словно она обрамляла пейзаж, справа просто швабры и зонтик в углу, слева мойка и стенные шкафы

грязная посуда, бутылки с вином и маслом, миска, плитка с чайником, но ни единого крана

еще левее кухонный стол с прибитой гвоздями клеенкой, где стояла другая миска из синей пластмассы, с чистой водой (набранной из крана на лестничной площадке, в другом конце коридора, рядом с туалетом, где не было света, но в окно виден даже Монмартр)

(я посмотрел туда лишь после того, как посрал, длинные распирающие потоки, молофья, говно, склизкие жидкости, и в конце жидкая кровь, обильная, легкая, она продолжала литься, когда я снова лег, хрен с ними, с простынями, надо было ему осторожнее целку ломать)

под столом большое судно, эмалированное ведро с крышкой, туда ссут, выливают грязную воду, выбрасывают бумажные носовые платки,

которыми вытирают дерьмо и вазелин на головке, в заднице

на полу красный бугорчатый линолеум, растрескавшийся до белесой основы, похожий на лопнувший инжир, кровоточащий анус с застывшей спермой

всю заднюю стену занимает стенной шкаф, очень высокий, натертый воском, с грудами ненужного белья, огромных простынь, салфеток и полотенец аккуратно разложенная воскресная одежда, пакеты, коробки

здесь у меня сводило желудок унылая куча кровать стол этажерки шкаф и негде развернуться совсем уж невыносимый смрад я выскочу сбегу по лестнице вдохну уличный воздух ароматы отбросов и бензина освежат мне легкие но мне нужны были деньги

бутановый обогреватель возле кровати

все чересчур большое и слишком мало места, фамильная мебель из просторного и уродливого буржуазного дома, например, ходики и белье специально куплена только кровать, переходящая от одного жильца к другому, крошечная, с затхлыми одеялами, тощим волосяным матрасом из синего полотна

повсюду набивные, пестрые хлопчатобумажные ткани украшают комнату, этажерки, серванты, окошко, над мойкой даже ламбрекен тоскливое кокетство напрасно пытается придать черты экзотического уюта прогорклому, ветхому, нежилому помещению – временному пристанищу эмигрантов

я пошел за ним я больше не хочу ничего делать не знаю как уйти жду он трогает меня за плечи застенчиво дрожит одаривает слюнявой умильной улыбкой

я боюсь что он не заплатит, я никогда не сплю с подобными типами, но в такое время клиенты большая роскошь

я спускался в метро на бульваре рядом с церковью и возвращался к себе, заваривал чай, его кофе стоял комом в горле мать еще спала или пока не вернулась, она редко не ночует дома чересчур ленивая

я сопру у него бумажник если что эта комната ну и вонища

он без пиджака, прижимает к себе, обнимает и целует, я не решаюсь его оттолкнуть, не разжимаю губ, вблизи он выглядит старше и уродливее

я никак не мог успокоиться, бродил из комнаты в комнату, с чашкой в руке, рассматривал себя в зеркале, удивленно (оказывается, когда тебе ломают целку, что-то происходит и с головой – главное, у меня заново перекроенная прямая кишка, расквашенный анус, точнее, пизда роженицы), но мне это уже нравилось, тяжелая самка, до краев наполненная спермой, я волочилась, падала в кресло (потом ты не сможешь сидеть, это оказалось почти правдой, во мне остался глубокий отпечаток, он давал о себе знать, когда я садился, под весом ягодиц ссадины в заднице растягивались и боль напоминала о форме и величине члена, который меня изувечил)

я сразу отодвигаю лицо, говорю Хватит я не целуюсь, какая гнусная рожа он расплачивается, я же сказал ему сотня минимум

мышцы узловатые от судорог я рассматривал свою комнату девственника, внезапно обвет-

шавшую, слишком простую детскую комнату, всего за одну ночь она перестала быть моей, целый мир, состоявший из игр, ожидания, подчинения, легкости, стал вдруг фальшивым, я смотрел на все, словно двадцать лет спустя снова увидел свою первую кровать, первые игрушки, не в силах узнать, представить, вычленить из себя того, кто всем этим когда-то пользовался

наверное он понял что его объятия меня не вдохновляли, с такой-то рожей, он больше не трогал меня и разделся, как я и ожидал, такое же тело, как у них у всех

грязная салфетка на столе он мог бы замести следы ебли если думает что я вытираю себе хер от микробов после того как пересплю с ним

(и все-таки я был рад отдохнуть в этой красивой светлой комнате, а не в той зловонной халупе, где меня трахнули в жопу, все равно я бы никогда не пригласил этого типа сюда, он недостаточно представительный, если не считать отрезка от шеи до лодыжек, в чем мать родила)

жалкий конченный я бы удивился если бы такой босяк отстегнул мне бабок за сущую ерунду, но если он не даст я ему тогда устрою

(беспорядок царит здесь только на секретере, который я превратил в трельяж, выставив напоказ свою косметику, румяна, тональный крем, косметическое молочко, мази, духи, ватные шарики, пилочки, пудры, помады, лаки, средства для снятия, у меня их больше, чем у мамаши, и лучшего качества)

ничтожество клерк бобыль, глупый, порядочный, трусливый, раскладывает свою одежку с маниакальной аккуратностью в дощатом гардеробе, я жду, он бесит меня

(на этом гардеробе стояла дорожная корзина с красными пластиковыми розами и зеленым пластиковым аспарагусом, а к ручке (украшенной сиреневой лентой, завязанной бантом) прикреплена черно-белая сувенирная открытка с дамским бюстом в каком-то непонятном народном костюме, и впрямь красиво, мне нравилось)

но теперь-то он был в чем мать родила со своей весьма характерной задницей узкой пухлой лоснящейся и цилиндрическим туловищем впадины и резко очерченные выступы плеч у гениталий и как раз там его жезл меня

грудь живот плечи талия бедро рука ноги ляжки хуй потом я обнимал его чтобы вернуться внутрь толстые губы с усами узкое глупое лицо очко такое же волосатое и отзывчивое как и любое другое достаточно просто забыть что это лицо мы падали на кровать

он закуривает сигарету, говорит У тебя хог'ооший заад я пожимаю плечами мне плевать на этих педрил что они себе думают о моей анатомии, нравится им или нет, тариф все равно одинаковый

удары кулаком головой бедрами сплетенья тумаки борьба не на жизнь а на смерть где угодно плоть до которой можно дотянуться зубами и руками мой хер хочет дотронуться до всего что я вижу

он говорит Поспиим паг'у часиков, обнявшись, ладно, мой дог'огой

среди ночи пока он спал я злобно наблюдал за ним при красном свете ночника

(он храпел лежа на боку рука под головой блестящая кожа сомкнутые маслянистые веки посветлее везде шишковатые мышцы)

потом я вставал шел в глубь комнаты к шкафу его дверцы казались в темноте ореховыми панелями у меня снова вставал оттого что я стоял голый возле спящего

он напирает, не входит, пробует еще пару раз, берет тюбик с вазелином, намазывает конец, головка цвета белесой морской волны, он запускает туда пальцы ногти воронкой его член входит как по маслу горячий вазелин колючие волоски засунув наполовину он переворачивает меня на спину колени к плечам я остаюсь лежать вверх ногами будто уморенная черепаха жду пока он кончит больше не отбрыкиваюсь

он засыпал больше не начинал снова

он храпел я вылезал из постели между ягодицами болел рубец я ощупывал зияющее гладкое болезненное отверстие я мог вставить туда два пальца на ощупь как длинная рана с волнистыми краями (я впервые трогал себя внутри, никогда бы не подумал, что вокруг растут волосы) меня трахнули насадили на черную твердую безжалостную рогатину проложившую туннель

отрезвленный, пораженный тем, что нахожусь здесь, я усаживался по ту сторону большого стола, зябко поеживаясь от темноты и сонливости, плетеный стул рисовал решетку на ляжках

глаза машинально осматривали комнату, я больше не узнавал себя, не мог вернуться в собственное тело, из-за этого туннеля, пробуренного плотью другого я слушал, как он дышал во сне, и грустил в одиночестве

(я говорю что у него красивое тело но ему пофиг что такой страшненький тип как я делает ему комплимент возможно даже раздражает я объясняю

что обычно не пристаю к таким молодым парням как он к малолеткам можно нарваться на крупные неприятности боязно)

исступленные телодвижения с закрытыми глазами я хватал пожирал мял кромсал его твердые гладкие мышцы которые не мог заглотнуть целиком мы натыкаемся друг на друга бьемся друг о друга хватаемся друг за друга проникаем друг в друга

я одеваюсь и говорю Я сваливаю, ты будешь платить? что бабок нет ты издеваешься надо мной гребаный черномазый ты раскошелишься или я тебе врежу я же предупреждал сто франков поторопись вас всех надо вытурить на хрен гребаных черножопых отправить обратно в ваши черножопые страны давай бабки или ты думаешь я тут ебался с тобой за твою черномазую рожу за твои красивые негритянские глазки пошевеливайся а то расквашу твой черномазый паяльник

три тысячи у меня больше нет жаль что ты шпана ты такой молодой что можно влюбиться

(я знаю все они сентиментальные эти негритянки это всем известно только мне-то какое дело у меня на них не стоит)

ладно, три штуки и еще дашь мне вот эту рубашку, синюю, кружевную, это мой размер

(позабытые запахи его черного тела: лобок, подмышки, темный и жесткий, короткостриженный мох – кожа пахла целлулоидом, куклой, которую я, наверное, когда-то нюхал, шоколадный негритенок с толстыми красными губами и голубыми глазами

я держал круглый словно стеганый череп пока его губы ощупывали мой хуй его тело было повсюду такое бархатистое глянцевитое он говорит Погоди сейчас я тебя как проткну)

он рассказывал что дружил с одним немолодым человеком, очень хорошим, с большим жалованьем, тот часто водил его ужинать, не стыдился появляться с усатым негром и приводил обратно к себе, его траходром был оборудован зеркалами сверху и со всех сторон, этому человеку очень нравились антильцы, он считал их серьезными вежливыми порядочными старорежимными нежными шелковистыми и хорошо сложенными

он просыпался часов в пять, чувствовал, что я прижимаюсь к его ягодицам, чтобы согреться мы совокуплялись, я влезал на него сверху и ластился, его пот увлажнял общую кожу наших животов утопая в этом бульоне до самого пупка мы встряхивались и спускали все становилось более липким клейким мы отлипали друг от друга он тянулся за салфеткой

с еще влажной, кровоточащей задницей, честно заработанными деньгами в кармане штанов, сложенной синей рубашкой под мышкой, я снова выходил на бульвар, почти сразу ко мне

подруливал какой-нибудь тип, в такое время они шляются по улице и всегда начеку, если кого-то встречают, тут же начинают кадрить

(в начале вечера он наверное зашел в кафе на углу со своим первым клиентом лысым и опрятным дедулей что угостил его стаканчиком за стойкой

он узнал меня, отвернулся и продолжил пить, старик что-то шепчет, но я не могу расслышать, думаю о свидании в следующий понедельник, гостинице, куда мы пойдем, желтом свете в коридоре, плотных салфетках, которые хозяйка нам даст, когда я буду рассчитываться, доплачивая один франк за маленький кусок мыла, зеркало в шкафу мы будем смотреться туда вдвоем)

тот тип что уставился на меня я не мог взять в толк кто он такой а потом вспомнил я с ним раз перепихнулся только бы он нам не помешал старик будет расспрашивать они боятся чтобы клиенты их не кинули если видят что нас несколько не уверен что пойду в понедельник странная мысль спать с типом ради удовольствия мне-то самому это абсолютно не нравится только ради денег его удивляет если я выбираю самых страхолюдин но чем они страшнее тем больше платят и меньше требований, как этот дедок он не будет меня утомлять сверх меры

(старик нашептывал ему на ушко Хорошо хорошо а скажите что вы умеете делать в постели? ах как жаль я-то ожидал что молодой человек наконец-то захочет играть гм активную роль ммм а молодой человек позволяет себя целовать ну ладно пусть не в губы ах какие у него красивые губы весьма сожалею а в других местах мож-

но? а молодой человек делает что-нибудь ртом? нет? а соглашается, чтобы это делали ему? тоже не хочет? правда? а он мог бы рукой? а пальцами ног? а внутренней стороной предплечья? а ноздрями? а волосами? вы ничего не отвечаете? молодой человек слишком жесток отдает ли он себе отчет можно мне хотя бы погладить? нет? неужели он откажется даже раздеться? ах как он надрывает мне сердце! как он меня огорчает! что ж, какую сумму желает молодой человек и знает ли он какую-нибудь гостиницу если он все же позволит мне остаться с ним ненадолго наедине, ибо мне хотелось бы взглянуть на него?)

к чему вытирать сперму это же не грязь я испачкал себе весь живот, размазал ее, чтобы она быстрее высохла, и снова заснул рядом с антильцем

он спрашивал Хочешь кофе? я садился посреди кровати раздвигал ляжки чесал яйца зевал говорил Да, очень он стоял голый с кастрюлей в руке черная статуя в черном черные мышцы я подхватывал сигарету со стола глубоко затягивался и шумно выдыхал дым две чашки обжигающей жидкости, чернее его конца, и с таким сильным ароматом, что он даже перебивал вонь он говорил о покупках, ему велели больше не пользоваться вазелином, он жирный, густой и пачкается, пропитывается дерьмом, в продаже есть мази получше, названия записаны у него на клочке бумаги, но он не решался зайти в аптеку и купить, медицинские кремы для осмотра влагалища, прямой кишки, гели для смягчения кожи рук, подтяжки щек, защиты от солнца

выходя из кафе я ему все-таки подмигнул

(и его улыбочка означавшая Извини что подмигиваю это неприлично знаю но я не могу поздороваться с тобой иначе, когда рядом с тобой этот старик)

тип испугался моей гостиницы она показалась ему подозрительной я божился что это не так он выбрал на другой улице туристическую настоящую где подавали завтрак в номера он снял меня на всю ночь предложил приличную сумму

пытался меня выебать но не сумел спал прижимаясь к моим ягодицам норовил проникнуть внутрь искал пальцем как только у него слегка вставал извел всю слюну силясь залезть мне в задницу к счастью утром воспользовался маслом с бутербродов

антилец сидел рядом и я клал голову ему на ляжки, они были прекрасны

вазочка со слишком холодным желтым маслом которое он размешивает размягчает и засовывает мне в очко потом палец наконец хер возможно сперма и салфетка мы одеваемся и уходим я не выспался он опять говорит со мной

он пил кофе его член просыпался под моей головой и мы ставили чашки снова ластились друг к другу он не давал себя трахнуть у меня там слишком уж сильно болело не отважишься Вчера вечером ты поцарапал меня своими ногтями зачем ты так впивался не знаю теперь когда заживет

пойми ты же был целкой мой милый как я по-твоему должен был это сделать мне так хотелось обладать твоим кг'асивым телом

(мне больно идет кровь все вокруг красное как внутри живота мне больно его свежая пропитанная

солнцем кожа а внутри гнусная харя мерзкая черномазая харя мне плевать на его тело я хочу получить свои деньги сволочь я сру кишками ссу кровью розовой оранжевой красной яркой она стекает между ляжками он обошелся со мной как с мандой отдай мне деньги но если я говорил об этом ты знаешь неужели я такой страшила что откопал себе этого черножопого тяжесть в желудке кофе ночной горшок бурая застоявшаяся моча мне очень больно хочется спать хочется спиртного хочется выпить меня больше нет я весь в крови его мышцы выступали и перекатывались под черной кожей словно сдерживаемая яростная кровь вымывала там бурлящие овраги уступы ущелья)

я работаю в похоронном бюро если хочешь знать не смейся я хорошо зарабатываю на жизнь не бывает дурацких профессий бывают лишь люди-дураки несмотря на свой возраст я могу побаловать себя такими мальцами как ты вы же палец о палец не ударите если не считать легкой суходрочки от которой у вас сердце заходится но это правда что ты больше любишь девиц? у тебя есть невеста зачем ты сказал ты меня расстроил теперь буду грустить вспоминая тебя гадать что если и потом как жаль я же все равно отдам тебе твои сто франков и еще сотни в придачу как и обещал раз уж ты отдался а еще мы пойдем на бульвар я куплю тебе чего-нибудь все что тебе понравится хочешь башмаки рубашки куртку свитер расскажи красивые трусы будут подчеркивать твой красивый хуй и задницу мне пришлось бы одевать жену и детей будь я женат и игрушки малышам пошли я могу это подарить тебе все это для тебя для таких как ты но зря ты занимаешься этим ремеслом если хочешь настоящую работу

я устрою тебя в похоронное бюро будем вместе носить гробы и венки о прекрасное дитя ты будешь жить у меня мы будем приглашать на ужин друзей нам всегда будет весело будем ходить в одинаковых костюмах торжественно шагать вслед за катафалками он спрашивал А что такое гатафалки? о невинность как я тебя обожаю Мне нужно идти говорил я уже полдень я должен приготовить чесночный соус и сварить картошку у каждого свои радости я например люблю жратву от счастья становлюсь прожорливым а ты чего хочешь тогда слушай у меня завтра утром служба я тебя приглашаю вот увидишь это намного красивее бракосочетания пахнет хвоей играет музыка и море цветов дамы держатся с огромным достоинством ничего общего с этими похотливыми шлюхами на свадьбах и кюре произносит волнующие печальные слова потом мы плачем мы ведь сентиментальны да потому что я люблю тебя ты такой белокурый представь себе

женщина мне нравится делать это с женщиной точнее с девушкой миловидной девушкой которая не трахает в жопу и не бреется я рассказываю им эту историю моя невеста на моем мотике мой малыш но это было гораздо раньше и потом на самом деле это неправда моя женщина но не блядь ну разумеется нет пойми же те что спят с неграми бедняжки как подумаю сколько они платят и потом шлюха на хрена ей сдалась мужская рубашка ну если она конечно не лесбиянка но это не возбуждает мне больше нравятся мальчики а не девочки

(мой первый самый первый он мог быть негром сколько мне могло быть лет четырнадцать это невозможно нам всем

было по столько мне всем ровно столько я в это не верю

и этот негр неизбежно превратил бы меня в пидовку своими цветастыми шторами лекарствами душистыми кремами кастрюлей в руке сушившимся бельем)

в пидовку это началось в то самое утро перед тем как я спустился в метро пьяный от любви или точнее от усталости но при этом и более стеснительный я зашел купить помаду для губ чтобы накрасить анус к мадам Айше куда ходила мамаша

кроме косметики в комнате нет ничего моего ни книг ни фотографий даже воскресной одежды мы слишком часто переезжаем, все зависит от мамашиных друзей и того, сколько у них капусты, бывает что каждый месяц, тут мы поселились недавно но мне уже осточертело я больше не открываю свои чемоданы храню все внутри кроме макияжа тонкого нижнего белья но я все-таки куплю еще усы подружки будут смеяться когда я выряжусь в стиле 1900-го года белые брюки куртка в полоску бамбуковая тросточка канотье прикинусь щеголем этаким хлыщом

он надевал совсем простые белые нейлоновые трусики и оранжевую креповую рубашку с бирюзовыми брюками и другими милыми яркими вещицами всячески пытаясь угодить я был очень требователен к нарядам у меня был весьма изысканный вкус

я дохожу до того бара на Елисейских где он работает я советовал ему меньше пить иначе он будет плохо ебаться и растолстеет впрочем он не официант а кассир сидит на высоком табурете за баром рядом с барменом под рядами бутылок слева от стойки в красном свете потому что все бары декорированы красным это выгодно оттеняет кожу возбуждает создает интимную атмосферу так они считают и это очень насыщенный цвет

серьезное заведение тут есть последние пластинки легаши почти никогда не заходят и можно встретить важных господ они кладут бумажник на стол чтобы незаметно полапать вас когда я говорю вас я имею в виду себя

(да обожаю это рафинированное местечко клиентура не пошлая трудно даже представить но это так и у всех мальчиков такой элегантный вид я люблю все элегантное рафинированное элегантная рафинированность

вот где я чувствую себя комфортно когда работаешь в парикмахерской приобретаешь элегантно-рафинированные манеры уже не забредешь куда попало)

большая порция белого рома с сиропом из тростникового сахара лимонный сок и мороженое я выпивал несколько рюмок один мечтал о неграх и маленькая грязная гостиница на улочке пересекающей бульвар рядом с Ромовым заводом

он без конца менял гостиницы я спрашивал себя когда ж он остановится все-таки он неплохо устроился две подушки на большой кровати кран над умывальником и даже зеркало

зеркала

я часто покупаю их вешаю рядом точно картины и прохожу мимо

помещение клуба они восхитительно меблировали колесами от телег и отменными табуретами стены красные

потом он вставал с табурета чтобы поцеловать меня за ухом и я говорил ему

привет в тот вечер моя задница млела от него так нежно

пойдем для начала в кино? мы шли туда и это неспроста нам нужны были темные фильмы погружающие зал в темноту очень грустная история совсем беспросветная и мы развлекались с самого начала руками иначе бы расплакались ах он любезно трогал мой кончик у меня-то самого не за что было взяться приходилось раздвигать пальцы до размеров рта чтобы удержать его орудие но я боялся работать ртом ждал пока вернемся домой

нужно было сначала поужинать официант говорил Добрый вечер дамы и господа столик на двоих? ах простите господа

дамы это относилось ко мне из-за длинных волос и пестрого наряда ты уверен что тебе приятно слушать мои рассказы о любовных похождениях твоя комната не такая как у него но что касается члена вы стоите друг друга так я тебя не раздражаю честно мне это нравилось ты понимаешь ооо

да он утешал меня я ведь был такой мерзкой девчонкой спал за гроши с кем ни попадя а он тем временем серьезно трудился но я не тот за кого ты меня принимаешь я зарабатывала себе на карманные расходы я не развратная но если ко мне подваливают я не могу отказать потом прошу денег из чувства собственного достоинства ведь этого в любом случае не избежать не сердись на меня клянусь они почти ничего со мной не делают и потом у меня растянутое очко одним больше одним меньше в самом деле ты же все равно не ревнивый это было бы глупо вот он был ревнивый и потом подумаешь хуй это просто хуй один раз живем я уже не девочка черт возьми

четыре–пять рюмок потом приходило в голову написать ему вычурное письмо он вернется я снова думал о нас мы были такими забавными я не стану давить на чувства буду говорить только о своем хуе наобещаю золотые горы Я выебу тебя по самые помидоры как в старые добрые времена мой милый я порву ее в клочья Уверен никто ее так тебе не надраивал Мой толстый болт встает на тебя отзовись он тебя ждет я пил нужно было согреться мне нравится ледяной ром Мои толстые яйца берегут всю свою сперму специально для тебя хотя иногда я больше не в силах сдержи-

ваться когда слишком много думаю о тебе брызжу в потолок целыми литрами мой милый

я тоже

не могу сдерживаться стоит пройти мимо общественного туалета и запах креозота мочи и типы которые там поджидают в брюках с хуями внутри или те что выходят и застегиваются пряча красивую шишку огромной залупы у меня аж мурашки бегут по складкам

написав письмо я искал конверт их больше не осталось и не хватало смелости спуститься к торговцу воздушными шариками сачками спасательными кругами почтовыми открытками табаком чтобы купить я рылся в вещах отчима синие двойные воровал их он хотел отвезти нас на отдых как настоящий папаша мечтал жениться на моей матери вот придурок Угадай куда мы поедем сказала она как-то вечером Мы поедем с твоим отцом на море Мой отец! не смеши меня говорил я

захожу в сортир и трогаю хуи час или два иначе было бы слишком грустно с тех пор как он ушел от меня я не знаю какому херу отдаться все не такие как у него мы так досконально изучили друг друга что даже породнились сколько лет мне было в начале? мой первый понимаешь после него что так что эдак все едино я больше не отличаю хуи один от другого ты поймешь когда видишь по двадцать штук в день щупаешь по пятнадцать сосешь по десять и засовываешь по три штуки в задницу уже ничего не помнишь кроме настоящих тех что были у кого-то ведь ты знаешь что они были ты похож на него но слишком быстро вставляешь и мне больно потом ты снова становишься ми-

лым все идет как по маслу да когда я говорю Хорошо это значит хорошо я не вру даже в такие минуты у меня всегда голова на плечах да я бы никогда и не соврала сидя верхом на хуе который меня ебет это святое

приехав на море я писал ему рассказывал о своих ощущениях когда ты вдали от педиков, пустота, грусть, я знаю всего две–три улицы в Париже, где был счастлив, оставаясь самим собой, а во всех остальных местах хандра желание сдохнуть да сдохнуть я уже был согласен на любого мужчинку даже на собственного отчима я грезил о нем когда они пихались с мамашей осторожно залезаю под них, моя задница торчит между широко расставленными ногами матери ведь они у нее толстые и пизда в самом низу отчим мог бы перепутать бороздки и вставить в мою он бы вряд ли заметил

милая сегодня ты совсем сухая лунный свет и пальмы а не эти кошмарные сосны на пляже пустяки мрачно добавил бы он

больно головке схожу за маслом но я сжал бы сильнее чтобы он не вынул и ничего не понял, мамаша бы заорала

что значит совсем сухая ты вставь для начала блядун старый а уж потом языком болтай

ну так на чем я остановился он догадается но возможно все же останется внутри (только я долго не выдержу под мамашей задохнусь понадобится маска и трубка как для подводного плавания) в одиночестве я всегда вспоминал своего первого как он бросал первую палку терпеливую долгую твердую с широкими взмахами в конце надевал гондон потому что боялся подхватить заразу и порой даже не от-

сасывал я обижался но он отвечал Еще неизвестно кого ты там лапаешь по сортирам я ж тебя знаю ты всегда засовываешь палец себе в жопу чтобы потом подрочить но в начале ему было насрать он любил меня по-настоящему какой он был смешной мой первый со своими резиновыми чехольчиками забавными колпачками у него вставал в этой герметичной упаковке и торчал спереди будто он прицепил железную косу потому-то я и писал ему Возлюбленный

виски стоило слишком дорого я пил только ром литрами, берег пузырь коньяку чтобы обезболивать малыша просто кошмар с этим слабым анусом кровоточащим по поводу и без повода хотя в основном конечно по поводу

какой кошмар эти уличные типы подмигивают вам у них одно на уме заткнуть его вашим

(но мальчик скажем лет девяти думаешь его можно было бы оприходовать? у меня ведь есть чего присунуть

не заливай или ты уже перепихнулся?)

нерешительность во взгляде когда он пересекается с моим, помрачение света в зрачке мы сразу узнаем друг друга, это внимание, этот интерес не появляется в глазах других

нельзя терять времени как только я понимаю что встретил одного из них шмыгаю в первый же туалет на бульваре

(пихался я не так уж много малые преувеличивают последний был что надо, уже двенадцать но еще очень миленький да как-то вечером в Венсеннском лесу в машине я его почти напялил клянусь он не за-

ставил себя долго упрашивать сидел сверху и сам себя дрочил что есть мочи у них очень упругая задница ограничения доступа только в глубину

но в девять лет я бы их не трахал если хочешь знать мое мнение я считаю это аморальным и в любом случае такие юные профи если и бывают то надежно скрываются а не сваливаются как манна небесная тут нужны связи деньги поездки)

я занимал место посередке расстегивал ширинку и ждал пока он подойдет, если поймет, если захочет часто никто не появлялся, я выходил или договаривался с первым забежавшим типом либо удовлетворял себя сам если было невтерпеж

(твой паренек не был североафриканцем нет я видел их на берегах Сены они гуляли симпатичные грязные в джинсах десять–тринадцать лет казалось они только этого и ждут но ты их сначала подмываешь?)

неразумно приводить их к себе, лучше снимай мещанских сынков они порочнее чище меньше риска нарваться на неприятности и будь на стреме на набережных их прочесывают полицейские патрули да еще прожекторы речных трамвайчиков мгновенно заливают ярким светом не знаешь куда деваться

так ты считаешь он войдет я тебе покажу ты говоришь если)

на море оставалось только обследовать задворки бары для натуралов дансинги набережные порт смотреть по сторонам увязываться за стайками подростков на случай если кто-нибудь из них лучше всего было в открытом кинотеатре в кем-

пинг-мотеле, когда они выходили поссать под дерево или подрочить во время эпизода с девицей в кинемафродизийной наготе

у них было единственное желание чтобы им заткнули одно место или еще хуже влюбиться лизать слюнявить мякать затащить кого-нибудь в кино и гладить по руке

(он не расстегивал ширинку я дрочил сквозь карман это трудно на некоторых сиденьях мешает подлокотник а перед нами прямоугольник менявшихся размеров на белом фоне)

или в метро, тот же прямоугольник слева и справа служит зеркалом окном в темный туннель

я вставал шел за ними смотрел на мочу на дрочку не решаясь приблизиться

шумящие отвесные стены сосновый бор вокруг небо вверху звезды на экране все двигалось

(черные старомодные силуэты люди много смеются, такая грустная устаревшая история

можно дергать рукой сильнее, шумно трясти за ширинку, соседи не обращают внимания, слишком громко смеются, вглядываются в экран, снова и снова отыскивая в этом нагромождении старых черно-белых образов, над чем можно посмеяться)

надежно спрятавшись за передним и задним сиденьями, незачем, вагон был пустой
я смотрел на блестящее черное стекло, где появлялся его профиль, серьезный, сосредоточенный (за вычетом улыбки странной зыбкой ироничной лихорадочной из-за щекотки в штанах моих неж-

ностей) потом станция за станцией вагон постепенно заполнялся приходилось убирать руку и я с еще большей страстью смотрел на стекло, на отражение его лица (будто негатив фотопортрета с его изображением – неизменный, далекий, на таком расстоянии, что он снова становился незнакомым, желанным – однако ограниченный профилем выходившим за пределы моего или точнее овала моего лица обращенного к стеклу черты погруженные в темноту со световым контуром по краям)

мы часто спускались по два–три раза в метро добираясь от места нашей встречи туда где мы совокуплялись мне нравилось продлевать маршрут между этими двумя пунктами, двигаться окольными путями, подольше наслаждаться вкусными губами и пальцами, вдвоем или смешавшись с толпой без ее ведома (с каким страхом и надеждой нас потом замечали – напряжение, оргазм вора перед витриной)

я не вожу их к себе, все делаю на месте, сортиры, сральники на вокзалах или в кафе, кусты, подворотни, подвалы, а еще под мостами, поздно ночью (больше не надо бояться света, любовников или полиции, иной мир снова вступает в свои права – или изредка заблудившийся вуайерист с искусственным глазом, крошечный и юркий, слегка размазанный, туманный, колышущийся силуэт, похожий на отражение в Сене, свешивается с моста в нашу сторону, представляет два наших члена, торчащие из брюк, прижатые друг к дружке, а мой плащ укутывает нас двоих и наши рты наши губы блестящие точно фонари в этом полумраке жадно пожирают друг друга) осенью было приятнее, прохладно ровно настолько, чтобы придать ценности нашему

соединению, объятиям, обмену теплом сверху донизу по всему телу, этой близости как раз хватало, чтобы не замерзнуть

да и моча бомжей и собак, вдоль берегов и на камнях, не так сильно воняет

встречаясь пораньше чтобы прокатиться на метро в час пик, сдавленные со всех сторон толпой, опустив руки по швам и почти прижимаясь губами, мы украдкой лапаем друг друга

(образы из фильмов в памяти без конца всплывала похоронная процессия, большие колеса с железными обручами подпрыгивали на ухабах, разболтанная музыка вторила их движению, повозку тащил двугорбый или одногорбый верблюд, невозмутимый и полный достоинства, невзирая на скорость, с какой он перебирал ногами, и верхом на нем сидели четверо или пятеро ребятишек)

(в Ботаническом для посадки на двугорбых и одногорбых служит металлическая винтовая лестница под навесом с остроконечной шапкой, детишки взбираются по ступеням наверное цепляясь друг за дружку одеждой и начинают плакать сидя на огромном смрадном животном таком высоченном и качающемся над бездонной пустотой по обе стороны раздутых убегающих вниз боков невдалеке торгуют леденцами, бутылками лимонада, лакрицей и бисквитным печеньем в хижине из сырой древесины, увешанной игрушечными пластмассовыми парками для шлепающих по грязи, бегающих, отдувающихся ребятишек – желтые, синие совочки и ведерка, воздушные шарики, погремушки, четырехлопастные ковшеобразные винты, установленные на деревян-

ной рейке, головокружительно быстро вращаются на ветру или если подуть сверху, и в липовой аллее карапузы держат как дурачки эти рейки больше не вспоминают о них но цепляются за них от волнения на верблюжьем горбу когда шелушащийся зад раздувается от подступающего навоза гнилые зубы мухи на глазах маленькие разноцветные винты)

(иногда плохонький кинотеатр, глу-

бокие сиденья, чересчур выдвинутые, слишком большие подлокотники, шпионящие соседи, ясный и скучный фильм никого не увлекает, испускает слишком много света, утомленные этими трудностями мы вскоре отказываемся от своих удовольствий, наши руки расслабляются, члены обмякают и выделяют лишь пару капелек склизкой и разреженной жидкости, которую мы оставляем на пальцах и задумчиво слизываем, глядя на шатающееся изображение)

я быстро застегиваю брюки, подумываю выйти вслед за ним из кино, собираюсь получше рассмотреть его лицо, в отвращении решаю сбежать на бульвар Сен-Жермен или в его окрестности

(когда наступает ночь, все места обретают приятный для меня вид, к тому же появляется шанс откопать какого-нибудь хрена с милым личиком, который поможет мне уснуть)

по пути я представляю с какой радостью он бы приехал сюда (в этот открытый кинотеатр или в Париж) с тем, кто мне понравится и кому я буду нежно, дурашливо лапать промежность, будто в пятнадцать лет

(с той нежностью что вызывают хорошо знакомые, излюбленные ласки или неожиданная ласка сквозь ткань, покрывающую горячие органы, которые тайно дремлют, точь-в-точь как, наверное, падает без сил театральный актер в перерыве между актами, заставляет их делать открытия и представать невинными, двусмысленно телесными во сне, лишенными всякого влечения друг к другу или к вам – тогда как мы испытывали оргазм только голые, с эрекцией, агрессивные, неизменно откликаясь на ваше присутствие, и одновременно в темноте кровати, запутавшиеся в противоречивых ощущениях от тайных, крепких объятий – и не такие, как здесь, невидимые и у всех на виду)

после того, как они слезут с верблюда, пройдет страх и внезапно раздастся смех (тычки, возгласы, дети таскают друг друга за волосы, зашнуровывают ботинки, поправляют штанишки), можно заманить их к загону дикого осла, каменного барана и показать новую игрушку, огромную волосатую мошонку, тяжелую, точно вымя, между ляжками первого, или похожий на сосиску, длинный, черный и упругий хобот второго, что свисает из своих ножен и либо вытягивается еще больше, либо втягивается внутрь при ходьбе и остановках бесстрашного животного – всего-навсего осел – которое ищет языком вашу ладонь и смотрит на вас добрыми и доверчивыми глазами с длинными черными ресницами: протянуть руку сквозь решетку к его животу, объяснить малышам, как добиться того, чтобы этот член раздулся, затвердел и испустил белесые струи (и, отведя паренька в сторону, показать, что с моим нужно обращаться так же, чтобы добиться того же эффекта)

отвести их к павильону палеонтологии, где на первом этаже, в пыльной укромной витрине, красуются высушенные перепончатые человеческие отростки, отрезанные, возможно, у мумий (ладони, ступни, фаллосы, последние надутые, словно заспиртованные гусеницы, не толстые, а простые, прямые, бурые, как у арабов, негнущиеся и легкие)

(как жаль что нельзя трахнуть ребятишек в их задние мордашки так сильно этого хочется взрослые меня не привлекают но ты уверен что

он никогда еще так плохо собой не владел, его кровь не циркулировала так быстро, как перед этим пареньком – лучше худые, несовершеннолетние или почти что несовершеннолетние

пушок внизу гладкого живота редкие слишком тонкие нереальные вихры)

я испугался когда это увидел быстро вернулся к себе осушил бутылку виски бутылку рома бутылку водки бутылку ракии бутылку джина и бутылку

(на улице его пугает любая мелочь скверы автобусы и у лицеев он сдерживается рискует всматриваясь в их глаза (живые, забавные, они игнорируют любой взгляд, любое лицо не их возраста) ему хотелось бы заманить их как старших но он только вспугнет их и они убегут)

(эти их головки понимаешь я люблю их так же как старуха любит птиц

но в группе они кричат ругаются дерутся чувствуют в себе достаточно сил чтобы провоцировать старших окликать их смеяться над ними

наверное они это чувствуют, им противно, они выдадут меня посадят отнимут себя у меня)

(ему было плохо особенно когда он видел одинокого ребенка, без свидетелей (некоторые улицы в предместьях, укромные места за городом) и вот он рядом с мальчиком уже представляет как говорит с ним трогает его проходит несколько километров вдоль заводских стен, рек, где ловят рыбу или купаются, сумеречных скверов у школьных ворот, или заходит и подстерегает в церковных, вокзальных туалетах, рыщет вблизи клубов, игорных залов, библиотек, а нередко даже исповедален, растворяющих двери тут и там, неожиданно, по чистой случайности, на тихих улицах, старых площадях, где дети кажутся предоставленными самим себе, доступными, без какого-либо присмотра, не считая их собственного, а значит, неприкосновенные как никогда остаются еще ночные закоулки и надежда обнаружить там и подобрать одинокого, брошенного ребенка, беглеца, что укрывается, дожидаясь помощи, полученной любой ценой, согласный на что угодно, одна беда в обмен на другую)

ты же знаешь я был пидовкой обожал ебливые хуи ты видел мое очко но теперь их красивая кожа красивые глазки волосы ноги носочки моча и все что я только способен вообразить в их трусах под рубашкой мощное кровообращение эмоции под их ребрами и сонные животы

сначала выпить, а затем поразмыслить, дождаться полуночи, посмотреть в окно, на тротуаре как раз напротив моего дома сортир, один из самых посещаемых в Париже (я не захожу туда днем, когда может за-

бежать поссать любой прохожий (особенно дети и старики), а запасаюсь терпением, появляются фланеры иного рода, число педиков растет, приближается ночь, я могу выйти из дома)

ах да ты же пидовка моя старушка вали отсюда пока не натворила глупостей я ведь вижу у тебя ничего не получится моя бедная девочка если не загремишь в тюрягу месяца через три значит правосудие больше не работает трогать детей запрещено чужих детей это частная собственность во всяком случае они не для тебя у них нет пиписек их отрезают в юном возрасте и год за годом подрезают то что отрастает они не поймут твоих желаний говорю же тебе они кастраты в трусах и в голове это ангелы с целомудренными попками для нас это педастрофа если я тебе нравлюсь подумай о ком-нибудь другом или о братишке приятеля ему шестнадцать для тебя уже староват но ты все равно мог бы попробовать он очень маленький и совсем не испорченный

каждую ночь я наблюдал за суетливой возней этих типов хотелось представить и самого себя с ними внизу когда я снимал одного, хоть моя комната и была совсем рядом, я предпочитал трахаться прямо там – если пригласить педика наверх, придется разговаривать, знакомиться, совершать нудные телодвижения, раздеваться, заботиться о напитках, освещении, кровати, разрываться на части между ролями сатира, любовника, домохозяйки, лакея, мусорщика – я вел их по черной лестнице, где больше никто не ходил

(пара рюмок и я был готов к чему угодно, взять самого страшненького, самого облезлого, самого гнойного, стоило только увидеть, как он дрочит, дожидаясь, пока кто-то дотронется, глянуть на его

член, накрытый его же рукой – и этого хватало, я протягивал пальцы, показывал, что у меня есть, целовал, сосал, выводил парня на улицу)

а еще

в подвале, мы еблись стоя, едва расстегнув брюки, выдыхая пар в холодное время года здесь осталось мало подъездов, коридоров, лестниц, где бы мы ни занимались любовью по ночам

(простые пацанские игры, похожие на щекоталки, в которые, возможно, здесь играли дети из этого же дома днем)

ни дети, ни взрослые: единственное, что меня возбуждало, это сортиры, ничто меня так не заводило, стоило увидеть уборную в сотне метров перед собой на бульваре или посреди площади, даже пустую, как у меня сразу вставал я бросался бегом, прятался там, неистово мастурбировал, расплескивал свою сперму по всему Парижу

(а еще неосвещенные вонючие улочки, куда ночью заходят посрать, их стены покрыты надписями, вырезанными ножом, политическими граффити черной или белой краской, непристойными сообщениями или заявлениями цветными мелками – и особенно старые рваные афиши, наполовину отклеившиеся, словно кора из нескольких слоев бумаги, размякшей от дождей, вздувшейся, плесневеющей: как вечно свободный любовник, хранящий потоки спермы, похожей на загустевшие сопли, которую я изверг в их трещины пару дней назад)

я рассказывал ему подлинную историю своей жизни хотелось выплюнуть ее в лицо он должен был знать все переполниться мною и либо отвергнуть

меня либо полюбить навсегда, безгранично, познать до конца понять почему и как он обладает моим телом почему я отдаю его как отдавал всем без разбору никто не забыл оставить свой след сверху донизу но я больше ничего не помню все это происходило с серой и мертвой кожей в которую я облачался чтобы отдаться а потом уходил но вместе с ним на самом деле я всегда здесь и при малейшем его прикосновении делаю шаг

вперед откликаюсь обволакиваю его перевариваю тот кто вошел внутрь меня остается твердым и глуповатым он вставляет глубже пытается сделать мне больно пачкает свой хер я держу его сжимаю вызываю такую же боль какую чувствую сам ору говорю что ты со мной делаешь я выложу ему все он никуда не денется расскажу что со мной делали другие и кто научил меня сосать дрочить желать чтобы он укусил меня за шею за плечи и порвал мне язык и вымазал веки спермой как другие я спрошу что он получал от предыдущих если он не сможет забудет не заменит их одного за другим для меня он останется в прошлом вместе с ними я уйду хочу чтобы он стал для меня всем его пидовка сучка пидараска он будет подчиняться ей до такой степени что больше не сможет без нее обходиться я заставлю его опробовать мои румяна примерить мою женскую одежду он будет копировать мои жесты голос не сознавая этого в конце концов он возбудится когда я покажу ему хуй и развернется чтобы принять его я наконец-то кастрирую его заберу все у него останется накладной член толстый самотык из плоти чтобы дрочить мне задницу как раз тот орган что мне нужен и все тело целиком его подготавливает предвещает увеличивает несет и его телодвижения подтверждают его существование и даже его сон слабость

неуклюжесть глупость ебаря мы возненавидим друг друга но не расстанемся сегодня я могу быть сильной самой сволочной самой поганой и словно пиявка у него на губах мандавошка в его лобковых волосах высосу из него все и стану его хуем

(он даже еще не бреется, всего пара крошечных волосков на пипиське огромный болт и гладкие великолепные яйца величиной с крупный абрикос сам-то я боюсь до них дотрагиваться из-за своего дружка, а не то он рассердится но вот ты попытай счастья, он очень застенчивый и неразговорчивый но только не в койке, кто-то мне говорил, что ты можешь бросить ему сколько угодно палок и он отплатит тем же если ты любитель, у него только один недостаток он не сосет

а это не тот хахалек твоего испанца из Тюильри?

да-да, а что я тебе уже о нем рассказывал?)

я встречал малыша на Лионском вокзале мы ехали на метро на другой конец Парижа возвращались в мою комнату или в другие разы пригородный поезд лес солнце комары жара потом я провожал его на вокзал, перед уходом мы смотрели друг на друга в зеркале над умывальником он ссал после секса и его золотистая моча закручивалась спиралью воронкой устремлялась вниз я прижимался к его заднице прислушивался щупал его хуй чтобы почувствовать как внутри льется струя и зеркало отражало его от лба до пупка и ниже в наклоне кожа у него на животе была очень смуглая (как у трупов, долго пролежавших под слоем торфа, когда их выкопают, обмоют и высушат, они приобретают темный землистый оттенок, слегка минеральный или фекальный) она

была такая нежная и душистая что у меня непрерывно стоял на его округлую узкую жопу и я норовил вставить

(он увертывается ведь я груб и проникаю слишком быстро и резко такое нравится только бешеным остальные стонут протестуют отталкивают и я жалобно дрочу себя прижимаясь к ним)

в том же зеркале я видел на вешалке синий берет, синюю матросскую блузу, синие брюки с клапаном и расстегнутой ширинкой

у кого ты это украл? ты что теперь по морячкам выступаешь?

ничего я не украл а купил в магазине маскарадных костюмов там даже подогнали по объему было широковато в плечах и на заднице я страшно всех возбуждаю когда надеваю его

(но некоторые педики не отваживались к нему подходить они побаиваются униформы, смесь страха и возбуждения)

это придает мне мужественный вид, разве нет? чувствую себя настоящим мужчиной знаешь теперь мне хватает смелости отшивать парней если они мне не нравятся

(я терпеть не мог снимать вместе с ним военных, он разыгрывал из себя конченную пидовку, орал им вслед как бухая шалава я краснел от стыда)

даже тот тип который все время шел за мной как-то вечером к Марсовому полю я ‘му скаал Хошь чтоб я начистил тебе хлебало вонючий пидор?

ха представляешь как я бью по морде ну в общем он ошалел позеленел клянусь у него очко

взыграло но с такой-то рожей не хрен бояться если даже тебе в глаз заедут

(повернув голову налево можно было увидеть в зеркале край смятой постели)

ты хоть понимаешь кем я становлюсь? тогда представь настоящих мужиков которые носят настоящую форму моряки солдаты легаши они ощущают себя суперменами потому-то я иногда снимаю клиентов в самой чаще Венсеннского там на проспекте есть один сортир или опушка я встречал новичков искавших для себя задницу ручаюсь это нетрудно)

(и он хлопал себя по ягодицам окликал их или тискал свои яйца будто говоря Я кой в чем разбираюсь так что пошли)

потому что они считают это более экономичным чем с девицей и к тому же не подхватывают болячки от приятелей

(постель и простыни, украшенные пятнами, длинными, бесформенными, приглушенными на дне складок, и, рядом с подушкой, скомканная салфетка, желтоватый тюбик без крышки)

наверно они бродили группками в своей сальной бежевой униформе, обтягивавшей их толстые высокие низкие ягодицы и коровьи бедра их толстые черные чеботы им было насрать на нас пидовок мы блуждали меж деревьями многозначительно зыркали на них а они плечом к плечу корчили из себя мужское общество (одного из них отведи в сторонку и внимательно изучи там больше ничего

нет, недоделанный мудачок со смрадными яйцами и залупой про сраку вообще молчу и не смотри на их нижнее белье ах дорогая тебя вырвет на него они не умеют трахаться ни в пизду ни в жопу нет и двадцати это идиотизм тут палка о двух концах и уж поверь они накладывают в штаны педики конечно не такие придурки но меня они возбуждают еще меньше чем селяне их отправляют в Париж а они ни разу не видели живого пидора

или даже обычной ванны)

(я умолял его Слушай перестань на минуту кривляться – особенно когда мимо проходил красивый парнишка и не сводил с меня глаз я очень стеснялся своей шибанутой подружки)

он компенсирует расходы на эту форму, пилотку, башмаки, старательно приводит себя в порядок перед зеркалом, поглядывает в окошко, словно пытаясь узнать время и определить по небу не слишком ли поздно теперь он вполне мог бы снять девицу

(потому что молодые люди из деревни меня безумно возбуждают и они всегда хорошо ебутся, такие неопытные эгоистичные грубые что мне это даже нравится, я чувствую себя «крестной», шефствующей над фронтовиком)

(я платил за их выпивку, я был намного моложе, но у них не было денег, я оставлял им свою пачку, а они тырили сигареты без спросу, хотя и не курили, это было на подарок телкам)

вышагивая по проспекту чуть ли не до рассвета, его нервируют вовсе не железы, но он остается голодным до ртов тире вульв и сисек тире задниц и ягодиц тире щек ничего подобного у меня нет в помине все это рас-

хаживает на высоких каблуках это нужно чтобы болтать кукарекать миндальничать

(они получат свою капусту пошутят быстро забудут что трахнули пидорка это слишком тяжелые воспоминания прежде чем вернуться в казарму надо сначала очиститься с девицей особенно те что отдаются по глупости, ведь я всегда говорю Значит ты хочешь меня трахнуть ладно но только услуга за услугу)

я непроизвольно шевелил терся покачивал ягодицами под их животами эти молодые козлы трясли меня они не целовали в губы красивые губы истекавшие отвергнутой слюной действовали проворно будто просто дрочили (торопливо, исступленно, в одиночестве, только бы не увлечься, не потерять точку опоры, не выйти из строя, прислушавшись к той подозрительной фантазии, что заманила их в мою постель)

я просаживал деньги на военных, случались и непредвиденные расходы, мне было пятнадцать и другие пидовки волновали их больше чем я, это не так компрометировало, они относились ко мне словно к малому на горшке, к юнге, мальчику на побегушках, младшему брату которого унижаешь и тиранишь лишь потому что ты на пару лет старше и у тебя на пару мышц больше, порой даже отнимали у меня деньги, когда я платил в кафе или гостинице, словно парнишке нельзя держать столько бабок на руках, и эти банкноты должны храниться у старших деньги не задерживались в моих карманах надолго, я зарабатывал их во второй половине дня на бульваре Сен-Жермен или на вокзале Сен-Лазар и спускал вечером в ночных кафе или тратил на венсеннских мужчинок, для денег я был всего-навсего

перевалочным пунктом между бумажниками стариков и ширинками военных в хорошую погоду я добирался до Венсеннского через Ботанический и Лионский вокзал пешедралом, а затем на метро

(летом я побаивался гулять возле Музея, из-за листвы на деревьях, сильных звериных запахов, множества детей, чересчур легко одетых, слишком уж веселых, мои глаза не выдерживали всего этого буйства жизни)

на вокзале Аустерлиц мы особо никого не кадрили, разве что у выходов из контор пара уродцев в туалетах свирепые онанисты ничтожные лицемеры пятнадцатилетние недопедики-целки, раз я даже встретил очаровательного молоденького испанца но это было в зале прибытия застенчивый брюнет я почувствовал эти вкусные невероятные запахи от его гениталий так не благоухает ни один фрукт ни один спиртной напиток ни один сад

(гениталии животных в Музее, половые органы статуй в Тюильри и Люксембургском – в Тюильри многие прикрыты лишь виноградным листом или даже изуродованы, возможно, даже яростно обгрызены, похотливая старая дева-пуританка задерживается допоздна с невинным видом с вязаньем или душеспасительной брошюркой в руке и как только остается одна влезает на свой стул и жадно хватается за каменные яйца геркулесов размахивает молотком распахивает прожорливую вставную челюсть и кусает кастрирует крушит)

(в Люксембургском педики были очень сдержанными, у них нет своей территории, и они прогуливались от одного туалета до другого а тре-

тий возле они сторонились его из-за расположенной рядом будки сторожа долго колебались прежде чем пойти за вами читали католические романы выставляя на солнце предплечья и наконец весьма учтиво обращались или уважительно и осторожно рассматривали ваш орган в сортире мы ходили на съем по трое–четверо колоритные веселые яркие и приводили их в ужас от них разило церковью унылой мастурбацией библиотеками трудами по психологии здравыми нравоучительными неопровержимыми сентиментальные мечтания садистские наваждения – они терпеливо ожидали свою половинку или своего двойника, друга на всю жизнь, который избавит от стыда или будет хотя бы удерживать его на том уровне, где можно получать удовольствие, не испытывая слишком сильных моральных терзаний, когда-нибудь эти педики смогут жениться и получат целую кучу тещ и зятьев в нагрузку они называли это «др-у-жбой», вставляя «у» между «р» и «ж», словно член в анус)

у тебя есть дружок мне хочется завести дружка у меня был хороший дружок у меня есть один да но у меня есть дружок мы живем вместе мой дружок меня убьет если узнает что у меня есть другой дружок мы готовим моем посуду пылесосим по очереди вот но его трусы стираю я он очень ревнует если я не прихожу домой вовремя чего я только от него не наслушался он отказывается спать со мной говорит Сходи сдай кровь на анализ вдруг ты подцепил сифилис мне этого добра не нужно понял?

(однажды вернувшись уже часов в десять я обнаружил перед дверью свои чемоданы мне стало стыдно вдруг соседи увидели и поняли что мы по-

ругались это оставит плохое впечатление они подумают что между нами тоже не все гладко как у настоящих супругов и начнут судачить Вы в курсе что педики с седьмого этажа что-то не поделили но если кюре встанет на нашу защиту и объяснит им возлюбленный ученик уточки Эдип гормоны ревнивые матери застарелые предрассудки но люди такие упертые если только они сами расписаны в мэрии)

ты уверен что тебе не хочется завести дружка лично мне очень хочется у тебя большая квартира сколько ты зарабатываешь какой марки у тебя тачка твои родители развелись ты ездишь летом в Испанию любишь животных ты искренний ласковый мужественный модный любишь искусство и красивые вещи регби бокс го Венецию Вивальди и натуральную кожу? я ищу дружка у меня есть идеал я хочу остепениться что ты будешь делать когда состаришься в полном одиночестве ведь это так грустно но если мы будем вместе в шестьдесят сколько общих воспоминаний и какое взаимопонимание! и любовь да главное большая любовь больше двадцати пяти сантиметров бадружбадружбадружбадружбадружба

(но я так не смогу,
ужасно трудно хранить верность, если прямо внизу возле дома есть общественный туалет)

твои чемоданы на лестничной площадке как же ты меня разочаровал я положил в твой карман пятьдесят франков осталось только убрать за тобой дерьмо и я наконец вздохну с облегчением и еще перед тем как пройти мимо швейцарской убедись что там нет мадам консьержки

я посвятил тебе свою молодость всю свою молодость посвятил тебе старая карга ах если б можно было начать все с нуля

сучка пошла вон сучка вали обратно к своим альфонсам

в общем я повторил что с меня хватит я больше не хотел встречаться с ним каждую ночь в этом баре и щупать его штуковину в кино и возвращаться с ним вдвоем и раздеваться и наши взгляды одна рука поверх другой я больше так не могу мы встретимся в воскресенье после мессы я сделаю ему комплимент Мадам какая прелестная шляпа! спрошу хорошая ли выручка у его бистро и не стряслось ли облавы и мы пожмем друг другу руки До свиданья мадам и всё я сыт по горло конец моя жизнь внушает мне только отвращение я ухожу хочу скрыться ты мне напишешь

168 (но я же сам это выбрал, предпочел ночь

город,

опасное равновесие между агрессией сдерживаемой и той, что резко высвобождалась, как только пустели улицы какие-то личности еще слонялись в те часы, когда улицы демонстрировали свою голую геометрию, подчеркнутую освещением, которое перерезало их наклонными и тенями закрытые кафе, запертые магазинчики больше не предлагали ничего на продажу либо на бытие

тогда мы искали то, что чужое присутствие смягчало, делая его ничтожным, затерянным в человеческой массе: насилие

хотелось только

его и тех спокойных и тревожных минут, когда другие спят, отрекаются, того промежутка, когда мы начинали жить, просто и зверски, больше не обязанные быть лишь частью самих себя, грубоватые, резкие, наконец-то проявленные

непристойное состояние, мощные и краткие взрывы, как во сне, пара минут, ради которых мы прожили столько лет в нетерпении и напряжении, их уничтожала занимавшаяся заря, оставляя в глубине тела лишь безразличный след, чье происхождение могло быть совсем иным: ломота в конечностях, заморенный взгляд, изнуряющий сон

новый день, дневные передвижения прохожих, торговля, шум, общественная жизнь делали меня молчаливым, раздраженным, но возрождали желание, которое поднималось, со временем крепло и обретало невыносимую грубость, когда наступающая ночь вновь начинала готовить свои возможности, свою вселенную, свою бесплодную территорию, где любое присутствие звучало громко, тревожило, точно шум шагов на улочке, пустыня, пробуждавшая во мне внимание хищника, сосредоточенное, обостренное, способное выявить малейшее отклонение, звук, силуэт, движение, что предупреждали о существовании кого-то, возможно, жертвы, на все согласного подобия, соперника ни мне, ни кому-либо еще больше нечего было терять, незаконные, абстрактные образы злобы и страха, осколки ненависти, разбросанные по мертвому городу, отданному во власть бессознательному роду, состоявшему из нас, которых больше не привлекали ни добро, ни зло, а лишь незнакомец, равновеликий нам по своей жесткости, внутренний свет, безграничная бедность, слабость)

если ночь выдавалась теплой, мне нравилось ходить к нему пешком роскошное здание с большим зеркальным входом я поднимался по служебной лестнице очень крутой замедлял шаг начиная с пятого этажа хотелось добраться наверх свеженьким а не запыхавшимся и красным

да напишет

он мне больше не нужен дружок (или что-нибудь наподобие, как на моих белилах для обуви – чистят, отбеливают, материал не линяет)

запыхаться хорошо только когда мы возвращались вдвоем и взбирались по лестнице площадка за площадкой очень быстро держась за руки или друг за другом я хватался за его бедра и сжимал в кулаке его яйца словно сидя сзади на мотоцикле, который он вел, или, наоборот, он обнимал меня обеими руками за ягодицы, словно взвешивая дыни а потом вдруг мы останавливались я оборачивался или он оборачивался и мы целовались впрочем без всякого удовольствия а ради самого жеста и потому что люди открывали запасные двери из-за нашей шумной возни и смотрели что да как и видели двух маленьких педиков, что ласкали друг дружку на каждом этаже мы чувствовали себя счастливыми добирались наконец до его квартиры и как только дверь закрывалась он напускал на себя презрительный вид

он больше не целует
меня больше не подходит а закуривает сигарету
и наливает нам обоим виски садится на кровать
с другой стороны и думает лишь о содержимом
своего бокала нередко он вообще молчит и порой
говорит о неприятных вещах педерасты я семьи
или деньги еще его интересуют дымоходы террасы которые видно из окна девятые этажи где допоздна остаются освещенными слуховые окошки
ясное такое ясное небо наконец он возвращается ставит свой бокал хватает меня за ширинку
и ищет мои яйца тянет к себе чтобы те уместились в ладони мне больно и я целую его но он щиплет просто от скуки я больше не возбуждаю его
по-настоящему он не расстегивает на мне штаны
вскоре отодвигается снова берет свой бокал и пьет
снова пьет я с самого начала заметил жирок у него
на талии это из-за спиртного когда он садится
появляется лишняя складка над пупком скоро
она превратится в валик потом еще один и раздутый живот распухшая шея короткий затылок
что поделаешь раньше мне так нравился его живот
лишь кожа и твердые мышцы под ней я увещеваю
Ты расплываешься я не упрекаю но мне жаль его
я всегда был худым даже немного тощим но лучше
уж быть мешком с костями я же знаю он балдеет
у себя дома перед зеркалом я принимаю странные позы желая убедиться что не обрюзг что нигде не появилось морщинок ощупываю в первую
очередь ягодицы и живот они всегда мне кажутся недостаточно твердыми если растолстею ягодицы будут слишком сильно выпирать а если похудею станут плоскими и это ужасно к счастью
я всегда одинаковый но если однажды я незаметно изменюсь он почувствует это на ощупь и потеряет ко мне интерес на чем держится дружба

я уже не особенно ему нравлюсь его быстро губит алкоголь но мне все равно я не такой как он и сила тяжесть твердость внутри его тела остается это-то меня и притягивает этого-то мне и нужно

(до того как мои родители развелись они жили в Версале я возвращался в Париж через вокзал Сен-Лазар и прошло много времени прежде чем я открыл для себя уловки педиков хотя это так явно бросается в глаза если ты в теме но мне не было

еще и четырнадцати я не догадывался кто эти парни которые слишком долго ссали и смотрели как ссали другие нередко один из них стоял слева от меня а другой справа я прикрывал писиську ладонью и слегка обмачивал пальцы я очень стыдился потому что взрослые были на несколько голов выше и заглядывали через перегородку и видели меня как на ладони я боялся стряхнуть последние капли в самом конце ведь со стороны могло показаться что я дрочу и сразу убирал кукан на место но при первом же сокращении живота при первом же шаге чувствовал как капелька мочи стекала на трусы это нервировало мне больше нравились сральные кабинки если оставались свободные но там везде столько дерьмища потом я подрос и мог уже сам заглядывать через перегородки и эти типы начинали бешено мастурбировать при моем появлении на вокзалах очень любят молодежь)

досадно то что он больше не дрючит меня ленится ему нужны литры спиртного чтобы войти в форму а я не возражаю против того чтобы он напивался раз уж он больше не любит меня и у него на меня не стоит пьяным он еще меня терпит мы проводим вечера в танцевальном подвале этого ночного клуба сырое промозглое подземелье но посетители не осо-

бо блядская молодежь мы непристойно танцуем он наваливается на живот расстегивает свою рубашку засовывает руки мне в штаны и лапает за ягодицы вставляет палец в очко чтобы чувствовать как оно сжимается в такт музыке и шагам это хорошие танцы когда мы льнем друг к другу или тоскуем на расстоянии целого метра (в глубине установили зеркала и парни танцуют перед ними поодиночке извиваются и любуются собой приходят туда ни на кого не смотрят извиваются перед собственным отражением по два–три часа и снова уходят в полном восторге) он если надо садится и пьет а потом без предупреждения тащит меня в туалет не запирает дверь стаскивает с меня штаны достает свой красивый прямой хуй и ебет по-собачьи ребята моют руки и поглядывают на нас но если они вдруг заходят он яростно пинает их ногами на их месте я бы рассмеялся не будь я тем мудаком что вцепился в трубу смывного бачка чтобы амортизировать толчки он должен заниматься этим прилюдно и провоцировать посторонних иначе никакой ебли не выйдет он хочет чтобы я одевался как можно ярче в плотно облегающие костюмы хотя поначалу мы были очень скромными напряженными корректными и если к нам обращались дамы и господа он был на седьмом небе подмигивал отвечал Да женушка у меня что надо вот это номер! потом мы уходим остаемся наедине и он больше не разговаривает полностью игнорирует меня в постели даже не дотрагивается вечером я маюсь по дому то шторы задерну то зубы почищу то посрать схожу я думаю как бы все наладить читаю в газетах советы немолодым супругам как возродить сексуальную жизнь но это ведь жена должна все придумывать теплые домашние тапочки вкусный ужин любимые блюда

кокетливое домашнее платье дежурные пластинки обольстительные улыбки словечки пошлости щекотка стимулирующие коктейли смелые ласки но все это не подходит у него же ни аппетита ни домашних тапочек он не любит пластинки с песенками не любит когда до него дотрагиваются и когда я однажды улыбнулся как бы говоря А я к вам неравнодушен молодой человек! он отвесил мне ужасную оплеуху и закричал Ты что напился или думаешь что ты у мадам Артюр? хотя он всё понял мне он нравится но затрещин хватает и дома я прихожу не за этим

я догадываюсь что это его расшевелило бы завело по-настоящему совратило бить меня лупить выкручивать возможно сечь, вот только я сам этого не выношу, я слишком изнеженный и в глубине души не такой уж сентиментальный я придумываю сальные сальности невероятные позы даже сказал ему Давай нассы на меня насри! он возбудился но расхохотался и ответил А ты и впрямь придурок по сортирам идеек нахватался? это заразно хочешь сам теперь сортиром стать? в общем если уж ты жить без этого не можешь я подгоню тебе аппетитный горячий подарочек на день рожденья моча какашки если это и все что способно тебя заинтересовать

(я считал их извращенцами, маньяками из газетных статей, боялся, искал педиков поприличнее, замечал других в кулуарах суда у телефона или у выхода к пригородным поездам но был не уверен что, а они напоминали туалетных старые страшные злобные или чересчур женоподобные я хандрил болел любил мальчиков а они были совсем не похожи на мальчиков большинство

ровесники моего отца или деда а то и постарше опустившиеся засаленные пузатые омерзительные и пара молодых парней рожа мятая угреватая тело сутулое несчастное взгляд идиотский и карикатурные тапетки мечтательные стройные заласканные залапанные и два–три шикарных элегантных мужественных типа как на плакатах в метро реклама брюк галстуков технических новинок банков эти еще противнее (внешность манекенов или металлических машин, строго рассчитанных, фасонированных, сконструированных, покрытых загорелой кожей, безупречная ледяная голова, привинченная к вырезу рубашки – если они дотронутся, может показаться, будто в тебя вцепился часовой механизм или автомат) педики были из воска из железяк из грязищи из оборок из говна это меня убивало и я не находил среди них ни одного своего ровесника (разве что изредка, но в лицее я сторонился таких мальчиков из антипатии, отвращения или презрения) я все дольше бродил по вокзалу Сен-Лазар порой хотелось хуев я думал только о ширинках у меня вставал от малейшей замеченной мельком выпуклости и потом мутило от всего остального а в иные дни лица сами напрашивались на поцелуи милые личики завораживали и смущали ведь это всегда были головы не гомосексуалистов а других мальчиков и некоторые нравились мне так сильно что я бежал и садился на свой поезд, я получал за раз всю дозу я не решался заговорить с кем-нибудь или ответить те что привлекали меня были неприкосновенными а те кого привлекал я были гнусными я понимал это как никто другой понемногу смирялся с этим каждый вечер и задевал всех справа и слева в шумной толпе посреди вес-

тибюля тренировался красть воровать прикосновения у пареньков детей подростков сам-то я был еще не старым)

заинтересовать если он сам считает себя интересным это явное преувеличение я смогу от него отделаться раз человек больше не фурычит остается его выбросить у меня тоже есть чувство собственного достоинства единственный способ его использовать это виски – я по-

купаю сам ему нужно пить без остановки и напиться так чтобы он лег закрыл глаза и отдался с осунувшимся лицом бесконтрольными телодвижениями я сначала усаживаю его на полу а потом раскладываю диван-кровать и втаскиваю туда укладываю раздеваю раздеваюсь сам слегка дрочу ему и тогда почти уже во сне у него немного поднимается нужно только сесть сверху и нанизать себя на него а потом качаться точно карапуз на коленке у дедули от этого он просыпается открывает глаза наблюдает за мной и смеется с холодной веселой злобной искоркой во взгляде будто он трезвый как стеклышко молча издевается надо мной я чувствую себя дурочкой помешанной на хуях удовлетворяющей себя подручными средствами он берет сигарету полностью просыпается курит слегка шевелится я двигаюсь резче сжимаю разжимаю ритмично будто делаю искусственное дыханию его члену своими ягодицами у него здоровенный агрегат и в такой позе он меня попросту раскурочивает но я доволен

досадно то что он не только был неразговорчив но даже не моргал во время оргазма невозможно было понять он обмяк потому что спустил или только потому что я ему надоел и если это тянулось слишком долго я непроизвольно изливал на него молофью

она попадала даже в глаза и на сигарету и он с ворчаньем отталкивал меня я щупал свои ягодицы чтобы понять кончил он или нет но возможно они были влажными просто от мази или пота чтобы убедиться что его сперма во мне нужно было ее высрать и я уходил протрезвев я понимал что зря пытался заинтересовать его хуем усыпить алкоголем надрочить собственной задницей он возненавидел меня головой но тогда уже все слишком усложнялось

(после стольких лет мне до сих пор тяжело вспоминать этот вокзал где я блуждал в пыли и унынии жизнь стала гораздо хуже но я к ней привык или мне просто плевать я больше не дорожу ею)

убедившись что он кончил иначе бы меня это раздражало нервировало мешало заснуть если бы я лег рядом с ним зная что он преисполнен спермы силы которую копил и не отдавал мне он поднялся бы назавтра обалделый и раздувшийся от молофьи впрочем по утрам он был милым в ту самую минуту когда открывал глаза именно тогда и только тогда он замечал меня в постели и улыбался здоровался гладил мое лицо тело словно забыв что я ему больше не нравлюсь но как только он поднимался сразу умолкал и вновь становился таким же как вечером возможно просто похмелье но чего же он ждал почему не вышвыривал меня на улицу в конце концов он ведь был свободен я думаю что в конце концов он вполне мог бы снять других но дело в том что

(Сен-Лазар, постепенно ограничив себя во всем, я тайно обосновался там, вокзальная атмосфера с ее грязью, толпой, сутолокой, мрачными рожами потихоньку становилась для меня не-

обходимой, я старел и черствел, или, возможно, мое тело, лишенное удовольствий, целиком превратилось в тело того, кто заблудился там и страдал от этого

тогда стайка пидовок, чуть старше меня, начала снимать клиентов по вечерам в вестибюле и вскоре они заметили меня и зацепили)

трудно встретить такого же молодого как я и при этом

незанятого, он предпочел держать меня при себе и ненавидеть, вместо того чтобы бросить и остаться без молодого пидорка, с которым можно перепихнуться, он больше не трахал меня, но я служил отвлекающим средством, наручниками, щитом – от всех остальных ребят постарше

в Тюильри мы спускались с террасы на берег я показывал ему приходивших парней и спрашивал

смотри-ка а вон тот ничего в твоем вкусе да?

кто в моем вкусе? он смотрел на меня презрительно и мы уходили к большому восьмиугольному бассейну те что были в его вкусе гроздьями висели там, вокруг бассейна, в коротких штанишках

(он приближался и видел в воде свое темное отражение, пересекаемое корабликами, их пускали ребятишки, стоя на четвереньках он замечал все пожирал глазами каждую деталь голые икры голые ляжки натянутые ягодицы сидящих на корточках детей и округлые словно подаваемые на блюде ягодицы детей лежавших вниз животом на бортике и пытавшихся подтянуть к себе палочкой кораблик белая светлая смуглая золотистая кожа послушные непослушные длинные волосы на затылке шелковистым бобриком тяжелыми локонами жесткие топор-

щившиеся потоками каскадами птичьи кошачьи жеребячьи загривки изобилие живых волос мелькание пальцев крики беготня брызги неожиданные прыжки тишина)

его рожа вытягивалась а я все больше жалел его не оставалось никакой тайны теперь я был уже слишком старым на его вкус но у меня была тонкая талия озорное лицо узкие плечи бедра и тонкая кожа и по-моему я был очень милым мои ягодицы конечно не подходили ему по размерам он с самого начала не церемонился и быстро придал мне нужный формат еще когда приходил за мной к метро Площадь Согласия около двух пополудни

(он на месте раньше меня подает знаки едва я выхожу и мы идем к нему на четвереньках сейчас как раз школьные каникулы поэтому я остаюсь на всю вторую половину дня на весь вечер и на всю ночь он обожает меня целует трогает и ебет ебет он

трахая меня

он заставит повторять сколько мне лет и всякий раз будет переспрашивать Неужели неужели неужели и загонять хуй поглубже Неужели)

на рассвете я возвращался домой еще до уборки мусора мать ни разу не заставала меня врасплох первые машины утренние прохожие я спал до полудня и снова уходил после обеда после душа причесанный переодетый выглаженный в огромном волнении меня опьянял этот стремительный переход от девственности к такому вот новому режиму дня

он утверждает что дело не в моем возрасте, дескать, я по-прежнему возбуждал бы его не стань я же-

ноподобным, но, во-первых, я был таким всегда, а во-вторых, надо сперва разобраться, сам-то он мужчина или нет

едва заметив его в Тюильри я сразу понял что это он каждый вечер выходя из лицея я садился возле Оранжереи но никогда не видел человека которого мог бы полюбить это трудно ворчун девственник все это просто так не загладишь я был аппетитным многие приставали но я отказывал вставал шел и садился подальше и однажды
180 он прошел мимо он ничем не отличался от других не считая того что он мне понравился тогда я сказал да я сказал это моя задница сказал да я буду принадлежать ему как-то летом прекрасным летом поутру белые залитые солнцем улицы он даже ни разу не сказал мне Я люблю тебя и когда я сам сказал это ему он скривился и укусил меня маленькая сволочь но теперь все кончено мне было четырнадцать вот что разжигало его голод

(и одна пидовка показала меня своим подружкам и воскликнула

ой вы только посмотрите на этого цыпленочка какой он милашка какой дикарь а у него красивые глазки уж поверьте красивые эгегей мальчик эгегей! ой какой котик он боится нас кошечки мои!

я узнал что они занимались этим за деньги они были пассивными один парень присматривал издали телохранитель наверное сутенер и подмигивал им словно говоря Эй девчата я тут

одна из них, худющая скромница-брюнеточка, уж очень сильно меня возбудила, и потому я подпустил их к себе)

ну ладно я стал похожим на педика, одежда, волосы, походка и манера речи но

что касается прикидов, это он подтолкнул меня, я абсолютно не разбирался, он показал, какой стиль его привлекает – это было в метро группки скаутов в бархатных шортах цвета какашек и рубашках не знаю каких большие башмаки галстук нашивка рюкзак вымпел узловатые порой волосатые икры он описывал соблазнительные детали но мне самому скауты были противны я видел только толстые ягодицы туго набитые но страшно засаленные ширинки и тупые до слез физиономии, пустые взгляды встречающихся любовничков мамаше стало дурно когда я вырядился каролиной но если одеться скаутом все соседи будут надо мной смеяться она этого не вынесет первое время я носил свой лицейский наряд темная куртка светлые брюки рубашка галстук очень опрятный примерный школьник супершик ему нравилось, в сочетании с моей детской мордашкой это было забавно молодило меня по его словам и я говорил

я не такая уж и старая

не такой уж и старый ты не такой уж и старый повторяй я не такой уж и старый

такой уж и старый или ты перетрахал уже всех девчонок

паренек послушай перестань говорить о себе в женском роде что на тебя сегодня нашло я тебя отлуплю

ах скотина скотинка он очень сердился когда ему это говорили потом он смеялся в такие моменты и снова смеялся и важно расстегивал мою куртку снимал с меня галстук настоящее преклонение я нарочно корчил такую рожу будто меня поставили в угол и его пальцы дрожали я оставался начеку с него сталось бы внезапно он расстегивал мне ширинку и заглатывал хер

(я больше нравился ему холодным, молчаливым, я это чувствовал я был не таким глупым как он думал я сдерживал себя хотя мог бы закричать как хорошо но молчал)

он стягивал с меня брюки хорошего покроя очень приличные мои брюки ему нравились он велел Трахни меня заставлял попробовать мне тоже хотелось но я слишком стеснялся он насмехался надо мной возможно он и правда любил чтобы его имели в жопу но хуй у меня был маловат поэтому в роли мужчины всегда выступал он дрочил меня во время или сосал после, он никогда не забывал меня ублажить, заботился об этом, даже если сам был недоволен

(мне кажется молофья была для него важнее чем виски он не выплевывал а глотал сжимал мой хер вдоль всей длины пока я спускал и выпивал все до последней капли под конец он стал извращенцем удерживал ее на языке целовал меня и выплевывал мне в рот это было противно я выплевывал ее обратно она набивалась в ноздри облепляла брови мы все измазывались хлюп-хлюп щека к щеке его забавлял любой пустяк он часто кусал меня и это были не засосы а настоящие укусы зубами до крови натура у него была злобная мой первый все-таки это был мой самый первый я любил его о да)

(и так день за днем я встречался с их шайкой уже практически стал одним из них но когда они предлагали поработать вместе я только пожимал плечами я еще ни с кем не переспал был целкой они это знали и называли меня Непорочной у каждой было прозвище они регулярно их меняли я был слишком робким и по-

тому не делал первых шагов одна дылда приставала дразнила мечтала влезть на меня я был уверен и это меня раздражало мужчинки-педрилы с вокзала тоже думали об этом они бесили меня сверлили взглядом мою задницу ну нет какая из меня девчонка)

даже в лицее одна тапетка открылась мне он хотел сделать меня настоящей пидовкой ожесточенно упрекал и в то же время заставлял чтобы это было как можно заметнее всплыло на поверхность и чтобы я стал ему противен а он смог отшить меня без сожалений так он и сделал

теперь я уже сбился со счета потому что это не имеет значения если ты знал такого человека как он то больше не станешь заводить настоящую любовь я не знаю какой парень мне нужен сейчас и мне известно столько местечек в Париже что все получается слишком легко слишком быстро людей ни в грош не ставишь на хуи насрать сейчас я больше думаю о деньгах я ужасно люблю деньги забочусь о своем будущем я ни на что не намекаю ничего не прошу у тебя ты хорошо ебешь а я рассказываю о своих хитростях (но честно говоря у тебя никогда не будет такого хера как у него заметь у тебя стоит слабее, чем стоял у него, по крайней мере, пока он не начинал напиваться, но в глубине души мне больше нравится когда он нежнее мясистее это сильнее возбуждает и я обожаю его тискать сосать встреться мы на улице я бы не согласился ты же знаешь ну а в сортире я увидел твой хуй и застыл на месте понимаешь застыл)

иногда я встречаю его в ночном клубе но он отворачивается в такие вечера у меня не хватает

мужества ни на что я захожу в общественные туалеты но даже не расстегиваю ширинку почти не смотрю на концы меня интересуют только лица это крах

(я сказал себе когда тебе стукнет двадцатник старушка ты отправишь себя на небеса опля и до свидания я не хочу стареть я знаю впавших в маразм девчонок-пидовок, незачем мне все это расписывать)

нет я не ломаю комедию просто больше не хочу ни с кем спать только ради денежек в копилку мы встретимся и очень мило побеседуем никаких амурных историй с тобой хорошо беседовать я люблю с тобой беседовать побеседуй со мной чуть-чуть уж он-то никогда не беседовал говори

конечно если тебе нужно трахнуть кого-то другого учитывая что я тебе отказываю я не буду мешать если он и впрямь в твоем вкусе мы больше не увидимся и всё

(я буду откладывать пока не я зарабатываю не для того чтобы тратить и экономлю остальное мне безразлично только бы считать вечером денежки хочется дрочить пятисотенными)

(по сути дела я не знал в каком направлении двигаться задницы и хуи интересовали меня в одинаковой степени но у этих педиков ни в коем случае нельзя смешивать два ремесла это было бы извращением дурным тоном ни то ни се ни рыба ни мясо если бы я позволил себя ебать меня определили бы в лагерь пидовок а если бы ебал только я сам то не имел бы права поворачиваться спиной в шайке были суровые моральные принципы брюнеточка была такой же хабалкой

как и все остальные хотя и казалась с виду сдержанной ей тоже хотелось вскочить на меня это разрешалось раз я моложе и она серьезно посмотрела на меня затащила в уголок рядом с автоматом жвачки потрогала мой прибор и я поцеловал ее она смутилась потеряла дар речи в отчаянии сказала хххннн снова пощупала мою ширинку у меня сильно встал я слегка потрогал ее ягодицы она все поняла и отвела меня обратно к хабалкам держа за руку как малое дитя мне было стыдно что я лапал ее зад она сказала

бедные мои девочки мы ошиблись это мальчик

ой дорогуша покажи! и они рассмеялись, но вид у них изменился они наблюдали за мной нахмурив лоб и с тревогой вдруг смутившись при мысли что на них мог взобраться желторот миленькая целочка и та что мне нравилась снова сказала ххнн и увела в сральник но мне стало противно я убежал и пару дней спустя уже оприходовал двух из них я шокировал их такой мелкий и с таким взрослым хером потом я узнал их тьмутьмущую одну за другой компания анусов их подружки по парикмахерскому училищу я пробуравил их всех даже страшненьких потому что готов был провести в очке всю свою жизнь так мне это дело нравилось я не поимел только самых старых тех кому за двадцать я просто не мог с ними спать всегда ненавидел взрослых а вскоре возненавидел и хабалок и остался один-одинешенек и стал одним их тех кого они называли садистами или растлителями малолетних как будто их самих не возбуждали миниануси)

(с наступлением лета они часто приглашали меня к себе на уик-энд разумеется мы ездили на берег Ла-Манша

они брали напрокат тачку или мы добирались автостопом, нас было всего семеро или восьмеро, с двумя ебарями, сутенером и мной у меня зудел мой девственный зад а им нравилось его лизать вставлять палец – раз ночью я пьяный лежал рядом с одной проснулся но вел себя как лунатик бессознательно перевозбужденно облапал ее в темноте у нее встал я сел сверху и наполовину засунул в себя она резко оттолкнула я взмолился Трахни меня трахни и внезапно блаженно заснул на следующий день она ничего не вспомнила никто об этом не узнал)

(теперь мне больше нравятся мальчики из провинции они нежные приветливые а особенно доро́ги ехать по ним целыми часами)

(мы почти не встречали педиков даже когда ехали автостопом а на шоссе небо ветер птицы деревья мы чувствовали себя скаутами у нас стоял как перед смертью попадись нам славный паренек мы сожрали бы его живьем разорвали в клочья так что пришлось бы нести его на носилках даже крестьяне в деревнях или мы подъедали на ходу примерялись находили порой в общественных уборных юнцов которым не важно в какую дырку кончать и один наконец-то меня выеб я забыл кто это произошло наедине безболезненно без эксцессов я не хотел становиться девчонкой но у меня был чувствительный анус мне больше нравились пассивные они тоже слегка резвились в моем очке но мужчины нет, а я привлекал их своей тонкой талией и тем что весил как пушинка даже после того как располнел до сорока восьми кило)

посмотри на себя сколько ты уже весишь восемьдесят пять кило? тебе надо бы похудеть все из-за пива днем и вина за едой и это виски еже-

минутно и эти блюда с жирной подливкой пережаренным маслом сливками эти колбасы пирожные я знаю у людей твоей профессии слишком большая склонность

(придется полюбить дороги, раз ты коммивояжер – я сталкивался с ними, они делились на две группы я выбрал ту что посвежее четверо мальчиков один еще пацан и три хабалки и этот пацан был мужчина одна хабалка заигрывала со мной мы встречаемся с ней в Париже когда я возвращаюсь – уезжать на машине по дороге когда идет дождь потому что я прячусь в своей машине еду под дождем он льет сверху спереди по сторонам я надежно защищен дождь льет не переставая пейзажи расплываются другие машины размываются дорога блестит течет по ней хлещет вода слышен только шум дождя я еду от одного города до другого по проселочным я дождь и машина машина едет дождь льет я сижу счастливый обособленный когда идет дождь я уехал бы даже не будь у меня работы я ненавижу солнце ненавижу ходьбу ненавижу Париж ненавижу всё

и любовь больше не имеет особого значения я предпочитаю еду впрочем толстый или нетолстый я снимаю не больше и не меньше клиентов главное чтобы заплатили)

поэтому я переспал бы с кем-нибудь ради тачки только бы подружки увидели меня внутри если она очень красивая очень дорогая я часто ебался в авто это было моей страстью теперь я спрашивал у типов не как их зовут или сколько им лет а какая у них машина и если они медлили с ответом относился к ним подозрительно и говорил

ну скажи какая у тебя жестянка если малолитражка то до свиданья

(после аперитива я расцветал сидел в провинциальном ресторане столик с цветами у окна чистенький зал и вкусные ароматные сочные простые блюда я осушал свой мартини и перед закуской быстро уходил блаженно подрочить в туалете после этого у меня повышается аппетит и жизнь кажется прекрасной)

жаль что я уже поужинал незачем смотреть меню если вы голодны можете по-

есть чего-нибудь у меня дома ах нет я забыл сейчас там кое-кто есть я не могу вас туда повести мы поедем на моей машине если конечно у вас нет своего местечка что вы там говорите надеюсь вы шутите я не привык платить за это сотню франков вы полагаете что стоите сто франков это же куча денег до свидания молодой человек

и его толстая ладонь энергично пожала мою у меня сосало под ложечкой от голода я дошел до Эйфелевой возле опоры Е был длинный общественный туалет

сначала они затянули все железной проволокой потом убрали ее и выкорчевали один за другим все парижские писсуары больше ни любви ни отдушины голые серые тротуары похожие на тюремные коридоры остается работать только в садах но педиков там становится слишком много они устраивают оргии съезды сплетничают встречаются без малейшего труда и больше не платят ну разве совсем пропащие (как раньше священники под Эйфелевой наверное их было хоть отбавляй из-за автобусов с туристическими экскурсиями в столицу Эйфелева Сакре-Кёр Пигаль и меня потрясло что они ищут где бы подрочить на стороне, хотя у них под боком все эти детишки учатся закону божьему

их члены бледные зловонные обвислые потрепанные тощие убогие слегка розовели и округлялись эти бедняги легко расставались с деньгами но требовали чтобы я сосал и это было уж слишком мерзко какая-то мания возьмите и выпейте раздача облаток простите святой отец я не могу я не голоден но я был голоден практически всегда)

(меня тошнило от католиков после того испанчика я же сказал тебе вокзал Аустерлиц семнадцать лет я решил перекинуться с ним словечком спустился за ним в метро казалось он ничего не понимал любезный и невинный он был девственник я обожал девственников с ними можно делать все что угодно они еще не понимают противно им или нет для них все постыдно и все хорошо несносные щенки но он засматривался на девчонок потом у него это прошло когда он перестал одеваться как бедный но приличный молодой человек и когда мы пошли в кафе рядом с и в сад возле накрапывал дождик мы спустились в метро и я ему и мы с ним и мы даже и особенный аромат я же сказал тебе где-то очень хорошо вымытый все складочки необычно для целки запах у него был свой особенный текстура кожи шерсть рядом с его да я же сказал тебе она пахла и с нотками и я снова встретил его затащил к себе закачал ему в задницу всю свою пюрешку ох видно снова примусь за старое)

святой отец каждый день я уезжал из грязного пригорода где живу со своими родителями высаживался на вокзале Аустерлиц и часто замечал как некие люди наблюдали за мной с беспокойным вниманием

как-то летом в среду один из них решительно направился вслед за мной на выходе из вокзала около двух часов дня

мы шли вдоль стены и этот человек приблизился ко мне и почти задел пытаясь обогнать но вместо того чтобы обогнать продолжил идти вровень со мной и я не знал как вырваться ведь я был полностью зажат между ним и стеной что вынуждало либо внезапно остановиться либо устремиться вперед но я не мог совершить подобную бестактность

этот человек слегка испугал меня он в самом деле заговорил голос у него был глухой и нервный и я не разобрал произнесенных им слов

к тому же я помнил других людей которые вели себя подобным же образом то бишь они тоже обращались ко мне по непонятным и подозрительным причинам хоть я всегда очень быстро шел из дома на службу и обратно и кроме того все время опускал глаза и лелеял лишь благочестивые помыслы а это доказывает

что я не давал этим людям никакого повода вступать со мной в беседу пусть даже строгую

в глубине души я считаю что это были бандиты или грабители которые под вымышленным предлогом приглашают вас последовать за ними ночью в Париже и в окрестностях вокзалов так страшно что ни одно другое предположение не способно

тогда я пускался по дороге почти бегом
или недовольно проявлял враждебность к людям пытавшимся поймать мой взгляд полагая что эти испытания посланы мне Отцом нашим небесным Коий в своей бесконечной доброте желал доставить мне страдания и повседневно развертывал у ног моих нечестивый ковер из порочных соблазнов по которому я мог бы скатиться в самую преисподнюю при том что меня бы еще и ограбили

я бы не смог даже прошептать названия сих грехов и перекрестившись к тому же я не разумел языка этих циничных и порочных предложений ибо демоны-искусители не ведающие о благе не утруждают себя тем чтобы обращаться к праведникам со словами понятными их безгрешным душам и потому я избегал многочисленных и загадочных ловушек каковые столица щедро расставляла для моей уязвимой молодости

наконец
мой довольно сильный испанский акцент вероятно казался смешным когда я отвечал французам которые по примеру этого человека так нетерпеливо желали со мной познакомиться

и все же мне
захотелось ответить ибо этот человек казался значительно моложе большинства тех кто предлагал

мне такое же странное приключение затем я прочитал во взгляде этого человека некое евангельское сочувствие да впрочем ни время суток ни эпоха не позволяли приписать дурные намерения человеку который был признаюсь довольно милым маль довольно милым человеком и потому я разрешил ему пройти за мной до метро и этот человек не преминул приветливо мне улыбнуться внушив доверие а затем повторил свои вопросы настойчиво умоляя наконец ответить

я почувствовал себя несправедливым и бестактным но разрываясь между тревогой и желанием помочь ближнему да к тому же не совсем понимая на какие душеспасительные дела или занятия сей человек намекал предлагая коим вместе предаться и наконец не будучи знаком с французской разговорной речью поскольку изучал этот язык только по книгам хороших авторов и под бдительным надзором духовного наставника человека коего я безмерно почитаю ибо он посвятил много часов воспитанию несчастного отпрыска из рабочего класса каковым я в ту пору был словом я не знал что сказать но не заметил каких-либо посягательств на свое целомудрие и веру к коим относятся богохульства грехи простительные и смертные чревоугодие курение либо некое невообразимо гнусное плотское удовольствие полученное с женщиной легкого поведения на которую сбрасываются всей компанией что коллеги по работе порою дерзко мне предлагали сделать

затем мы спустились в метрополитен и этот человек продолжил беседу там было очень мало народу но он все равно прижимался ко мне и его лицо касалось моего лица будто в исповедальне со снятой решеткой это меня

взволновало и я мало-помалу догадался что этот человек стремился спасти достойных молодых людей от греховных помыслов кои тревожат их по ночам и мешают продуктивно трудиться я не решился бы никому поверить сии мысли святой отец и потому улыбнулся этому неожиданно появившемуся человеку

мы случайно доехали до конечной станции поднялись по лестнице и вышли на улицу зашли в кафе где сделали заказ и выпили мы разговаривали и улыбались друг другу заплатили и отправились в сад каковым вдоволь налюбовались сели там и вновь побеседовали но потом ушли оттуда поскольку полил дождь или ливанул я не уверен в спряжении этого глагола осмелюсь признаться что этот человек выпил большую бутылку чуть ли не черного пива и выкурил несколько сигарет и большой рыжий пудель коротко остриженный везде кроме лап головы и зада внезапно залаял и испугал меня эти воспоминания еще долго меня преследовали и попивая гренадин я отвечал на нескромные вопросы о самых сокровенных подробностях своей интимной жизни поскольку этот человек ведя подобную жизнь полагал что так живут все тогда как я по-видимому был обделен в этом отношении

после того как этот человек вырвал у меня несколько признаний коих я стыдился мы снова спустились в метрополитен и поскольку уже было поздно вошли в пустой вагон и вели себя безупречно пока не отъехали от перрона и очутились в туннеле где проходят рельсы соединяющие все станции и на мою беду мы были одни повторяю мы решили что можем воспользоваться этим общественным местом так словно арендовали его в личных целях каковы-

ми были святой отец его рука его рот его рот его рука его рука да мои несчастные губы мои мерзкие пальцы я боялся потому что нас наверняка было видно в окна одна лампа за другой в туннеле табличка ДЮБОННЕ и око Господне под нашими отражениями пока этот человек засовывал руку в мой карман но не с тем чтобы обокрасть меня святой отец а из интереса к тому что находится в брюках между карманами

вот я и исповедался в том что получил нечестивое физическое удовольствие однако

однако после того вечера были и другие дни потому что этот человек сумел заставить меня прийти к нему домой мольбами и угрозами принудил к этому поскольку я опасался что он покончит с собой или даже даст мне пощечину поэтому я пунктуально пришел на свидание и можно интуитивно догадаться о его мрачной решимости

этот человек привел меня в комнату принадлежавшую ему принес туда больше двух бутылок различного спиртного рюмки и другие более безобидные напитки возможно для разнообразия меня это огорчило учитывая возраст этого человека едва превышавший мой из-за слишком жгучего солнца ставни шторы или занавески были задернуты а из-за невыносимой жары пришлось раздеться и лечь чтобы немного отдохнуть поскольку в этой комнате случайно оказалась кровать я также заметил на стене большую фотографию каковая хоть она и была черно-белой очень меня смутила поскольку на ней красовались два весьма привлекательных человека того же сорта что и мы и такого же возраста но только в чем мать родила и они друг друга святой отец как зверюш-

ки что-то огромное внизу живота мне показалось что тот кто обладает подобным документом заслуживает жалости и намекнул на это человеку продолжавшему меня раздевать отпуская галантные комплименты по поводу обнажавшихся частей моего тела и к счастью я заранее догадался что произойдет поэтому я старательно помылся омовение увы не способное справиться с сильным и на мой взгляд отталкивающим запахом каковой вся наша семья несет словно клеймо он исходит святой отец от волос на лобке но когда человек понюхал наверное тот показался ему приятным потому что он долго и довольно вульгарно вдыхал его и вдруг человек резко ударил меня головой о стену и приблизил к ней лицо и святой отец он снова припал губами к моим губам и воспользовавшись моей наготой опустил ладонь на мою кожу обтягивающую все мое тело и тем самым нарушил мое целомудрие поскольку человек провел руками по указанной коже от головы до пят и прижался к ней своим собственным непристойно обнаженным телом и целовал лизал с любопытством искал выпуклости и вогнутости обтянутые моей кожей и проверял ее эластичность оттягивая там где это было возможно точь-в-точь как выворачивают наизнанку палец перчатки и меня это страшно удивило и воспользовавшись моим удивлением человек взял в рот то ли оголившуюся то ли ободранную внутренность и нежно осторожно лизал ее ощущения были приятные маслянистые сладкие хоть и непривычные но он лизал и трогал другие части моего тела в частности ту что можно увидеть только если повернуться спиной к зеркалу и не отрывать от него глаз под предлогом того что кровать слишком узкая человек улегся на меня сверху и я сразу почувствовал сильную продолжительную боль

в том самом месте где святой отец когда я понял причину этой боли я стал сопротивляться иными словами сильно сжал их дабы пресечь покушение на свою чрезвычайно чувствительную но человек настоял и упираясь в довольно редкий но святой отец очень острый волосяной покров окружающий отверстие моей человек задрал кожу на конце своего казалось ему не больно от этого хотя стекавшая кровь даже замочила мне ляжки

затем человек на минуту увы отступил и вновь заставив меня развернуться опять припал к моим гениталиям несмотря на то что мое волнение сообщало им непристойный вид и нюхая эту уродливую комичную обросшую волосами часть тела он поднял на меня хмельные глаза и святой отец наши руки совершили а наши губы жадно проглотили и немного спустя я отдался во второй раз и потом сразу был третий поскольку сокровенная рана этого человека больше не мешала ему и он покрыл меня своим телом и я впервые принял его в свою и мы колыхались пока он не извергнул свою в мою и я вдруг понял что этот человек страдал пороком каковой сурово порицается священниками и врачами как испанскими так и французскими и извергнув этот человек рассмотрел мое тело во всех подробностях и заверил меня в идеальном совершенстве всех его частей по коим он водил пальцем и целовал словно давая им названия и он сказал что восхищается особенным ароматом моей и я расплакался от смущения и стыда и все время целовал его когда его рот поднялся к моему и получал такое же огромное удовольствие как если бы это была молодая девушка поскольку святой отец он овладел мною в четвертый раз вставив во второй раз свой в мою но из-за этого у него снова так

сильно хлынула кровь что ему пришла в голову ужасная мысль засунуть его весь окровавленный мне в рот и я робко раздвинул губы потому что боюсь крови а он сидел у меня на груди зажав мою голову между ляжками и очень нежно гладил мое лицо шепотом отмечая что находит его привлекательным и красные капли с его мужского органа стекали по моей шее вдоволь насладившись мною он показался таким грустным что я улыбнулся ему сквозь слезы и сказал что у него маленький нос

святой отец должен ли я признаться в остальном или я сказал уже достаточно завтра я вернусь и закончу свою исповедь но прошу вас не забудьте взять с собой носовой платок взгляните что-то исторглось из вас на решетку святой отец это благословение?

198 (в общем я собирался завязать принял твердое решение и даже планировал вернуться в Ниццу чтобы мирно жить с женой и детьми)

я бы предпочел белый мартини если у тебя есть и виски лучше со льдом да ты очень любезен у твоего старика не так много выпивки как на богача это ты опустошаешь бутылки или он просто жмот?

(я экономил бы деньги на эти вечные поездки парижскую арендную плату и разумеется все что дорого мне обходится этот несчастный мальчик если бы не встреча с ним я бы еще год назад поменял машину они этого не понимают и связываются с вами потому что у вас есть средства выкачивают их из вас а потом удивляются что после нашего знакомства мы начинаем считать каждую копейку хотя раньше не следили за расходами куртизанки мелкого пошиба кокотки из мужской уборной педрильники я дал слабину когда вступил в эту игру)

послушай этот рисунок на стене со старым лысым типом в очках это он тебя содержит? мда видок у него невеселый милые цветочки это ты их поставил я так и думал что тебе это нравится ты помнишь как сказал мне об этом

в жопу цветочки

(он не сделал меня счастливым даже не сделал по-интересному несчастным от него мне достались одни неприятности с деньгами и со здоровьем подумать только люди мне завидовали доводить меня до ручки чтобы я уходил как можно чаще и пользоваться этим чтобы изменять мне дрючить кого попало и устраивать свою собственную маленькую жизнь такую привольную что он ненавидел меня в сто раз больше когда я приходил снова после каждой разлуки я забывал о том какие гнусности он опять натворил и вспоминал его таким каким когда-то сам же придумал возвращался с благими намерениями снисходительный влюбленный и натыкался вот на это)

чем он занимается твой дядька он и правда богатый?

да довольно богатый но не знакомит меня со своей родней и у него всего одна тачка причем уже не новая хочешь послушать пластинку у него хороший проигрыватель взгляни вот на эти подписанные фломастером это мои

(женское искусство вышедший из моды талант соблазнять выводить из себя держать на коротком поводке и я как круглый идиот бегал высунув язык поощрял возражал получал от этого удовольствие

возможно не столько по глупости сколько из желания насладиться и приумножить все что отличало наши отношения от тех к которым я привык, оргазмы в сквере, уличные знакомства, мальчики на час, всегдашнее молчание доступных и платных любовников теперь я пытался кого-нибудь удержать и выжать из этого по максиму-

му создать для себя сильное воспоминание жить с молодым буржуа возвышенная история буржуазная супружеская бесценная вечная ценить ум манеры беседу личность элегантность какая подлая мысль но моя последняя ошибка я знаю старый пердун все понял придется подставлять задницу шпане)

сам-то я ничем в этой жизни не занимаюсь меня ничего не интересует я просто выжидаю

я тоже

я не ставлю песенок ненавижу песенки люблю всякое старье я вижу у твоего типа такого добра навалом

ну очередное ханжество ты преувеличиваешь я же не приглашаю тебя на мессу

это не месса и меня это возбуждает напоминает уроки закона божия под эту музыку я лапал члены

что-то рановато ты начал

да нет а в остальном жаль что поют в основном тетки мне больше нравятся маленькие мальчики

и не надейся на этих пластинках их нет он терпеть не может детей слышал бы ты что он говорит о своих когда я слышу как они орут я готов их придушить

если бы ты перестал кукситься я мог бы тебя поцеловать

я не кукшусь

(он прикидывался презрительным насупленным строил из себя сказочного принца ненавидел весь свет лишь бы скрыть внутреннюю пустоту в местах где часто бывают мальчики моего возраста смущаясь оттого что был со мной он делался еще жестче если б он только

мог плюнуть на меня и показать им что обо мне думает и что по его мнению думали другие когда видели нас вместе)

а сегодня вечером ты свободен?

(я спрашиваю в стотысячный раз, как будто у этих дебилов есть хоть малейшая причина уделить свое никчемное время какому-нибудь конкретному типу)

нет он должен вернуться мне нужно наконец прийти туда скажем около полуночи иначе снова начнется головомойка а я уже сыт этим по горло я все равно не пойду на это ради тебя, ведь так?

(меня откровенно бесила его брезгливая физиономия и по возвращении или еще в баре я обращал на это его внимание а далее следовали безобразные сцены я расспрашивал его о людях с которыми он болтал танцевал широко улыбаясь на улице (я знал что он даже не взглянул бы на них не будь рядом меня) я обзывал его комедиантом и пошляком он иронизировал говорил Оставь семейные сцены для своей жены для второй нет если вдуматься у тебя мания мальчики или девочки вечно кольцо на пальце я не знаю другого пидора который любил бы супружескую жизнь до такой степени выражения менялись он становился очень грубым

он прав я изображал перед ним ревнивого мужа но он не замечал что сам реагирует как супруга мне казалось будто я слышу голос своей жены тягостное переливание из пустого в порожнее я узнавал все до малейшей детали и заключительный аргумент Мне осточертел твой ор я сваливаю Вот именно проваливай отвечал я приду с тобой поздороваться на панели у Флоры ты ведь там намерен обосноваться

для тебя это идеальное местечко? но он не уходил а исчезал самое большее на одну–две ночи и потом как-то вечером я обнаруживал его у себя дома скромного улыбавшегося опрятного покорного но длилось это недолго однажды я даже выставил его за дверь вышвырнул чемодан на лестничную площадку на следующий день тот все еще стоял там он вернулся очень поздно постучал я открыл он лег без единого слова я заплакал он приподнялся предложил прямо сейчас пойти потанцевать хотя было уже поздно он входил в ночные клубы с торжествующим видом и все началось снова я знал его роль наизусть он вычитал ее в тех же книгах что и я высмотрел в тех же фильмах или просто нахватался от своей матери точь-в-точь как я нахватался от каждой из своих женщин)

чего-чего сойтись нет уж извини я никогда ни с кем не схожусь мне хватает старика если жениться на каждом типе с которым переспал спасибо не надо

я говорил о том чтобы просто переспать еще раз

ой переспать перепереспать встретиться еще раз это чересчур сложно скучно утомительно лично мне надоедает часто бывать у людей которых я интересую только в этом плане

блядь блядь нужно было сразу догадаться между нами говоря ты порядочный говнюк такой мерзкий что впору пинцетом брать я

никто тебя не заставляет а что касается сцен закатывай их с той стороны двери

(в конце концов я найду работу и завяжу молодые старые женщины мужчины ебари или сентимен-

тальные болваны все одинаково невыносимы я получал удовольствие только когда мною восхищались но эти уроды эти плюгавцы как только увидят сразу трогают воображают что

разговоры истории осточертело я в тысячу раз лучше всех прочих я ненавижу их я же красавец)

(сразу по возвращении в Париж я снова окунался в эту жизнь, правда, медленно, осторожно, наступавшая осень располагала к отстраненности)

преимущество каникул в том что я трачу меньше денег чем в Париже а родители дают мне намного больше я экономлю набиваю брюхо мороженым содовой картофелем фри американскими сандвичами скука уныние вызывают постоянное чувство голода и раз уж я могу жрать что попало не поправляясь при этом

(твое письмо нет знаешь ты все-таки дурак отдыхать на берегу моря и без конца твердить о Париже съеме в Тюильри лучше бы ты рассказал мне как там пляж океан мальчики на каникулах и почти голые дети эти вкусные запахи пресной воды у них между ляжками)

Возлюбленый надеюсь ты в добром здравии но я больше не могу больше не могу больше не могу здесь нет ничего мне так хочеться вернуться

ладно объясню тебе сказал я далеко за городом на холмах есть ветки зеленые ветки деревьев точнее черные такие их обычно изображают на заднем плане

(конечно он не прогоняет меня без меня ему будет еще скучнее и потому мы слушаем эту пластинку)

черные я сказал ветки хотя на самом деле это большие круглые глыбы они маскируют всякую растительность эта зелень похожа не на растительность а на какой-то налет темную грязь эта трава нагоняет тоску в тех краях часто идет дождь понимаешь здесь полно воды и когда я купаюсь

(я замечал эти первые приметы осени в Тюильри, они ярче, выразительнее, чем за городом или на дороге, из-за своей обособленности)

воды по колено но в ней много кальция она невкусная и такая жесткая что даже не мылится

(я гулял каждый день после полудня садился на железный стул у подножия статуи на пьедестале с неразборчивыми надписями которые меня не интересовали, неумело намалеванные сердечки, угловатые звери, небрежные инициалы, фантастические гениталии, имена

мимо проходили хулиганы, один высокий, другой низкий, окликали по-английски двух–трех местных хабалок, мы были знакомы и они густо сплевывали прямо мне под ноги

листья постепенно меняли цвет с желтого на красный и коричневый в лучах заходящего солнца)

дома мы пьем только минералку знаешь неподалеку есть ночной клуб для гомосексуалистов в самом конце старой улицы ведущей к церкви мостовая балконы живописная обстановка и небольшая дверь цвета желтой мочи

(я оставлял машину напротив библиотеки Мазарини смотрел на мальчика только что снятого на всю ночь и от-

блески света озаряли приукрашивали его сквозь стекло моя рука тянулась)

я сразу понял по цвету но оно открывается только в десять вечера и туда не пускают моложе восемнадцати потом я жду у двери мимо проходят одни клиенты ты не представляешь каково это думать обо всех красивых мужчинах которые днем на пляже я спрашиваю себя откуда они выходят ну ладно пляж если тебе так хочется напротив холмов та лесная опушка в общем как я тебе и говорил

(потом с веток начнут опадать листья прочерчивая в полете наклонные кривые извивающиеся линии это отличает сад от города с его жесткими вертикалями там можно иногда увидеть настоящих животных например сбежавшего неизвестно откуда попугайчика за которым грациозно следила пидовка а потом хватала его с лицом страстного птицелова птица из клетки смешная даже среди голубей пидовка из будуара с протянутым кулаком насест поднятый вверх словно рука протянутая статуям для лобзанья

множество собачонок бегали вслед за палками, кидались к ногам, лаяли, перебегали от одного дерева к другому, мимо катились велосипеды, на них сидели дети с отсутствующим видом и беспрестанно жали на звонок)

эта лесная опушка казалась неопрятной как будто небритой я немного побаиваюсь пляжа там слишком много соблазнов становится так грустно и невесело порою я возвращаюсь к холмам под деревья сосны и жду пока кто-нибудь придет там всегда безлюдно возможно это дюны но вряд ли дюны скорее

(на земляной площадке внизу другие дети, помладше, приходили играть в футбол)

у меня романтическое настроение когда я скучаю мои родители везде меня ищут

(шумные матчи, я знал, что они кричали хотя на самом деле не слышал они приходили, раздевались у скамьи, под рубашкой и брюками майки и шорты цвета того или иного лицея (а под этими шортами плохо сшитые либо растянутые трусы висели складками на ягодицах внутри болтались юношеские гениталии я представлял их влажными и толстыми с излишком сморщенной кожи на яичках излишком крайней плоти на головке этот избыток кожи воспоминание детства сглаживает форму едва созревших половых органов подобно чешуе на теле змеи еще до конца не сбросившей кожу) они бегали бросали мяч тот иногда падал на террасу рядом со мной смеркалось я подбирал его и бросал обратно слышал слова благодарности доносившиеся ниоткуда ни один игрок не смотрел на меня все уже вернулись на площадку где продолжался матч а меня переполняли образы голые ноги запыхавшаяся грудь больше всего волновали самые некрасивые посиневшие от напряжения щеки неловкие и призрачные телодвижения тяжеловесные и в то же время рассеянные)

вот

не знаю океан огромный или нет с берега видно не дальше чем на любом другом море нужно долго плыть но говорят он огромный вобщем пишу тебе все как есть куча воды и пологий пляж Боже как же здесь скучно

(после выхода из контор до самого ужина наступала тишина появлялись другие собаки женщины парочки средних

лет полумертвые и все они сталкивались с бегающими детьми велосипедами педиками

деревья

серая кора содранная кусками большие желтые пятна

педиков становилось все больше некоторые приходили на свидание встречались судачили группками по четверо–пятеро зажигались фонари педики уходили и опять возвращались после ужина около девяти мы шагали ждали мечтали со спокойствием роботов голуби статуи цветы внизу бассейн и за деревьями верхние этажи и крыши зданий улица Риволи темные иссиня-черные на фоне прозрачной зеленой листвы которую снизу подсвечивали лампы в саду)

мои родители

могли бы вполне обойтись без меня и они ведут себя как супруги не считая того что по моему они многовато занимаються сексом

(послушай я не думаю что он вернется до полуночи остался час, знаешь можно выйти на улицу мы забывали поставить пластинку на место ужинали в кафе он начинал меня раздражать напиваясь казался влюбленным неумелым болтливым молчаливым я не люблю такого в постели эта предупредительность сдержанность преклонение все равно что принимаешь ванну из сиропа сосешь приторный леденец они так нервируют что я становлюсь неприятным противным а когда они чуть меньше любят есть шанс что будут чуть лучше ебать нет мне он не нравится когда он расслабляется хочется ему врезать)

клянусь

я спокойно могу присутствовать им плевать я разве что свечку не держу представь мало приятно-

го видеть бабу с мужичком когда они этим занимаются я раньше не знал и от души поржал мать с отчимом похожи на толстый рыхлый бутерброд с кучей майонеза посередке когда ложишься на женский передок кажеться будто вступил в говно грузнеш в нем и оно лезет со всех сторон короче страх и ужас

хочеться все бросить если бы мне хватило денег я бы вернулся в Париж снова встретился с друзьями с тобой наконец если ты конечно не против да и в любом случае туристы ты ведь говорил что их много иностранцы возбуждают разве тебя это не возбуждает скажем американец или швед это так оригинально к тому же забавно когда смешиваються разные культуры лично я не люблю людей похожих на меня

(я оставался хладнокровным и трезвым ненавижу когда педики ходят парами полюбуйтесь на этих голубцов это еще годится для пятнадцатилетних ну и если рожи соответствующие я согласен только целоваться и танцевать в ночных клубах и лишь для того чтобы преподать урок всем этим типчикам что трясутся на месте как и целуются как без малейшего)

ну ладно песок вдоль берега ага вдоль всего берега если только нет скал они похожи на черные пакетики наподобие кусков дерьма только большущие черные-пречерные и развороченные ты же видел старое собачье дерьмо с дырками внутри дождь вымывает или море или мухи разносят и если нет скал то берег

(неизменная и незыблемая картина, статуи, голуби, освещение, деревья, стулья, педики идут скорым шагом, словно в конце дурацкого дня, безропотно

посвященного идиотской работе, теперь им нужно только одно: шагать по аллеям, возбуждаться от каждой мелочи, болтать, презирать и простодушно мечтать)

с высоких утесов прыгают в воду они почти отвесные и гладкие из-за птиц но здесь утесов нет один песок расстилается ты видел мы ступаем по нему и внутри он рыхлый как женщина или старый мужской живот

(в других парках Парижа, только чуть позже, наблюдается такое же постепенное нашествие – точь-в-точь как с наступлением зимы начинается единодушный исход в ночные клубы, кафе, сауны, если, конечно, вы не зимуете у себя дома и не запираетесь из-за безденежья, покидая места бесплатных свиданий: остается лишь слабый шанс случайно поймать на лету какую-нибудь тапетку, на улице, в метро, в не самый холодный день, такой солнечный, что на пару часов бульвар даже обретает свой весенний облик)

эти толстые брюха интересно как они умудряются трахаться представь как бы мы занимались любовью с огромным пляжным мячом между нами ты думаешь у нас тоже потом отрастет такой же но чем же их набивают эти животы а еще у них совершенно круглая, распухшая, одутловатая голова, хоть и не такая смешная как пузо с этим штуками нависающими над глазами подбородок рот щеки все двойное тройное морщинистое

должна быть склонность я так считаю я видел много парней нашего возраста например тот и впрямь уродливый малый что я встретил перед отъездом студент правда у него еще не было ожирения но заметно сало на пояснице широкий жир-

ный зад соски как старческие веки брюшко вечно сидящего и пьющего парня ой прости пляж на пляже песок и он набивается везде когда ешь потому что на пляже продают еду

(я не глядя протягивал руку следил в зеркале заднего вида и ветровом стекле за фланерами и легашами

он склонялся к моему животу я держал его за голову
210 и приглядывался еще напряженный встревоженный в дискомфортном состоянии наблюдателя которому отсасывают

эти прохожие были так далеки от нас, от того мира в моей машине, что принадлежал лишь нам двоим, хотя мы друг друга почти не знали и даже друг другу не нравились возможно, они бы нас не заметили, как не догадываются о существовании крыс в канализационных трубах, птиц на деревьях, насекомых в своей квартире, животных в зоопарках, невидимых и бдительных в своих бетонных лачугах я замечал пару, укрывшуюся на крыльце библиотеки, меня коробило, мутило, дурная копия нашего уединения, шокирующая, словно рекламный плакат в первозданной чаще (до такой степени эти мужчина и женщина под сенью нашей пустыни олицетворяли именно то, что отличало нас от многих гомосексуалистов, похожих на них – дешевый набор клоачных правил, заученных назубок телодвижений, неизменных фраз, эгоистичных поединков, машинальных чувств, телесных и эмоциональных ритуалов, совершаемых день за днем строго по расписанию) я показывал ему эту парочку и трогал с места, мы парковались на соседней улице, почти напротив комиссариата: там спокойнее всего, ведь полиции и в голову не придет,

что кто-то может ебаться прямо у них перед носом, да и прохожие особо не задерживаются, едва завидев логово фараонов

придвигаясь ближе чтобы удобнее было сосать он облокачивался на руль непроизвольно сигналил и караульные на улице поднимали головы)

едят прямо на месте потому внутри песок едят потому что мерзнут выходя из воды и греются на солнце потом покупают арахис пралине блины вафли конфеты мороженое плавки у меня маловаты и когда я выхожу из воды сползают из-под них выглядывают волосы на лобке мое богатство от морской воды они намокают завиваются чернеют а когда я плаваю наоборот видно ложбинку между ягодицами и мне это нравится представляю свою красивую попку у всех на виду люди таращатся на мою щелку взгляды приятно щекочут будто плещущие нескромные шаловливые волны мои плавки превращаются в два шнурка на пояснице с кармашком посредине ткань облепляет пипиську и она торчит внутри скукожившаяся от холодной океанской воды что как будто отсасывает у тебя и кажется будто я стал маленьким мальчиком и обсыхаю сидя на солнце я красивая девочка встряхиваю длинными волосами сгибаю ногу вытягиваю другую выпячиваю грудь но чтобы это возбуждало парней нужна их забавная анатомия потом на моей загоревшей коже высыхает соль кожа у меня грязная мужская смуглая я представляю себя мужчиной и поглядываю на свои гениталии проверяя насколько эффектный у них вид ты же знаешь с этим у меня проблем нет когда солнце пригревает он встает мокрый ой прости примерно десять метров песка в глубину по средним оценкам мне говорили

что площадь от пяти до ста и более метров в ширину и километров двадцать в длину это целая куча песка не считая того что под водой и в песке растут деревья сосны еще есть блохи такие маленькие прыгучие ракообразные они не кусаются но я все равно не люблю в конце концов это же блохи и дальше за песком или перед ним вода море океан он не шевелится и он в вечном движении в одном и том же направлении даже когда он наступает он отступает или наоборот шаг назад два шага вперед понимаешь? волны шторм зелень синева это называется волнами в ушах странно шумит когда падаешь в них под них в волны и они высокие я не люблю волны впрочем они поднимаются нечасто а мои родители специально ищут волны заплывают далеко в открытое море за буйки я бы никогда не поверил она со своим толстым пердаком вечно кряхтит если нужно пройти лишнюю сотню метров и он такой длинный худой согнутый вдвое или втрое они плавают невероятно долго и когда они там знаешь я думаю чем они там занимаются вряд ли они трахаются в воде но вполне возможно что он ей дрочит или она ему нет только не она потому что я видел если она не будет грести то не сможет удерживаться на плаву просто двигая ногами ей нужно махать руками словно плавниками если она опустит хотя бы одну то утонет значит она не дрочит ему если хочешь знать мое мнение или он держит ее пока ой прости волны ты хочешь о волнах их нужно искать примерно в сотне двух сотнях метров от берега пока они еще не разбились и там нельзя достать ногами до дна а я не люблю волны и не люблю когда нельзя достать ногами до дна я остаюсь там где нет детей потому что слишком глубоко и нет взрослых потому что слишком мелко там купаются только

толстенные коротконогие мамаши с тремя десятками лямок бретелек корсетов поддерживающих всю эту плоть что колышется со всех сторон на спасательном круге потому они задумчиво покачиваются на поверхности слегка подгибая под себя ноги похожие на согнутые воздушные шары-сосиски руки слегка раздвинуты чтобы оставалось место для вымени и вода до самого подбородка с пеной на ярко-красных губах алее алого и они восторженно любуются собратом своим океаном насколько хватает глаз над несколькими парами поднятых к небу загорелых рук летают мячи купальщики будто сошли с обложки туристического буклета я очень люблю играть но не с кем эти двое всегда куда-то сбегают а сам я стесняюсь подходить к высоким мускулистым парням с мячом ох я уже сыт по горло этими каникулами все эти пляжи люди семьи солнце ресторан игры авто иллюстрированные журналы золотистое солнце полдники плач детвора песок песок море плавки мокрые от воды белые от песка они сворачиваются на земле когда малыши переодеваются выходя из воды и под полотенцем повязанным на талии мелькают их белые пиписьки не понимаю как это может тебе нравиться в самом деле у них ведь не больше мизинца правда один раз я удивился и у меня даже встал но ему было всего девять в этом возрасте ты уже начинаешь их нет в общем уверяю тебя мне все опротивело что тебе еще рассказать я думаю о Париже и о тебе чего ты хочешь я мечтаю заняться с тобой любовью но ты же мужчина да эти их чертовы принципы не спать с тем с кем расстался лучше уж вообще ни с кем не спать только не говори что ты нашел другого молодого ну ладно я играю с собакой одной дамы часто сажусь рядом с ней послушать радио понимаешь

и представляю нас вдвоем только не с ней а с тобой на бульваре Сен-Жермен ты предлагаешь пропустить по стаканчику только не во Флоре и мы едим большие порции мороженого навалом сливок и жареного миндаля а я смотрю на тебя своим особенным влюбленным взглядом ты вспоминаешь и мы идем в ночной клуб танцуем пьем но не слишком много и снова идем в кучу других клубов полночи ты соришь шальными деньгами

а потом говоришь хватит милая я обожаю тебя какой чудесный вечер хочешь пойти ко мне и я говорю да милый я люблю тебя только бы не нарваться на тумаки ведь уже поздно если мои родители и мы берем такси и вот мы наконец вдвоем у себя у тебя видишь я еще не забыл что такое хорошо

они говорили

я пойду на встречу с тобой за твоей осенней стойкой а потом наступит зима похолодает твой небольшой бар красного цвета это так интимно так сексуально

хорошо мы идем туда но давай договоримся что ты будешь вести себя прилично со своими партнерами по танцам я разрешаю тебе выбрать кого-нибудь на свой вкус раз уж я сам не танцую но только не вздумай выставлять меня на посмешище хотя в конце когда мы уходим ты выглядишь еще глупее меня

я вижу как вы подходите только не пытайтесь меня поцеловать да мой дружок здесь в зале и вы знаете что он ужасно ревнив

ваш дружок не танцует

нет

почему

он устал (я не собираюсь объяснять что мой дружок не танцует потому что он старый разбитый разочарованный невежественный и ненавидя показуху и заведения для гомосексуалистов соглашается приходить сюда только из страха что я закачу ему скандал если он запретит)

(я смотрел на пары и пытался вспомнить слабое удовольствие которое получал прежде от это-

го покачивания напора жестикуляции но ничего не получалось (все казалось нечетким, плохо переданным, с трудом восстановленным, искаженным отражением других, исчезнувших, забытых парней, которые, вероятно, познали более опасную и вместе с тем более спокойную жизнь, составив более прочное и замкнутое сообщество, уже потерявшее всякий смысл) сегодня мы сидели вдвоем, каждый словно пария для соседа по столу,

и общая атмосфера, невзирая на молодость посетителей, сидевших за столиками или стоявших, наваливаясь друг на друга, заставляла их обмениваться враждебными, жадными, презрительными, завистливыми взглядами (злобные зырканья самых тошнотворных хабалок, которые, заметив, что я наблюдаю за ними, сразу же мнили себя неотразимыми и потому принимали мой интерес за неприличный и оскорбительный для них намек), растерянность скромняг, возбуждение психов, пронзительные цеховые крики, внезапно прорывавшие полумрак, самодовольство извращенцев, отлично устроившихся в этом клубе для извращенцев, на лице у них постоянно написано, что все их здесь знают, деланный смех и смиренные взгляды пятидесятилетних, над которыми потешалась каждая двадцатилетняя сволочь с хорошо подвешенным языком и озлобленностью шлюхи, оставшейся без клиента, беспокойная нетерпеливость редких сексуальных постников, случайно оказавшихся на этом параде хлыщей, эти слишком уж нарочитые приватные беседы, эта истома и, что еще невыносимее, поцелуи и ласки сентиментальных парочек, удовольствие, игнорирование остальных, счастье, которое они симулировали, дабы насладиться своей истинной радостью, своим реваншем: заставить подыхать

от зависти кучки одиночек, сгрудившихся вокруг, изумленных манерными, сюсюкающими дуэтами – атмосфера враждебности, бешеного тщеславия, страдания, безвестный театр, укрывшийся в подвале, точно паучье гнездо, где разыгрывалась, бушевала, афишировалась эта пантомима, с участием всех невидимых, униженных, бестолковых, умирающих и пропащих, сведенных вместе этой ночью и даже среди пидовок, вертевшихся (будто в танце, юлой, дуновением) в подвале со скамейками, обитыми красным бархатом, ни одна не казалась настоящей: все были фальшивками, неестественными, поверхностными, бездумно повторяли условные обряды и жесты, надменные и претенциозные карикатуры, псевдопедерасты, пришедшие слишком поздно и слишком плохо подражавшие величавым, легендарным давалкам былых времен)

но если я вас поцелую он не заметит

зимой улицы нагоняют тоску люди слишком нарядные

в тепле они раздеваются их лучше видно я не говорил что меня это больше интересует когда ширинки просто для вида

дело в том что я люблю его дружище и не хочу его обманывать понимаете

и где вы нахватались таких представлений он обеспеченный?

я расскажу тебе просто тебя еще не выставляли за дверь как у тебя дела на любовном фронте ты ответишь спасибо хорошо но если бы ты захотел стало бы еще лучше и я объяснил бы тебе что

а вам-то какое дело? когда вы сделаете для меня то же что сделал он

а что он сделал?

я объяснил бы тебе что слишком сильно люблю тебя и потому не вернусь с тобой но мне хочется чтобы ты когда-нибудь показал свою новую подружку я тебя знаю ты скажешь дружок у меня никого нет я прихожу и ухожу ах-ах я скажу ну все какой же ты блядун дон-жуан как подумаю обо всех этих бедных девушках которых ты

он вытащил меня из грязи если хотите знать

(и

218 он терся своим животом о мой но такие маленькие хуи какой был по моим ощущениям у него не возбуждают меня так что он просто зря терял время)

нет-нет никакой я не блядун просто ищу типа с квартирой мне надоела моя комната нужна двушка или трешка кухня ванная тачка разумеется телик холодильник так сказать комфорт врубаешься я же вкалываю ты можешь не знать когда я прихожу домой мне нужны удобства ну а сам мужчинка мне плевать кем он будет вообще-то если у него все это есть если он нестарый нестрашный не мелкий не тощий не толстый не иностранец не негр не работяга не шпана не здоровяк не хабалка в общем понимаешь хочется какого-нибудь серьезного инженера коммерсанта врача застройщика ну я не знаю какого-нибудь современного чтобы рубил мясо выжимал фруктовый сок чистил овощи жарил омлет отжимал белье разбивал лед на кубики чистил ковры подшивал петлицы отмечал дни месяцы годы тысячелетия мыл посуду стерилизовал развлекал обучал экономил придавал солидности шика успешности почтенности в конце концов такого ведь можно найти я же молодой красивый парень да еще и неглупый я моюсь слушаю радио умею водить машину и у меня интересная профессия такие как я на дороге не валяются

из грязи это как?

(и когда он вылез из моей машины с длинным черным пятном на трусах я пошел вслед за ним он спустился в метро я оставил машину там и добрался пешком до ночного клуба неподалеку)

(на тротуаре зябко безлюдно я выдыхаю клубы пара перед собой не могу найти дверь (маленькую, неброскую, затерянную среди десятков похожих, ведущих в другие места) наконец узнаю табличку частный клуб тип изучает меня в глазок это толстая блондинка с отвислыми щеками королевы Виктории носом Людовика XIV животом Вильгельма II париком Жанны д'Арк она милая и воспитанная я вхожу)

(они расступались пропуская меня я шел и садился в глубине они наблюдали за мной краем глаза не здороваясь оценивали прикидывали гадали какую рожу состроить и останавливались на своей любимой физиономии пожилой великосветской дамы которой померещился чей-то бздех)

да-да я хорошо обеспечен но я пассивный

жаль я тоже

(красный, но не кровавый цвет, в который, наверное, окрашивали эти ткани с сырым, плесневелым, почти органическим запахом и такой же пористой структурой, как у легких – а красный цвет помады и лака, грунтовка агрессивного, неистово пылкого, пусть избитого оттенка, нанесенная на эти стены, вокруг этих уединившихся тел, что казались еще меньше в темных и тесных нишах – фальшивый красный, отдаленно напоминавший кровь для питья, возможность любви, разрешенный и великолепный гон – воскрешающий в памяти роскошное убран-

ство гостиничных лестниц или банкетных залов прекрасной эпохи – только здесь безо всякой опоры, плывущее над серыми, пыльными камнями, грим, который медленно осыпался из-за земляного пола, запаха подвала (канализация, метро, катакомбы), поглощаемый ночью, музыкой, размытый, померкший, пожухший)

(я сидел, оставленный без внимания, в том углу,
220 где никто меня не тревожил, и лишь пытался (с помощью изнурительного буйства красок, темноты, оттачивающей и утомляющей зрение, грубых мелодий, дешевых, затасканных, которые расплющивают и отключают мозги) обрести этот сон наяву, чтобы наслаждаться покоем)

у меня голова трещит от всего этого шума тут слишком громко и вдобавок я задыхаюсь давай выйдем

а я и не заставлял тебя оставаться

да-да все хорошо пошли на улицу

(мы шли по Елисейским, несколько подружек еще работали на Кругу, я едва заметно кивнул им я боялся считать, сколько виски он выпивал за вечер, но если он не смотрит на меня, значит, еще не опьянел, или ночная свежесть, легкий ветерок просто рассеял пары алкоголя)

(сон в котором перед моим неподвижным взором вновь и вновь проходят животы брюки слишком узкие на молодых поясницах плотно облегающие ткани растянутые томной массой гениталий и я навсегда засыпаю, убаюканный этими медленными, безымянными хождениями, вызванными алкоголем)

(мы поднимались на его восьмой на самое небо хотя еще со-

всем недавно спускались глубоко под землю в очередной раз запирались и я начинал раздевать его продолжая напаивать)

я выходил измученный и отыскивал вьетнамчика или китайчонка который тащил меня в Университетский городок и прежде чем подняться в его комнату предлагал прогуляться в парке при луне мы шагаем по газонам заходим в рощицы китаец хочет чтобы я его трахнул на лоне природы мы везде натыкаемся на парочки мальчики и девочки лежат рядышком или друг на дружке но не двигаются китаец расстегивает мою ширинку теряет голову от моего хуя я подыхаю от скуки мне не нравится его китайская черепушка мы поднимаемся к нему раздеваемся догола шелковое кимоно скользит по моим плечам я пью становлюсь грубым у меня желтые носки с двумя красными полосками вверху они идут мне китаец любуется моими ногами полы кимоно расходятся обнажая ляжки и яйца и всю ночь он повторяет Боже какой красивый мальчик скажи кто создал тебя таким красивым ты такой красивый и такой сильный но я все равно тебя изнасилую и пока он матерится я ебу его что есть мочи у него круглая гладкая задница я беру стакан сигарету а китаец снова за свое Какой красивый мальчик какой ты мускулистый и кто тебя создал таким красивым а я должен натягивать его по новой

я выходил из бара желал ему удачи и совершал долгий путь до Эйфелевой у меня это вошло в привычку там было полно арабов

вам нравятся китайцы эта желтовато-кремовая плоть и низкие задницы члены толщиной со свечку на новогодней елке

всего разок пошли потанцуем заодно и проснемся

я не сплю просто хочу есть

китайца всегда приятно трахнуть

тебе так нравится ебать

да

(я быстро подбирал сигарету которую он ронял на простыни он спал с закрытыми глазами в окне уже брезжил рассвет жара усилива-
222 лась я пытался расстегнуть, но его рука машинально прикрывала ширинку, он ворчал, я продолжал в том же духе, у меня вся задница горела, этот одновременный жест, когда он трогает себя сам и мешает это сделать мне)

задница у них ничего но уж больно они нервные грязные петушки эти желтушные лица они хватают тебя мнут руки ляжки шею кисти яйца так раздражает мослы и хлебало это надо видеть

да ну я не верил вот скотина

чем беднее тем подлее

(слушай очнись взгляни на меня я массировал ему виски растирал лоб одеколоном раскачивал створку окна чтобы проветрить комнату)

(он перепробовал все, пытаясь привести меня в чувство, чтобы я поговорил с ним, позволил воспользоваться моим хером, поплакать и все-таки заняться любовью – мне плевать лишь бы он дождался пока я нажрусь и не доставал меня если я перебрал это он должен за мной следить я пью все что он наливает пока стакан не вываливается из рук хрен с ним мне лень отказываться я ненавижу алкоголь выпью последнюю каплю чтобы отметить его отъезд какое счастье больше не прикидываться заботливым влюблен-

ным мужественным старшим братом самцом для теток пидовкам всегда нужно платить чувствами или баблом деньги хозяину или шлюхе они только это и знают)

а ты ебешь

как когда

надеюсь на сегодня ты успокоился, послезавтра я уезжаю из Парижа будешь делать все что захочешь я больше не могу выносить подобные вечера

потому что ко мне придут друзья нас будет человек восемь–десять если хотите прийти хотя нам больше нравятся активные

я-то сам не приду но у меня есть дружок вон тот напротив что танцует с малышкой в зеленом если вас устраивает спросите его

а он обеспеченный?

они вошли выпили поговорили снова выпили пока не начали смотреть друг на друга как незнакомцы туман в глазах и вокруг

и в этом тумане больше не считать члены и не готовить парочки но каждый один перед всеми показывать губы руки трусы и лишь вспоминать о том как мог свободно до них дотрагиваться

уничтожать их терзать словно их зубы ладони это стальное оружие острые осколки бутылки разбитой об угол стола

(удары кулаком и коленом хуи резкие влюбленные телодвижения взрывают все живое на своем пути раздавливают завладевают ликвидируют уродливые тела которые им не принадлежат)

моя комната здесь

они

приходили ко мне по восемь–десять человек сбрасывали одежду грудой на кресло и в чем мать родила некоторые с эрекцией а другие со сжатыми ягодицами начинали лапать друг друга но банально чтобы занять себя чем-нибудь во время предварительных попоек и после каждой рюмки нас все больше влекло к этой груде плоти мы возбуждались без разбора и различий

желать животом
плечами и ляжками руками дырками обивать
телом все вокруг перемешивать ноги ягодицы
пот отверстия алкоголь и слюну расплющивать
эту юную чистую плоть так же как собака грызет
кость тела сближались высовывались появлялись
отдавались их брали не оставляя ничего
разо-
рваться между ними и тоже исчезнуть
они напи- 225
вались трахались дрочили друг другу пока не кончали кровавой пеной кусались ели выплевывали
волосы и большие сгустки молофьи
плевать вы-
свобождать всё терять всё и в конце засыпать чтобы ни о чем не знать но я сидел там один перед
ними мне больше не хотелось ни их самих ни кожи ни внутренностей я бодрствовал
неистовый
праздник секреций движений верчений мышц наклонов голов заблудившихся в ложбинках глухих
уплощениях тела потоки пота и всех тех жидкостей что могут выйти из них пока они купаются
в наполняющей их воде
во сне я лежал на них во-
ображал то чего не видели ни они ни я
они при-
ходили мне так казалось
больше не хотелось ничего расплющивать под четырьмя–пятью телами
которые расплющивались четырьмя–пятью другими
и уже такие близкие эти ночи листва в садах
асфальт тротуаров аромат лип и ночной работы пекарен и аммиачная вонь общественных туалетов
желанный незнакомец все начиналось сначала мы

уходили вбирать в себя это вспоминать шептать друг другу как нам этого не хватало

и безудержное желание взорвать эти улицы эти стены эти запретные комнаты

они пытались проблеваться освежить голову засовывали палец в глотку до упора и рыгали задыхаясь откашливаясь бледные как полотно освежались смотрели друг на друга

и начинали снова

нереальные без сознания ненастоящие но мы верили в их существование танцевали они приходили один за другим танцевать пить кончать рассказывать о своей жизни

никакого желания никакой потребности они ждут повсюду воздержанные трезвые безликие мы проходим мимо раз за разом не избегаем их а наоборот ищем они не торопятся удерживают нас заранее мы это они мы их удерживаем

вечно то же самое

в один и тот же момент когда задеваешь ширинку целуешь сперму необходимый момент которого они умели добиться

дырки формы запахи подвижные мышцы внезапная эрекция в тупиках возле афиш в скверах и повсюду в вечно похожих местах где две стены сходятся углом дверь проваливается внутрь деревья скрывают показываются и высвобождаются хуи

мы приходим ждем урочного часа когда нас объединяют желание влечение усталость забвение сведенные на нет и выбираем друг друга

мы не понимали больше никуда не смотрели там не было зеркала

(все зеркальные
отражения перевернуты и похожи друг на друга
им противно если образ который они готовы отразить не появляется не показывается полностью
если он не тот к которому они только и жаждут
приникнуть левая сторона к левой правая к правой глаза в глаза)

выбившись из сил я выходил
из комнаты где парни члены головы хуи скукожившиеся после оргазма сваливались в кучу висели
будто на плоту а я шел проветриться

но ни единого уголка где это не продолжалось бы посреди
летнего буйства

никогда не кончаться вечно заканчивать оргия тет-а-тет одиночество

они держались вместе каждый протискивался между другими упархивая к кому-то сгибаясь ложась раскрываясь чтобы вложиться друг в друга полностью
выпрямиться идти пересекать другие пути прочерченные одновременно каждым из них они крепко
держали друг друга да мы и не смогли бы их отпустить

прикованный к ним, никакого страха, никакого риска, ежедневное удовольствие, словно
еда, поездка на метро, душ

и чтобы я говорил

я

не отвечал они меня больше не услышат будут
плевать на мои ягодицы смеяться хватать тянуть за член мочить его выкручивать вымазывать говном вставляя в себя трястись прижимаясь ко мне ловить меня жадно пожирать мой
живот кромсать мою кожу рвать мою задницу когда они стонут кончают то забывают меня окли-

кают умоляют чтобы я говорил стонал вместе с ними

(и придумывать новый способ как почувствовать то что они видели испытывали прежде пока от ходьбы нетерпения одинокого совокупления их тела не износились высушенная умерщвленная плоть облепляет кости задубевшая кожа собранная сохраненная спрятавшаяся вокруг члена словно он стал внутренним органом и они накрепко привязаны к этой колонне или мачте отбиваются обнажаются мучения напоминают им о жизни хуи шерудят у них в заднице которую жилы и нервы терзают изнутри они валятся развороченные признательные пропащие)

долгий бред я оставался запертым в нем бред с телодвижениями паузами неподвижностью

я выходил от них невозможно уйти разве что затеряться среди них на улице в сортире на вечеринке в ночном клубе в том же пунцовом мешке (где царапаются мяукают и харкают задыхающиеся кошки) мы были там танцевали пели платили

дождаться ночи пока не откроются эти двери за которыми мы будем жить против собственной воли

они ищут меня видят удаляются вновь возвращаются чуть позже подходят еще ближе изучают мои глаза и ширинку они знают обо всем заранее и хотят того о чем знают

наконец набрасываются на меня будто на шлюху отныне все происходит только ради них они могут делать вид будто все было сделано специально для них

музыка вокруг приглушала наши различия и смешанные безымянные словно

в тесноте турецкой бани мы начинали танцевать
закрывали глаза ощущали как наша одежда становится символом наших тел и ее желают вместо них из-за них

попробовать с воображаемым телом которое я держу за талию плечи и шею попробовать рассеяться раствориться в этом довольно сыром гулком месте и исчезнуть точь-в-точь как ушли другие

территория где мы прятались все вместе и каждый от всех

я сидел внутри мне было хорошо (глухой, спокойный, такой неприметный) но часам к трем–четырем утра нужно было выходить

(а на тротуаре ждали альфонсы непедики спавшие с нами мы находили их в паре шагов и трахались за пару купюр они нравились нам в сто раз больше любого из наших – их можно было раздевать догола пользоваться ими не считаться с их отличием от нас и представлять создавать те мифические существа что казались неприкасаемыми и в то же время затронутыми тогда как они не были ни теми ни другими)

они приходили уже изнуренные надеялись что если их будет несколько мы лучше запомним друг друга мы комбинируем более устойчивые отражения более тесные и надежные тюрьмы

здесь полое место приготовленное для всех я открою его они войдут развернутся я наконец их увижу

(ночные клубы пустеют, последние посетители уходят и все дольше смотрят друг на друга, смотрят по-настоящему)

их тела очутятся на улице и они вынырнут из своих глубин залитые той водой что содержится у них внутри мы утонем в ней окажемся под ней и вскоре переоденемся вместе с ним

(я натягиваю

его обитаю в нем шевелюсь внутри и он реагирует только на это движение простого присутствия моего хера было бы недостаточно я вынимаю его опять загоняю целиком полностью вынимаю и начинаю снова измочаленная задница зияет сокращается открывается моргает словно веко)

230

пере-

одетые друг в друга раздвоенные одна-единственная форма повторенная изнутри и снаружи

(я от-

крываю другие задницы смачиваю их и мну каждый делает со мной то же самое я наслаждаюсь болью которую причиняю для этого мы и совокупляемся сваленные в кучу асимметрично соединенные выебанные наискосок и трахающие по углам)

спрашивали У тебя есть где?

перемещаясь с места на место по всему моему пути они выходили присоединялись ко мне к нам и вместе мы поднимались по лестнице мы были там

они

вытягивают ноги сбрасывают одежду выгибаются дрочат свои хуи разминают чужие подносят херы и губы ко рту и к своей брызнувшей сперме замирают один за другим

от разрыва до разрыва, лето заканчивается
я не знал, как найти что-то другое, вести себя иначе
(каждый из нас по-своему кружил, медлил, не предвкушая больше ничего, а наша воля слабела, позволяла себе отдыхать на пляжах безразличия, что тянулись до бесконечности, засыпая песком грядущее)
и я прогуливался по пригороду, надеялся встретить там
(оставалось заново выучить то, что память собрала, а затем обратила в груду пепла, внутри все еще рдел багрянец борделей и танцполов – иногда по вечерам он с трудом, старательно заменял их для меня)
необычные партнеры, моложе, нужнее

(я поочередно обитал в таких разных местах, как эти улицы на городских окраинах с домами и палисадниками, вокзальные сортиры, туалеты на больших проспектах, модные кафе, засекреченные ночные клубы, гостиницы, бесчисленные пристанища подходивших ко мне парней, я переодевался при каждом перемещении, для короткой остановки, которую собирался сделать, родственная душа, лексикон соответствующих

телодвижений и желаний – но никто не стал бы сопровождать меня в этом переходе, меня больше не заинтересовал бы парень, найденный в одном месте и перевезенный в другое (особенно, если бы мы выбрали друг друга ради секса), поскольку пришлось бы разговаривать, расходиться во мнениях, появилось бы взаимное отвращение, поверхностное влечение, которое свело нас вместе, угасло бы, если бы мы слишком долго смотрели друг на друга, если бы нашли для этого время, постарались, рискнули) поэтому я инстинктивно ограничивался небольшим участком тела, небольшим набором выражений, фраз, способных рассеять являемые нами скудные образы уловки, заранее нас уничтожавшие, повадки птиц, священников или собак)

(часов в девять вечера я находил в сральнике пригородного вокзала белобрысого мальчонку в спортивном костюме, лет тринадцати, мы запирались на засов рядом с заколоченной выгребной ямой, из которой перло говно, оно пачкало обувь, нижнюю часть штанин, пальцы, мы выходили через полчаса, и парень убегал с мелочью в кармане я бродил до полуночи по этому неосвещенному району, где были перемешаны поля, заводы, деревья, жилые кварталы и железнодорожные пути уставший, грязный, грустный, смутно счастливый, а потому восприимчивый к малейшим впечатлениям, я взбирался на пригорки, насыпи, пересекал топкие стройплощадки, поднимался в гору по улицам и обнаруживал старинную деревню, видел перед собой на дальних холмах, сплошь застроенных особнячками, бесчисленные огни, желтевшие в глубине комнат, откуда лился свет, пронзавший черную протяженность холмистого горизонта, та-

кой теплый под холодными звездами я часто возвращался туда, мне хотелось снова встретиться с пареньком, он показался мне красивым, среди стариков в подтяжках попадались арабы без гроша в кармане, они приходили на этот вокзал с его развалленными туалетами, другие мимолетные возможности, мальчишки или наивные подростки, торопливые, с нетерпением ждавшие хуев, милые и серьезные, вопреки окружавшей мерзости и экскрементам мы трахались одетыми и месили дерьмо, но у нас не было выбора, мы забывали о нем потом я мылся и с недоумением думал о малышах)

(с тех пор меня уже не могли заинтересовать парижские педики, я предпочитал все дальше погружаться в темноту, в неизведанное)

в отличие от провокаций, забавлявших меня еще совсем недавно – например, долго целовать мальчика на улице или на глазах у легашей (ничего общего с поцелуями между пидовками в Тюильри, там все по-семейному, здравствуй, моя девочка, и потом по три чмока в каждую щеку, на провинциальный манер – разве что испытываешь удовольствие от публичного совершения того, что надлежит скрывать, и больше не считаешь каждый район обитаемым, освещенным, открытым, словно это опасная зона, где нельзя действовать в открытую) но смутный страх, который мы испытывали несовершеннолетними (усиливавшийся оттого, что, целуясь на прощанье, мы не притворялись и даже не пытались сократиться), доказывал особую природу наших объятий, никем не прерываемых и не высмеиваемых:

люди ускоряли шаг и отворачивались, как только понимали (если, конечно, попросту не предполагали, что один из нас – девушка в брюках, иначе их ошеломила бы правда) мне Париж представлялся огромной темной лужей, усеянной светлыми пятнами уличных туалетов и парков, посреди которой высились ненавистные и неизменные вехи – гостиницы или комиссариаты, когда как

все остальное сливалось в непостижимом, ни на что не годном, почти пугающем хаосе – вплоть до двух–трех часов ночи, когда город расцветал: его законопослушные обитатели спали, легавые ни за кем уже не следили, а мой неравномерно освещенный путь больше не был непрерывным бегством от одного укрытия до другого, наконец-то я видел все четко и ясно)

часы непринужденности, расслабленности, безопасности (на улице нет даже педиков или шлюх, бомжи возле метро спят сном обывателей, ночь не привлекала их, ведь они жили только благодаря присутствию других, тогда как мы жили только благодаря их отсутствию)

эти наивно рискованные поцелуи, эти бескорыстные прогулки помогли мне выйти из подполья – я не мог приспособиться к своему положению, ни за что не соглашался жить чужаком, это жульничество приводило к невероятным сближениям – от которых я вскоре откажусь, чтобы потом их возненавидеть

(после полудня и до глубокой ночи бульвары мало-помалу превращались в пустыню, и, прежде чем редел поток машин, исчезали пешеходы и гасли кафе, здесь воцарялась пестрая полночная суета)

альфонсы на посту удовлетворенные клиенты субботние педики вернулись домой или уже совокупляются улица пуста небо черно я смешон зажат между ними пространство, в котором я обитаю)

моя постель мой алкоголь моя грязное белье вокруг я включаю плитку слежу за своей лапшой хотелось бы ничего не хочется

(пробуждение застарелой болезни, мучительней воспоминания, словно встреча с парнишкой и эта бездна за спиной)

я думал о тех гадостях что совершал больше не хотелось я спускался по лестнице поднимался по лестнице смотрел как наступал вечер как занималось утро как заходило солнце как светило солнце как плыли облака видел то что видно в окно ради этого я там и сидел и был доволен

закатное солнце заливало багрецом железную крышу сортира недавно перекрашенного в зеленый цвет

(я спускался но застывал на пороге общественного туалета не решался войти в тот вечер потом замечал доступного парня в непристойных джинсах шел за ним со стояком мой вечер был обеспечен моя решительная неуверенность всего на пару часов когда хуй приказывал а я подчинялся)

(ничего не закончится каждое лицо каждое тело превысит холодную меру навязанную моей памятью предложит открыть себя заново заставит опять пойти по знакомому и не столь ненавистному пути ради боли испытанной там и ради очерствелости, ожесточения, наготы, к которым это снование взад и вперед ежедневно принуждало)

я заходил в сортир предлагал типу подрочить за двадцатку дрочил десяти типам в день если были каникулы и хорошая погода я нахожу их и у меня две сотни а на две сотни я могу склеить пидовку в трех-четырех барах или справить себе обувку в сортир зашла подружка и пригласила меня на оргию я отказался она фыркнула да брось ты и объяснила кто там будет я согласился Хорошо совпало сегодня я еще не кончал Тогда побереги силы сказала она там будет человек двадцать ох старушка вот натрахаемся я был доволен мой вечер будет да-да-да и я спросил можно ли переодеться он думал что можно у него даже была сумасшедшая мысль одеться мужчиной я спрашиваю как это а она отвечает

был один лесок малоприятный кучи мусора машины железная дорога цистерны заводы но мы брали мотик и через час добирались туда из Парижа после полудня в те дни когда не было клиентов

(тысячи моментов, сводившихся к механическим действиям, без каких-либо сюрпризов, если не считать плохого функционирования, что намного хуже правильного хода предусмотренных телодвижений, но в том же духе

повторенные пережеванные пересказанные при каждом пустом разговоре очищенные будто нежное и секретное вещество выделения

но я не избавлялся от этого по-настоящему мне казалось что я сдираю с себя кожу – оболочку, окружавшую меня, помогавшую становиться невидимым, неизменным, почти невесомым на мостовой, едва задевавшим тела, обращенным в вечное движение и создававшим вокруг себя неподвижные точки, беспрестанно разыскиваемые другие места, которые я обходил стороной, чтобы они сохраняли свои имена)

я говорил матери Не забудь про мой чай я бы с удовольствием выпил мяты сегодня вечером на улице жарко я вернусь поздно эти деловые ужины изматывают ты могла бы меня и пожалеть я выходил надевал трусы меньше обычного это были субботние я прятал их от матери и стирал сам я был слишком серьезным мужчиной чтобы носить такие к тому же они не поддерживают мой живот и разрезают надвое ягодицы но когда я снимал клиентов мне нужно было чувствовать под брюками эти трусы они бодрили казалось что я одет в чужое белье очень молодого человека с маленькой задницей и хером навыпуск я вспоминал что завтра у матери праздник и заходил в цветочный магазин заказать большие букеты тюльпанов роз сирени анютиных глазок маков гвоздик ромашек петуний пионов

ирисов гиацинтов лилий гладиолусов гортензий камелий бегоний азалий анемонов георгинов ломоносов нарциссов ноготков хризантем и других цветов которые можно увидеть там где они стоят затем величаво медленно торопливо семенил до Тюильри с наступлением темноты я надеялся наконец встретить там идеального дружка любителя импозантных но еще молодых мужчин такие ведь попадаются а в сущности мне нужно было просто положить свою большую голову на его маленькое плечо чтобы меня утешили

почему мужчиной?

потому что он боится соседей если придут девушки они останутся наедине с девушками и значит мальчики будут с мальчиками понимаешь так будет выглядеть благопристойно

ну и что

а то что я оденусь парнем чтобы спать с парнями вот что

ну ладно тогда я тоже хорошо что предупредил ты настоящая подруга как подумаю что я мог оказаться единственной девицей или с кучей пидовок в юбках

я как раз ищу подружек не хочешь мне помочь

нет я на мели поработаю еще пару часиков

(с той самой минуты, когда я встречал их, каждый из нас уже запечатлевался в памяти другого, словно, ограничившись тем или иным лицом, тем или иным человеком, ты должен был сразу идти дальше – после того как выполнишь над этим телом несколько ритуальных телодвижений, вроде тех, что мы совершаем, если случайно опрокинем солонку или если дорогу перебежит черная кошка

находясь рядом, мы проживали будущее, заранее разлучавшее нас и наполненное одинаковым

безразличием к тем завтрашним незнакомцам, которым мы приносили в жертву сегодняшнего мальчика)

я входил в сортир напротив сквера слева от меня стоял альфонс которого я не знал а справа пидовка которую я знал альфонс выходил а пидовка становилась на его место где не так сильно капало на ноги кто-то кого я не знал входил проходил у меня за спиной и терся животом о спину выходившей пидовки старик становился на ее место пока другая пидовка которую я не знал занимала мое потому что пройдясь по улице я возвращался и становился там где недавно стоял альфонс слева от меня стоял старик занявший место пидовки которую я не знал и которую снял тип которого я не знал и который потерся о пидовку которую я знал другая пидовка занимала бывшее место старика который уходил потому что ему было противно из-за пидовки слева и пидовки справа входил альфонс которого я не знал доставал толстый хуй и предлагал мне а я предлагал ему двадцатку а второй пидовке предложить было нечего и я делал ему минет его волосы пахли хером а хер не пах ничем у него были огромные яйца которые пахли яйцами и куча спермы которую я выплевывал чтобы не подцепить заразу потом вечерело я заходил в цветочный магазин просил беголии азании калемоны хризантиты анелилии и еще что-то красивое стоявшее в вазах вокруг торговки и приносил их пидовке которая приглашала нас в тот вечер я знал что эта чокнутая вставляет по два хуя за раз отсюда ее страсть к многолюдным собраниям

она садилась на мотик сзади и обнимала меня за талию не было ни облаков ни солнца мы скоро поженимся когда мне больше не нужно будет

выходить на панель словом когда я найду работу через клиента я выбирал их все старше и старше рассказывал о своей невесте и ее внебрачной дочери собиралась гроза я снимал рубашку и мы ехали очень быстро когда мужчины в гостинице видели мой голый торс они возбуждались я чувствовал это я же не слепой они сходили с ума сосали мои соски и подмышки но ей плевать на мой торс ей больше нравятся объемы а не красота в лесу я был в плавках под джинсами я снял джинсы и у меня встал из-за того что я подумал что она увидит что у меня встал если у меня встанет но она не легла на землю не раздвинула ляжки не лизала мою задницу и не подставляла свою мне захотелось красивого парнишку с хуем я разомлел от жары мотоцикла сжал в руке член и пошел подрочить под дерево как будто собирался отлить она сидела на траве и срывала ромашки ветер колыхал ее большие бесцветные кудри от свежего ветерка ее соски затвердели и он овевал мою головку когда я спускал я вдруг перестал мечтать о том типе что ебал меня в жопу приговаривая на ушко что я красивый мужчинка и представил ее голую на мотоцикле мотоцикл тронулся с места руль заклинило мотик свалился в пруд комариное болото напротив нас и она утонула вместе с мотоциклом а я кончил прямо на дерево я видел как клопы и муравьи уже поползли вверх все это слизывать собирался дождь в воздухе пахло грозой пора было возвращаться тем более что у меня свидание со старым типом толстым чудаком вставлявшим себе гвоздики между ягодицами

240

а он там будет?

разумеется нет я видел как он уезжал на мотике со своей подружкой понимаешь он и вправду хочет жениться

но он же так любит когда его натягивают

говорю тебе он женится и мы его больше не увидим

слушай мне хочется влезть на него напоследок можно пригласить его вместе с его сучкой?

не-не-не только не сегодня никаких других девок только мы одни но ты ведь знаешь того парня что спит с ним по понедельникам?

(безграничный восторг перед речью, при условии, что она носила ритуальный характер, была приспособлена для употребления, не выходила за рамки определенных тем и выражала лишь тонкую внешнюю грань, которую они хотели выделить, лестную и говорившую за себя

каждый предмет, жест, каждое приключение превращались под влиянием обозначавшего их заклинания в некий пароль, знак, его существование зависело от того, кто о нем говорил, доказывало, что этот привилегированный предмет или парень относились к одной из категорий, немногочисленных, ценных, единственно достойных уважения и понимания, куда входили божества и верования, которыми они украшали свою жизнь, свои ночи, разговоры и желания они совсем не любили красоту или истину: достаточно было, чтобы вещь или существо в точности совпадали с образами, которые их речь могла вызвать, не изменяя себе самой, и служили для постоянных славословий их собственной личности – каждая хабалка в сопровождении этой неизменной словесной свиты, словно в церковном облачении, жрица, подобная своему идолу – тотем, наделенный полом, лицом, руками, отдельными мышцами, служительница культа совершала перед ним богослужение, в бесчисленных гранях сверкало

ее раздробленное изображение, множество хорошо знакомых и забавных отсветов, которыми она, узнавая себя, гипнотизировала, пока полученное удовольствие и ее осоловелая голова не гасили все отблески и не рассеивали все верования)

мы уже гуляли вместе по бульвару Сен-Жермен словно я больше там не работал и парни казались ей очень элегантными я держал ее за руку говорил на ушко чтобы люди понимали что мы скоро по-
242 женимся и описывал наряды рассказывал сколько они стоили но она говорила что не смогла бы жить в таком квартале тут все дорого напыщенно и совсем несимпатично к тому же многие мужчины которые за нами наблюдали даже не

мне посчастливилось найти парня всего за четыре часа, он не был идеальным дружком но если накинуть полчаса на секс можно вернуться домой довольно рано и подольше поспать там должны были остаться галеты с лесным орехом и сухое печенье мать не обжора к ним не прикасается интересно что сегодня по телевизору я завидую ее субботам и тоже спешу поскорее стать старухой она умрет я перестану гоняться за химерами и наш дом в Лесу в полном моем распоряжении я не буду водить туда парней куплю кобеля или лучше суку чтобы избежать искушения он был испанцем и поразительно хорошо сложен но его комнате не хватало живописности она была почти приятной я раздевался он тоже раздевался он был веселый и хуй у него был великолепный очень красивый мальчик но я уже не в том возрасте чтобы возбуждаться от такой мелочи он выебал меня а я дал полтинник думаю что

я ждал испанчика на Лионском вокзале мы шли в лес в тот день была очень хорошая погода

на вокзале Сен-Лазар недолго выбирая между двумя туалетами я остановился на том что побольше два десятка мест с очень низкими и короткими перегородками которые ничего не скрывали и не мешали протягивать руки в девять вечера компания подбиралась изысканная в основном педики и даже пара-тройка работавших пидовок высшего разряда

даже не смотрели на меня она думала про себя какая я деревенщина мужчины на меня не смотрят потом сжимала мне руку и вдруг я видел как мимо проходил тип который трахал меня в понедельник мы смотрели друг на друга в упор узнавали друг друга но я не улыбался и он уходил она что-то просекла вот мымра спросила кто этот тип я сказал А это мой приятель он меня выручал много раз когда я опаздывал на поезд одалживал на гостиницу понимаешь я жил у своей старухи в пригороде но мы больше не общаемся в квартале это обычное дело слушай я покажу тебе саму гостиницу это недалеко отсюда будет много выпивки и еды в крайнем случае скинемся на месте она всегда все отлично устраивает и порножурналы вибраторы тюбики с мазью в нужных местах для дилетантов

пидовки приблизились к клиенту который делал вид будто ссыт но при этом жадно поглядывал на них выпученными красными глазами рядом стоял железнодорожник в фуражке и спецовке он решил что пидовки положили глаз на него резко обернулся и закричал Так ты хочешь его увидеть ну ладно смотри красивый правда слышь хабалка нравится и он встал посредине туалета размахи-

вая залупленным прямым фиолетовым безобразным хуем а пидовки прыснули со смеху прикрывая ладонью рот какой-то мужчина сказал работяге Как вам не стыдно месье а тот все тряс своим невзрачным прибором продолжая орать

(поскольку не было цели, выхода, разрешения и даже настоящего, все исчезало, не успев возникнуть, зарождения хватало всего на несколько вздохов, призрачные тела рассеивались еще до того, как их по-настоящему замечали

это отсутствие того, что давно ожидали, ловили, полагая, что уже держат его в руках, портило жизнь, наполняло ее горечью и тщетностью, свойственной тем вещам, что не воплощаются в реальности, полностью растрачиваются еще в самом намерении совершить прорыв, на который им уже не остается сил

слишком долгожданный, так и не пережитый, не оставивший никаких следов – или, подобно солнечным лучам, лишь пару ожогов на коже оставаться в плену у этих скачков, повторение которых заканчивается неподвижностью сконфуженного, нерешительного, неудовлетворенного человека – здесь никто ни разу не насладился хоть чем-то)

в общем они оба мигом переоденутся а жаль

если б она была там он все равно бы ничего не сделал

он мог бы трахать ему бы ничего другого не оставалось не даст же он выебать себя у нее на глазах

его там не будет ни его ни его ни

за вокзалом
мы проходили пешком несколько улиц под палящим солнцем одна вела к зеленому холму и превращалась в дорогу что отделяла дома выстроившиеся в ряд с одной стороны от полей цветущего рапса которые окаймлял огороженный лесок он показывал на этот лесок и называл его чащей мы шагали по широкой ровной дороге посреди полей и перелезая через колючую проволоку заходили под деревья трава на земле не росла мягкого места чтобы лечь не было и мы не рискнули вернуться в поля там гуляла куча народу потом я встал на колени перед малышом он позволил расстегнуть себе ширинку оголить ягодицы и живот у него был большой очень красивый член и я зарылся губами носом в его волосы точь-в-точь как юные девушки кончают с собой вдыхая аромат огромных букетов лилий

две гвоздики в заднице или в петлице красная белая пряный запах как от некоторых шевелюр особенно красные гвоздики

(каждый вечер сотни тысячи педиков выходили и сближались но каждый в том чрезвычайном, тревожном состоянии, которое приводило к коротким жестам, нервным сокращениям, непроизвольным оргазмам топтание на месте в потоке людей спешка нетерпеливое желание обладать – и все разъято на части удовольствия колебались словно мысли произнесенные слова становились подобранными где-то неодушевленными предметами и важен был не их смысл а их наличие и то что именно их а не какие-то другие собирали держали в руке показывали будто забавные

камешки составленные в определенном порядке которым хотелось сказать да)

(ощущения воспоминания о знакомом состоянии, обретенном вновь лишь для того, чтобы в очередной раз быть отложенным, удаленным, словно четко различимое, однако недоступное созвездие)

ты не против сходить туда она соглашалась красила губы светлой помадой и душилась крепкими духами я говорил это обойдется недорого они сдают комнаты на час мы немного отдохнем так душно перед грозой

и они заходили на улицу Катр-Ван спрашивали комнату хозяйка проводила их широко улыбаясь они запирались слегка раздевались источали запахи он кидал ей семь палок он сказал мне девчонкам я кидаю по семь палок он говорил это потому что со мной он вымучивал всего одну или даже вообще ни одной и кончал только если дрочил себе пока я ебал его я трахал его всего один раз хотя как-то вечером вставил ему четыре раза потому что у меня была куча времени и он тоже трахнул меня разок а вообще-то я видел его всегда под собой он упирался такой страстный дрочун и усердно подмахивал мне ягодицами в общем он умел выложиться по-взрослому но сегодня двигал своим хуем в девчонке а не чужим хуем в своей заднице потом она сидит на биде избавляясь от белесых похожих на сливки волокнистых сгустков его спермы плавающей в теплой воде хотя молофьи у него не так уж и много

(суббота и несложное, четкое, откровенное желание два парня, одна кровать мы вдвоем из принципа но второй

не в счет если только он всегда другой похожий согласный привлекательный нейтральный и если чувствуешь что у вас одинаковые тела с привычными ощущениями

у меня не получалось я нервничал и в тот день снимал клиентов в пригороде на том вокзале где мне сказали что иногда попадаются)

(причисленный к ворчливым, нерешительным, непокорным, которые ненавидят любовные связи, терпеть не могут интрижки, любят тела они всегда слишком быстро выпускали меня из лап, я не наслаждался и сотой долей того, что замечал

больной на голову маньяк руки чешутся)

в другие вечера он дрочил себе не спуская задерживал или точнее прерывал – я видел как он резко выдергивал руку из-под живота отводил в сторону почти поднимал растопыривая пальцы словно дотронулся до горячего блюда или паука он берег силы для свидания, которое было у него потом, и компенсировал недостаток удовольствия тем, что сильнее терся кишками о мой хер я вставал вытирал хуй а он развязно садился рядом со мной на биде пердел под водой и я угадывал в пузырьках желтоватые частички спермы клизма он тщательно ополаскивался и щурясь говорил с досадой Знаешь девчонкам я по семь палок кидаю

(с той минуты когда вы оба чувствуете себя в постели одним целым, а от знакомой дрожи при мастурбации пощипывает тело, вы выбираете это, говоря абстрактно, вы знаете, что вас двое, что существует множество, что-то рядом с вами, доста-

точно живое, чтобы возбудить, усилить одинокое удовольствие, сделать фантазм более осязаемым, не стесняя, не мешая ни тому ни другому, но при этом не обнажая их ничтожную двойственность)

(когда он заходил в магазин украшений и долго выбирал свечу, радуясь маслянистому на ощупь веществу, хвойным, коричневым или янтарным
248 цветам, ее огромной величине, и пока трогал ее, глаза его загорались от буйства фантазии, подобно глазам художника, ощупывающего камень – здесь или в овощном готовится совокупление, оно растянется на всю ночь, благодаря медленно освоенному искусству заниматься любовью с самим собой)

(или когда он задирает ноги, а я натягиваю его, такой длинный хуй и такая гибкая талия, что он складывается вдвое, берет в рот собственный член и сосет, а я дрочу его у основания, до тех пор пока молофья не заливает ему глотку, забрызгивая лицо и стекая по волосам)

(или когда подглядывает за собой в бесчисленных зеркалах, получает для своего отраженного тела самый красивый образ-первоисточник, стремясь отыскать среди оттенков стекла, в расположении ламп, среди цветов стен и тканей те, что, отраженные этим телом, превратят его в идеальный и недоступный образ счастья)

(или когда он принимает ванну с хорошо рассчитанной температурой, расставляя вокруг себя напитки, лакомства, сигареты, радио, непристойные снимки и, пользуясь интимной близостью со своей кожей и всеми ее отверстиями, обеспеченную мыльной водой, исследует

себя, ощупывает, скользит, проникает – а результаты этого удовольствия всплывают медленными струями на поверхность)

(или когда он гладит свои небритые, непривычные щеки, пока под его прикосновениями не рождается мужественное, дикое существо-соперник, и наделяет его соответствующими чертами косматого и грубого самца, так что при виде грациозного педика, которым оно было до этой метаморфозы, у него встает, и тогда оно насилует его)

(или, возможно, самый нежный и умелый из парней, когда наши тела соприкасались, а мой хуй искал его задницу, он неизменно читал свою пылкую, влюбленную молитву, литанию, повторение которой разобщало его со мной и подчиняло его собственному телу, чудесно излеченному хером, который недавно спустился туда и полностью его озарил

а также преклоняясь перед каждым общественным туалетом на бульваре – словно, оставив без внимания хотя бы один из них, он боялся оскорбить божественную частичку, способную избрать его, но, видимо, покидавшую эту молельню, как только туда входил верующий, пусть даже снаружи это место по-прежнему производило чарующее впечатление святилища или убежища)

я изучал расписание поездов рассчитывал маршрут позволявший съездить туда поснимать пару часов клиентов возможно потрахаться и вернуться последним поездом если бы только какой-нибудь из этих пригородных мальчишек захотел поехать со мной в Париж переночевать у меня я знаю пришлось бы его помыть накормить запла-

тить только совсем немного они ведь без понятия какие здесь цены

мне негде остановиться но я знаю одного человека у которого можно

он будет там?

да но он нам не помешает он уже не молод понимаешь любит просто смотреть

что-то не особо меня вдохновляет ты уверен что у нас двоих не хватит денег на гостиницу меня беспокоили люди, у которых он, наверное, часто бывал, ему было восемнадцать, детское личико, мозги новорожденного, но тело большое, крепкое, нежное, на все согласное, гениталии исполинские: я представлял себе его дружков властными или по-матерински заботливыми тапетками, помешанными на том, чтобы их буравил этот великан, красивый, ласковый и веселый, совсем не гордый, словно это был не хуй, а просто большой нос)

комната была красная противного блеклого красного цвета шторы и покрывало пахли духами она смотрела в открытое окно на узкий проход внутренний дворик и внизу в луже дождевой воды рядом с мусорными баками валялась дохлая собака она спрашивала Видел собаку он отвечал Это сука это была сука он умерла когда рожала щенков их всех утопили кроме одного это пудель или спаниель и он вспомнил суку которую загрыз на улице бульдог или бассет и у него встал он пошел подрочить возле шторы как будто хотел еще раз посмотреть на суку его возлюбленная садилась на кровать качала ногами и слегка скребла ногтем частички засохшего дерьма застрявшие в ворсистом одеяле когда им вытирали хер интересно что у него было в тот день в заднице никто другой ни разу меня не пачкал или на-

верное кто-то сказал что перед еблей лучше не испражняться он решил попробовать и это я помог ему облегчиться

высокого парня в очках и косоглазого малыша и худышку этого дохлика он ходит с бесцветной пидовкой знаешь из тех что всегда ошиваются в сортире возле Оперы их тоже пригласили

я поднимался по Севастопольскому бульвару и заглядывал в общественные туалеты там их полно потом мчался на Центральный рынок и через четыре–пять часов следил в одном сортире за парнем лет шестнадцати–семнадцати щупал его хер он щупал мой мы договаривались но тут входил старый перец становился у нас за спиной доставал свой прибор тряс им чтобы мы потрогали настаивал и лапал нас за ягодицы я несколько раз говорил ему отвали я выхожу из себя когда малыш убегает из-за этого говнюка и я хватаю деда за воротник стискиваю зубы перевожу дух бормочу и луплю его по голове в нос в челюсть возбуждаюсь мой кулак обрушивается сверху вниз и с тыла какой кайф я убью его тип обмякает я держу его за шею колочу по глазам и обрюзглым щекам гаркаю Старый вонючий кусок дерьма ты оставишь нас в покое продолжаю избивать его по морде и по диагонали чтобы нанести побольше увечий попасть во все ложбинки расквасить будто леплю лицо из шарика горшечной глины потом хватаю за волосы разворачиваю и со всей дури пинаю так что он падает головой вперед в сток я спущу шкуру со всех этих старых педрил которые достают нас когда мы снимаем клиентов я снова находил мальчонку возле сквера Невинных мы входили гуляли североафриканцы с дедулями мы закрывались

в сральнике в конце узкой аллеи позади зарослей с надписью на двери только для детей в общем такая лачуга с нехилыми горками какашек но она не запиралась на засов и кто-то пытался открыть хотел присоединиться (я представлял себе одного из этих богатых сучар с тачками и хатами где можно трахаться они приходят сюда специально из-за страха из отвращения чтобы приставать к парням у которых нет ничего разве что рожа не такая страшная да возраст не такой старперский) мы держали дверь а он тряс я угрожал ему я еще был на взводе в конце концов он уходил я целовал малыша сосал ему хуй тот опадал

возбуждающие цветы с прямыми стеблями завернутые в кальку будут ему на свадьбу раз уж он женится я возьму по дешевке профессия позволяет вот только в букете они совсем не такие красивые как в хорошо составленном венке на следующее утро он был в церкви ему конечно нужны были деньги я сказал Спасибо что пришел смотри какая красота прекрасная обивка орга́ны канделябры свечи великолепные цветы два ряда декорированных красных кресел для богачей и длинное надгробное слово с раскатистыми «р» коль уж я тебя побеспокоил вот еще сто с полтиной в саду у дома священника есть небольшой туалет пошли? ты и впрямь решил жениться как ты меня огорчаешь такой красивый мальчик как ты хуже чем если бы ты сказал что тебя расстреляют словом я поговорю со своим начальником да можно устроить тебе красивую церемонию не слишком дорогую она хоть симпатичная твоя барышня ей крупно повезло хотелось бы мне оказаться на ее месте ах все время кажется что ты не на ней

а на мне женишься а сегодня вечером не хочешь я дам тебе три сотни плюс гостиница и выпивка если бы ты жил у меня то мог бы плевать в потолок я делал бы за тебя всё я прошу просто меня поебывать и относиться с пониманием когда я устану слушай если ты женишься на гробовщике это же настоящая профессия лучше не придумаешь стабильная солидная почтенная ты видишь я процветаю ты будешь похож на меня стоит только захотеть

на тротуаре другой тип

на двадцатку что я дал ему за отсос я мог бы купить себе

это было не слишком дорого либо он из провинции либо у него сифилис минет по такой цене в околотке это не принято

я шагнул в просвет между деревьями и увидел как двое обнимались один намного выше второй целовался запрокинув назад лицо будто пил залпом а высокому приходилось низко опускать голову у него обильно текла слюна

вдобавок он спустил смешной альфонс никогда не разбогатеет слишком уж любит секс

я зашел во Флору узнал его он сидел с кем-то но я не стал волноваться я знаю что он никогда не снимает первого встречного а бросает его ближе к полуночи и уходит на Центральный рынок он предпочитает тамошних

(в общем как-то раз я привел мальчонку из пригорода но он быстро заснул и я дежурил над ним с каждым движением во сне он приближался ко мне, искал мои

руки, ляжки, член, грудь или живот и находил себе там местечко, сворачивался, растягивался, прятался, зарывался, словно я был поверхностью (мягкой, теплой, спокойной, ритмично дышавшей), под которой блуждал его сон)

это всего-навсего тупая пизда но он бережет хуй и язык для нее он никогда не целовал парня

зато хорошо сосет

а так он у тебя отсосал ну тогда ты единствен-

ный счастливчик

мне от этого не легче (мне нравились его зубы губы и я ревновал к собственному херу который имел право со всем этим соприкасаться проникать туда в то время как моим ртом он брезговал)

этот тип в очках твой отец?

отец детей моего клиента

у окна, чтобы видеть, как по улице, несколькими этажами ниже, проходят стайки педиков, это напоминает бесцельное шествие

украшенный султаном катафалк верблюд и фраки тесть будет держать свою дочь зять схватит тещу когда я думал об этом и что он возможно забудет какая у него легковозбудимая задница

(мсье мне хотелось бы трансвестита с усами и в больших башмаках чтобы я мог сдавать его напрокат нет-нет никакого парика на грудь мой друг терпеть не может волосы на теле)

он надоел мне каждый день одно и то же хорошо что он скоро возвращается к жене насколько я знаю его знаменитую семейку это брехня

дорогая мы уходим все они тут хабалки

ну надо же это ты (он не ответил я с удивлением подошел к дереву споткнулся о корень и ударился головой о его подбородок)

так не годится (я извинился и пошел дальше туда где было светлее от фонарей на набережной я вышел и увидел одного из них он ждал у моря погоды у него были красивые широкие ягодицы готовые кого-нибудь загарпунить я так возбудился что даже провел рукой по члену чтобы успокоиться пидовки с красивыми толстыми жопами всегда будут сводить меня с ума)

помимо верблюдов, можно прокатиться на осликах, они, конечно, погрязнее пони в Люксембургском, но больше нравятся девочкам они садятся на них боком или верхом широко расставляя ноги будто на хую (а если на животном катались маленькие мальчики, их ножки раздвигались очень широко, одна влево, другая вправо, почти на одной высоте с попками, и они спокойно покачивались вместе со старым ослом из-за этого их штанишки натягивались, и обнажалась промежность, виднелся кусочек белой и толстой ляжки, туда падала их зверюшка, пухленькая, простодушная, закругленная, недовольная и влажная, точно улитка или большой пальчик, который они сосут, чтобы уснуть)

(здесь не оставалось и следа от парижского оживления ночь была тихая вокзальным огням по сто лет туалеты обращены не к набережной а к темному углу площади и по ту сторону путей текла Сена берег напротив склады песка и кирпичей подъемные краны баржи деревья-одиночки

с вечно голыми ветками высокие здания фонари на шоссе выстроившись в ряд напротив решетки набережной рядом с туалетами молчаливые нерешительные типы шпионили друг за другом затем парень помоложе или светлее одетый или вышедший из машины которая минуту обшаривала фарами тротуар сея панику выступал вперед проходил вдоль остальных заходил в клозет и кое-кто снимался с места чтобы последовать за ним внутри было три писсуара и два унитаза все заделано вонь вода перекрыта они снимали клиентов шлепая по луже застоявшейся мочи трахались топчась по месиву из дерьма и рваных газет старый араб приходил туда каждую субботу подрочить в дверном проеме глядя на типов снаружи или внутри издавая негромкие возгласы какими погоняют животных)

все они уже были навеселе и занимались непотребством Тюильри закрывался они перемещались в сторону цветочных клумб, сразу за решеткой, напротив площади Каррузель проходили по расположенным полукругом аллеям, перелезали через ограды, попадали на ту тропинку, над канавой вдоль решетки, дорожку, где после полудня прятались галдевшие дети и гонялись друг за другом собаки они толпились в зарослях некоторые снимали штаны мне было стыдно я довольно быстро уходил

(она наденет пунцово-белое платье я прицеплю к нему гвоздику которую достану из задницы старика и отойду на минутку поссать а потом скажу Я снова вставлю тебе твой цветок сегодня вечером и она слабо улыбнется)

(очень молодой араб катался на велике чуть поодаль, у входа в вокзал, взрослый велосипед был

для него великоват, и он крутил педали стоя, медленно вихляя бедрами я заговаривал с ним и он довозил меня до городского парка с удовольствием болтал пыхтел на своей лайбе и без конца улыбался словно подбадривая меня мы приезжали туда находили два толстых дерева в сторонке размещались мне было уютно под деревьями они почти всегда находились где-то поблизости когда я занимался любовью)

они наряжались по-всякому даже в парочку обаятельных моряков

квартира была большая но места на всех не хватало приходилось складывать столы и стулья друг на друга и некоторые гости оставались на лестничной площадке обиженно ждали сидя на полу и теребили ворсинки на половике

(прочие ночные преимущества через каждую сотню шагов, на каждой новой улице, все зависит от деревьев, витрин, наклона мостовой, освещения, наличия или отсутствия гуляющих, времени суток, крыш, звезд, множества сглаженных или выступающих, вытянутых либо укороченных рельефов, очерченных фасадами зданий, памятниками, припаркованными машинами я мерил шагами все эти ночи одну за другой, но больше всего любил самые грустные, самые замкнутые, съежившиеся, тесные и душные, похожие на спящего бомжа, крытые переходы, тупики, невероятные лестницы, апсиды церквей, зажатые низкими домами, кромешный мрак, стиснутый, гадкий, узкие улочки, вырезающие только для себя длинную полоску света в безлунном небе)

и внушали мысли о самоубийстве, как всегда, когда болит хер

военные с туго набитыми ширинками которые были частью наряда для этого нужно всего лишь скомкать пару носовых платков и засунуть в трусы

(моя невеста обнять ее прижаться к груди поцеловать пизду будет противно но я должен жениться и она же не уродина у нее-то как раз толстые ляжки женская задница и мужские ступни)

они ставили пластинки наугад и танцевали я выходил на улицу слышал шум видел свет и думал о том что сегодня субботний вечер

(каждый в разводе по второму разу моя мать высокая и сухая с ногами как у страуса потаскуха а он жирный толстый большое брюхо и вечно в разъездах мотается мы ездили всей семье на море у него еще был взрослый сын наверное боялся за него или за нее или за меня)

(очень красивый утверждал он но с нами так и не познакомил пидовка с толстыми ляжками презирала меня я переходил по мосту на другой берег Сены и заглядывал в туалет на вокзале д'Орсэ через пару минут входил тощий брюнет лицо индусское руки гибкие смуглые блестящие и блестящий смуглый хуй уже торчал наружу он не хочет запираться в кабинке я тяну его за хер и говорю Ну пошли он идет и сразу отворачивается наклоняется под прямым углом подставляя тощие голые ягодицы я вставляю быстро кончаю он тоже быстро кончает и уходит а я остаюсь не решаясь натянуть штаны потому что нет ни носового платка ни бумаги чтобы вытереть член он в дерьме темно-коричневый блестящий гибкий и воняет)

ты любишь когда тебя трахают? у тебя живот ты мне противен меня привлекают высокие худые парни с черными волнистыми волосами суровой внешностью

(тусклые грязные патлы нос крючком костлявые челюсти бледные волосатые кисти покойника сизые щеки с круглыми ямочками потерянный взгляд изголодавшегося стервятника эти мрачные рожи овернцев цыган на бульваре они встречаются на каждом шагу)

у тебя же есть облегающие розовые брюки и открытые приталенные рубашки фисташкового цвета на загорелое волосатое тело ну так дай две сотни если хочешь мне подрочить и пятьсот за то чтобы я тебя трахнул но в принципе я не путаюсь с такими типами как ты у тебя-то самого какой хуй покажи дай взглянуть

(и он хватал его не говорил больше ничего страстно целовал а я требовал сотню франков)

они ложатся на ковролин в пятнах от всех жидкостей проливаемых человеческим телом оно липнет мочит и пачкает мне нравится купаться в нем

у тебя нет даже тридцатки даже нечем заплатить за комнату?

(сквер Невинных я пытался заставить паренька натянуть меня но у него опадал когда я приставлял его головку к своему очку я чувствовал как он расплющивался будто нос прижатый к оконному стеклу я развернулся выпил его сперму гладя его живот вылизал анус одновременно дроча себе сказал до свидания прямо в губы еще одна суббота закончилась)

не больше сотни ворчунов оставались одетыми и прячась по углам рассматривали красные драпировки в квартире мечтая их поджечь

(она возьмет мужа за руку, решит, что будущее обеспечено
я поцелую его без особого отвращения впрочем у меня страсть к некрасивым мужчинам например тот банкир к несчастью женатый)

он был на улице с шести вечера
тип в джинсах
в штанах пусто я возвращался в сортир прямо передо мной мягкие цвета заходящего солнца я стал искать там и в других местах
я дежурил
напротив сортира кто-то вышел и я вошел место посредине самое лучшее я мог оставаться там всю ночь а с обеих сторон люди сменялись некоторые периодически заглядывали снова видели меня и злобно проклинали вполголоса или измученно вздыхали (словно я был назойливым, несносным, одержимым человеком не понимавшим что слишком толстый страшный и не может понравиться но я это знал поэтому-то здесь и торчал) или порой плевали в меня молодежь снаружи стучала по жести шутила злословила Этот старый банный лист когда-нибудь выйдет? но я держался до рассвета в конце концов кто-нибудь да придет у меня так бывало и будет еще я боялся типов, ссавших взаправду, несколько человек ждали, смешавшись с педиками или отдельно, они хорошо понимали, что человечек, захвативший место по центру, как раз из таких, и говорили об этом или пьяные бомжи ссали дрочи-

ли блевали разговаривали сами с собой набрасывались на меня затирали я бормотал Отстаньте мне плохо

вскоре они выжили меня хитростью это были два умника которые наверняка встретились в другом месте и зашли поразвлечься в сортир потому что больше негде в общем им нужны были два смежных места я по центру мешал тогда тот что покрасивее встал сбоку и сделал вид будто я заинтересовал его показал красивый молодой хуй и когда я захотел потрогать знаком предложил выйти на улицу я не смог устоять вышел следом а он тотчас вернулся в туалет где его приятель уже занял мое место и когда я вошел на них поглазеть они отпиздили меня и громко закричали чтобы слышали прохожие на бульваре Нет ну ты дашь нам спокойно поссать чертов педрила чокнутый какой-то! я расплакался от досады

я был там ждал медлил трогал себя слегка мочил пальцы с внутренней стороны решал протянуть руку влево над перегородкой

словно золотая рыбка плывущая между зелеными водорослями в аквариуме рука пробирается ко мне вслепую ищет мой хер это старая рука я шлепаю по ней она отодвигается потом тянется снова я шлепаю сильнее она уходит возвращается я хватаю запястье выкручиваю и тут показывается голова маленькая лысая склоненная свежая радостная глаза выпучены он восклицает плаксивым голосом Я обожаю это обожаю и улыбается мне как ангелочку

я трахнул парня у него к комнате через час трахнул еще одного в подвале потом кто-то отсосал мне в подъезде делая вид что завя-

зывает шнурки мне только что подрочили в сортире и очень хочется чтобы кто-то вскочил на меня пока я не вернулся домой тем более что уже полночь

(я шел по бульвару Сен-Мишель на тротуаре тяжелее всего я смотрел на парней гулявших в субботний вечер проходил сквозь огромную вереницу купался в ней натыкался протискивался позволял давить себя трясти я был влюблен все эти

двадцать секунд за один миг открывал для себя и желал столько мальчиков подростков и парней сколько никогда не пройдет через целый квартал за всю жизнь педика потеряв голову от красивых лиц бессознательных мясистых ширинок бесчисленных задниц детских грубых чувственных смешных круглых миниатюрных наивных дерзких ленивых возбужденных сонных брюзгливых шаловливых разборчивых неприметных ласковых и болтливых мой обезумевший взгляд пожирал все это расстегивал тенниски гладил грудь обнимал за талии и животы измерял длину и ширину хуев взвешивал на руке яйца целовал предплечья кусал бицепсы хватал ляжки лизал колени грыз задницы нюхал затылки запутывался в волосах всасывал поцелуи собирал выдохи придумывал шевелюры ароматы густоту теплоту прикосновения и ловил взгляды которые сразу же отворачивались что-то во мне металось нервничало вертелось по кругу требовало воображало пиршества рычало разрывало части моего тела попадавшиеся под руку водворялось в моих зрачках и доводило их до бешенства в моих ладонях и вызывало в них дрожь я добирался до Сены в изнеможении в отчаянии шел по мосту навстречу шагал молодой парень не педик он не отводил взгляд и я в удивлении оборачивался)

нежное лицо снова поднимается и глаза загораются я иду за ним догоняю готовый на все он просит бабок слегка улыбается он настрадался от девушек на бульваре так же как я настрадался от парней мы хорошо друг друга понимаем у меня осталось пятнадцать франков он говорит этого хватит я спрашиваю куда пойдем он отвечает в гостиницу я говорю что не смогу заплатить за комнату он возражает что сам заплатит я говорю Это идиотизм гостиница стоит пятнадцать франков у тебя ничего не останется он отвечает что все будет хорошо наверно он попросил бабок просто из самолюбия (или потому что это слово инстинктивно вертится на языке когда к вам подходит педик – поколотить или раскрутить на бабки) мы снова добираемся по улице Сен-Андре-дез-Ар и по другим до гостиницы я не спрашиваю как его зовут ему восемнадцать он тощий застенчивый он трахнул меня мы лежали на боку он не хотел или не смел ложиться на меня сверху входил глубоко я дрочил себе гладил его везде но не мог возбудить у него стоял только когда я сосал ему хуй поначалу мягкий маленький он так сильно вытянулся во рту что пришлось немного выпустить наружу плоть росла беспрерывно несмотря на жару на нем было три свитера чтобы плечи казались квадратными хотя они нравились мне в натуральном виде но он считал это минусом в глазах девушек ему хотелось иметь вот такенные плечи и вот такенные бицепсы мне нравилось сосать его хер он не слишком твердел оставался вполне съедобным Тебя сильней возбудило бы если б сосала женщина да говорил он и улыбался со сдержанным но страстным видом гурмана мне нравились скромняги один клык рос поперек резца с белыми зубами это выглядело красиво зубы

шалили так бы и расцеловал пришлось выключить свет а затем продолжить он все никак не решался я был вынужден лечь набок жопой к нему и тянуть за поясницу он не шевелился я смочил себе анус взял его член залупил вставил засунул потихоньку теперь у него стоял глубоко внутри головка причиняла мне боль скучно когда тебя ебут я не мог получить того что меня возбуждало терял терпение трогал его зад спрашивал Неужели я тебя не трахну? он ответил с несчастным видом нет я поискал его очко он повторил нет моя рука осталась у него в паху прижатая к заднице и яйцам он не гладил меня нигде

он двигается резче скоро кончит я немного ласкаю себя чтобы спустить одновременно и снова завожусь вытираю руку о простыни он вынимает член из задницы тот еще не опал я подрачиваю его он слегка съеживается в руке парень чувствует себя глупо я говорю Жаль что ты не педик мне бы хотелось заняться с тобой любовью лицо у него мягкое но профиль агрессивный

(бесконечная вереница событий разворачивается у них перед глазами не выразить ни одним словом пришлось бы осветить остановить приблизить их к себе чтобы сделать крупнее (но в самом средоточии выразительности, образуемом бровями, веками, скулами, мы обнаружим лишь безжизненный шар, его поверхность неравномерно отражает свет) мы не помним этот беспредметный взгляд говоривший лишь о самом себе)

они даже не позволяют вам разглядеть свою задницу вблизи

другой после оргазма стал бы отстраненным, злобным, полным ненависти, но он

остается любезным, не торопится, слегка разбалтывается я предлагаю трахнуть его, он как ни странно колеблется, но потом отвечает, что некогда плевать, я и так уже сегодня натрахался, если не щекотать, потребуется целых полчаса, чтобы я спустил ему внутрь

мои парни

в тот вечер я плохо видел головы один в Тюильри у него было виски комната и он называл себя студентом-медиком значит работал коридорным в гостинице пока я его шлифовал он рассказывал истории У меня есть приятель в детстве он оскопил себя стукнув молотком по пипиське вот такой придурок вообразил что раскалывает орехи или расплющивает муравьев детвора право слово теперь он ссыт через дырочку и спускает каждые две недели во сне или когда долго массирует себя через задний проход но когда у парня нет пениса даже педикам противно Наверно твой приятель счастлив Да представляешь он не может даже дрочить и все время влюбляется у него были шприцы я спросил Ты колешься? он ответил Нет это для больницы и стетоскоп всякие игрушки ни одной книги его сестра скоро должна была вернуться пора уходить уже шесть часов и задница (гигантский анус водяная баня где поместились бы три руки он смеялся сопротивлялся нетнет когда его лапали слабоумная чокнутая целка импотент он подрочил себе сказал Я кончаю и ничего не спустил я не спросил куда делась молофья выпил его виски подмылся и ушел он стонал ох-ох при каждом толчке хуя и ойкал в начале для вида)

ты же видишь у нас не хватает на гостиницу но уверяю тебя он нам не помешает он уже не молод понимаешь ему нравится просто смотреть он зво-

нит в дверь первого этажа я жду у него за спиной открывает хабалка узнает его Ну входи сухим хриплым гнусавым голосом задает вопросы резким тоном отца или легаша холодный гнев злость на него ревность ко мне тощая хабалка в одной рубашке изможденные руки но торс очень широкий раздутый грудь колесом землистая кожа волосы с проседью лицо вульгарное жеманное мертвенно-бледное очерствевшее от старости низости алкоголя я говорю большому ребенку который меня сюда притащил Уходим слушай я не смогу трахаться на глазах у этого а этот в старых стоптанных туфлях с голуазом в зубах прижмурив глаза смотрел телевизор стоявший на полу (экран украшали багровые шторки как в кукольном театре) больше никакого света не было вся комната утопала в шторах мехах занавесках подушках коврах а сама хабалка развалилась в глубине на диване завешенном тканями точно плечо арабской торговки мы лежали перед телевизором и целовались пока хабалка пережевывала воспоминания а потом показала мне свою коллекцию фотографий с хуями (все сняты ею самой, хуи у нее в заднице, а снимки в коробке) за хуями на заднем плане улыбались размытые рожи их блаженных обладателей

меня раздражали его любовники его нравы я говорю ребенку Я ухожу прощай отощавшая хабалка поняла что она мне неприятна невзлюбила меня схватила под руку напомнила что я пустое место и добавила В пору моей молодости я была чертовски красива

спускаясь в метро Шатле я встречал шестнадцатилетнюю пидовку, непосредственную натуру, еще до конца не оформленную, она ходила на цыпочках, плечи напряжены,

руки неподвижно висели вдоль тела, и лишь кисти слегка загребали при каждом шаге, точно маленькие весла, наверное, просто помогая легко сгибавшимся, подпрыгивавшим ногам и над этой расстроенной марионеткой покачивалась слишком юная, слишком простодушная голова, еще не разъеденная женоподобностью, если не считать глаз, которые уже ничего не выражали она виляла и лавировала до самого Цветочного рынка, я шел следом, она была очень болтливой – но здесь незавершенная метаморфоза все еще позволяла расслышать среди интонаций продавщицы гулкие, резкие и пронзительные звуки ломавшегося мальчишеского голоса

долгая прогулка до улицы Гобелен, где он знал подвальный этаж одного здания, в котором жила его бабка, там или больше нигде, я согласился, ради того подросткового, что уловил под нескладным карнавальным нарядом пидовки-давалки, снятым с чужого плеча свет в подвале был резким и превращал в тюремные коридоры беленые проходы по которым он привел меня в закуток защищенный не от света а от хождений – он очень волновался, был чуть ли не в ужасе

славная задница бледное и жилистое тело свеженькое вымытое потом обычные дела пока я его трахал (на кирпичной стене напротив закутка огромные тени копировали нас искаженные беспокойные согбенные вдвое точно старухи склоненные над чем-то таким что пыхтело хлопало покрикивало) он никак не может кончить я бешено дрочу ему какое-то время после того как кончаю сам вставив ему в очко свои пальцы вместо уже спрятанного хера но ничего не получается он говорит не надо и дрочит себе наполовину присев на мою

ладонь словно пытаясь всосать ее целиком а я верчу пальцами в своем спущенном клее парню больно он кричит и на земляной пол падает его сперма, ее много и она белая как сливки если б я знал то отсосал бы у него а так просто облизал спереди и сзади, и он ответил мне взаимностью оставаясь настороже и прерываясь всякий раз когда в трубах слышался шум шагов глухой звук

(когда он снял
268 штаны то оказался никакой не пидовкой и вел себя как любой другой парень падкий на хуи его собственный радовал своим видом короткий толстый и выгнутый красивый как красивая слоновая кость) он не захотел выпить на посошок лишь кокетливо и властно взглянул на меня а потом зашагал прочь по безлюдному проспекту хлопая плавниками

мы выходили из гостиницы ему очень хотелось угостить меня выпивкой мы заходили в кафе неподалеку казалось он стеснялся или стыдился того что не позволил мне ничего сделать с ним в постели

ему приходилось возвращаться пешком мы снова встречались на площади Сен-Мишель Центральный рынок цветная капуста общественные туалеты грузовики переход на всю ночь он жил около Восточного вокзала

от улицы Гобелен я доезжал на метро до Монпарнаса, словно зная, что там, где я никогда не бывал, меня ждет какой-то парень

(последний поезд метро на ветке без четверти час подъезд на улице Ренн брюнет невысокого полета глаза такие же темные как волосы не носит трусов отсасывает у меня и непроизвольно кончает от эмоций он выпле-

вывает не люблю когда выплевывают мою сперму будто экскременты (и видеть на земле этот грустный делювий рядом с тем что спустил он сам кто-то наступит возвращаясь домой и испачкает весь ковролин) он сосал энергично еще один католик все в голове поспешное семяизвержение опорожнить свои яички потому что он слегка задевает мужчинку их мании благословения выделения куда ветер подует кропило ладан сосание облаток палец на ноге святого Петра)

(здесь или где-то еще нескончаемая ночь серая вата и зеленоватые хлопья вверху на деревьях фонари напротив листвы)

он снова застегивается штаны подчеркивают округлость жеребцовых яиц он остается в подъезде поджидает другие хуи точно паук в засаде я продолжил свой путь по улице Ренн встретил нескольких парней обнимавшихся с девушками и мальчугана которого вели за руку родители

на улице

больше никого

улицы до самой Сены набережные площадь Сен-Мишель и общественный туалет на проспекте Виктории рядом с Отель-де-Виль в счастливые часы продолжается обмен между Сен-Жермен-де-Пре и окрестными туалетами тот что у церкви Сен-Сюльпис два оставшихся на бульваре Сен-Жермен за улицей дю Бак потом тот что на Шатле под башней Сен-Жак те что на Севастопольском и дальше тот что у сквера Тампля или слева те что у сквера Невинных или у Центрального рынка или у церкви Сент-Эсташ и на улице Монмартр затем Опера и улица Моберж порой вы пренебрегали парнем у Сен-Сюльпис а три часа спустя в туалете на вокзале

Сен-Лазар решались к нему подойти святые покровительствуют нашей любви один тип пристально смотрит на меня и заходит в сортир передо мной у него маленький хер и грубая внешность это не привлекает я не позволяю ему трогать себя потом парнишка его голова мне подходит мы берем друг друга за хуи и ублажаем рукой он наклоняется и лижет я отвечаю тем же у него поваливает

когда они расстегивают ширинку чтобы мы их потискали то часто достают яйца и при дрочке мы постукиваем по ним лично я не люблю этих постукиваний и прячу свои яйца я не запрещаю их лапать просто пусть лежат на своем законном месте он снова поднялся хочет поцеловать меня через перегородку и тянет открытый рот распахивает его сильнее будто у меня на лице елдак я заполняю эту дыру своим языком и губами он жадно заглатывает их смачивает хер снова дрочит мне и вращает глазами когда член подскакивает и протекает он дрочил криво оттягивал его вниз запросто мог поломать мне капает на трусы я вытираю их боковой стороной ладони и стряхиваю он продолжает себя массировать я больше его не интересую он склоняется к другому своему соседу я выхожу выпиваю чашку шоколада в кафе и слизываю с губ вкус хуя у меня снова встает я иду на бульвар Сен-Жермен есть типы которые кончают всего один раз и довольны но я чем больше спускал тем сильнее возбуждался приходилось начинать все сначала искать новых парней на улице они не удовлетворяли меня а лишь немного успокаивали

прошло уже три часа с тех пор как мы попрощались мы много говорили но я забыл о чем за вычетом китаяночки которую он любил и должен был жениться пред-

ставляю их вместе обрубок бабы такую можно грызть вместо батона и он весь такой нежный застенчивый гладит ее будто малыша возможно ему просто приглянулся журнальный снимок и он приукрасил его чтоб было о чем поболтать

я спускался к Сене по улице Монторгёй и Центральному рынку шел по набережной до Понт-о-Шанж там есть магазины цветов семян и экзотических или мелких домашних животных я заметил что одна половина витрины залита точно стеклянная клетка резким светом пол клетки вровень с моей ширинкой посыпан белым песком и в песке украшенном двумя–тремя положенными наискось толстыми сухими ветками спала рыжевато-белесая кучка с белыми усиками и закрытыми глазами с красивым разрезом ежовая мордашка засунутая под хвост длинные пленчатые перламутровые уши название не подписано но я сказал что это фенек захотелось его погладить стекло было нечистое я подождал не решаясь постучать чтобы разбудить его посмотреть как зашевелится толстое тельце размером с двух белок возможно он бы залаял показал клыки острые как иглы белые отливающие синевой почти розовые и злобно прыгнул бы на стекло как обычно делают собаки ждущие в машине хозяина я пробрался между грузовиками обошел по кругу остров Сите прошел по Новому мосту затем по улице Дофин однако ночной клуб куда я собирался зайти был уже закрыт я встречал там своих бывших

я осмотрел себя катастрофа пятна спермы на синем сукне мундира больше не буду одеваться моряком маркий наряд к тому же отпугивает педиков они боятся что я буду очень грубо их ебать а потом набью морду выше по улице встретил трансвестита с которым не был

знаком не то Ева не то Адам он сразу же спросил ты меня трахнешь? я ответил да а где он показал подворотню и я ответил нет у меня уже яйца ноют хотелось вернуться к себе снять свой маскарадный костюм немного отдохнуть а потом может снова выйти но только в женском наряде

какие красивые военные они из наших?

ты не узнаешь их?

нет

(наконец мумия позволила нам уйти мой малыш объяснил что можно попробовать у молодого англичанина недалеко отсюда но мы и там не остались потому что он начал щипать меня за яйца большие уши и усталый вид малыш предложил третье место я сказал Слушай за те два часа что мы бродим можно было найти комнату за двадцать пять франков ей-богу если б я знал где есть гостиницы для таких как мы)

тебе здесь скучно ты такой же как я послушай а не сходить ли нам лучше в кино? тем не менее оргия выглядела воинственно с двумя этими парнями в матросских костюмах (не хватало только барабанов но они же у нас в штанах, кожа и палочка, развратно говорит он мне)

они вышли из квартиры часа в два ночи и высыпали гурьбой на бульвар это нашествие извращенцев вызвало гнев собравшейся там по обыкновению жандармерии две-три сотни высоких красавцев в касках и с винтовками но только для педиков они вызвали серые автобусы и полицейских без винтовок они не были ни красивыми ни молодыми каждый и каждая стали громко возмущаться их слегка поколотили белыми дубинками

(я был слишком несчастен со своей женой но в юности господин

кюре пообещал что если я женюсь боженька избавит меня от противоестественных наклонностей и откроет врата рая но все оказалось не так теперь мне нужно сначала развестись а что касается рая у меня родился сын грязная хабалка которого я оставляю в Ницце я вовсе не хочу чтобы он совал нос в мои парижские дела моя жена сказала Я не отвечаю за этого ребенка он чересчур похож на тебя будь моя воля я бы его придушила я настойчиво советовал ему больше не краситься перед матерью она ревнует и при каждом своем возвращении я застаю невыносимые сцены)

от Центрального рынка я шел по улице Риволи до Тюильри заходил за изгороди где мы резвились от души но через десять минут начиналась облава я не успевал выпутаться мы были зажаты меж двумя деревьями один тип меня ебал другой у меня сосал стоя передо мной на коленях а третий наклонившись между первым и мной лизал ему яйца четвертый у него за спиной дрочил себе о его ягодицы а пятому слева я дрочил левой рукой во рту шестого седьмой справа целовал меня и ебал восьмого которому я дрочил правой рукой я был счастлив но они повязали нас одного за другим с собаками криками прожекторами и посадили в автозак мы смотрели как парни постепенно садились и выбирали с кем целоваться пока легаши не закончили и автобус тронулся с места подрессоренный лучше военного грузовика но правда не такой веселый

(когда он был маленьким мы с женой еще были близки беда нагрянула когда мы убедились в его наклонностях тогда проснулись и мои собственные крестная мука для отца мольбы бром пощечины выволочки

психиатр ничего не помогло нам оставалось только развестись и тайно его ненавидеть, при этом он не проводит между нами никаких различий неблагодарный)

это был красивый новенький комиссариат с автоматом по продаже кока-колы моя подружка сказала что высокий блондин возбудил симпатичного жандарма которого невысокий сутулый и толстозадый инспектор с мощным торсом гладит по спине

зимой облавы были даже приятными и порой мы вступали с кем-нибудь в разговор потом он присоединялся к нам когда нас отпускали не считая тех кого легаши задерживают непонятно зачем

(в баре мне улыбалась красивая стройная девушка я затащил ее в постель и трахнул с тыла ведь это был парень ему нравилась моя машина моя волосатая грудь мои розовые брюки и он отказывался брать деньги я был вынужден делать ему подарки у него была слабость к молодым морякам)

(противный старик ей-богу семьдесят два года очень богатый выскочка с машинами розовыми пижонскими костюмами но я водил его за нос шесть недель полностью упаковал себя новыми шмотками жильишком а он не получил ничего ровным счетом)

(развратник рука под столом и говорит мне на ухо пока я ем свои устрицы Я буду сосать твой маленький конец твой язычок твои пальчики иди сюда иди какая гадость но я такой голодный он носил парик вонявший внутри и у него была всего одна милая штучка он целовал мне колени)

(когда приехали в Венсеннский лес он заставил нас выйти в руке у него был тюбик с мазью он велел нам раздеться до трусов чтобы мы все намазались мы все намазались и намазывались до тех пор пока в тюбике ничего не осталось иметь дело со старичьем это что-то невероятное)

мы перепрыгнули через колючую проволоку поцарапались а с другой стороны росла колючая акация оболочки каштанов в лицо лезут комары мы потеем чувствуем себя старыми деревья высокие густые просвечивающие порхают птицы и под ветвями я становлюсь на колени слышно шум мотика мы чешем укусы испанчик показывает тайник рядом с сухим пеньком мы прижимаемся к земле проезжает мотик с девицей и парнем нам неспокойно сегодня суббота вторая половина дня погода хорошая и повсюду гуляют люди тут нельзя оставаться он говорит Выходим поднимемся чуть выше я знаю потрясное кладбище там никто никогда не мешал

(пидовка заняла место в глубине туалета я встал рядом и пытался пощупать ее хер но вместо хера увидел руку которая шевелила пальцами как будто что-то крошила пидовка взглянула на меня вопросительно я пожал плечами не понимая а понял только когда вышел и повторил этот жест сам кто-то сразу подошел и спросил Сколько?)

мы видим двух прячущихся парней я спрашиваю Что они делают в лесу? она отвечает что не знает и добавляет Жаль я мечтала об укромном уголке только для нас двоих Ты говоришь только для нас двоих говорю я о чем ты думаешь Что значит о чем я думаю Ты говоришь только для нас двоих наверное ты о чем-то думаешь?

(мы встречали по пути похоронную процессию возвращавшуюся с кладбища, нужно было перейти через лесистый холм потом спуститься и взобраться на второй мы пересекали поля высокой травы где стояла машина с двумя мужчинами на переднем сиденье которые прятались друг за друга

незачем спешить, пока могильщики не засыплют землей яму, такой солнечный день но
276 проезжал новый катафалк, причем в ту же сторону, куда направлялись мы

испанчик говорит Ну и пусть все равно пошли)

да милый я думаю о том как развевается моя юбка и как тебя колют каштаны ох давай колоть друг друга ооохх

(другие поля до самой кладбищенской стены которую мы перелезали по груде щебня и строительного мусора он пошел первым и сказал Скорей быстро ложись мы находили фамильный склеп и там укрывались становилось совсем темно мы прижимались друг к другу процессия прибыла голос священника разносится далеко

взрослый схватил малыша сзади и пытается засадить хер но малыш не хочет протягивает свою красивую пипиську которую взрослый сосет обливаясь потом и они слушают священника взрослый вдыхает запахи спермы плодов теплых птиц старого трухлявого дуба дыма листвы от него пахнет апельсином жирной шкурой смуглой кожей влажными волосами на теле у мальчишки такой душистый обольстительный живот малыш пускает струю взрослый всасывает и пьет священник размахивает кропилом небо синее люди шепчутся они слышат крики наслаждения из соседнего скле-

па недоумевают проезжает мотоцикл прекрасный горизонт залитые солнцем поля и рощицы простодушная дорога)

мне хочется тебя трахнуть хочется тебя почувствовать отстань от меня но он одевался мы выходили и везде чесались комары напились нашей кровушки как мы ни шлепали себя по животу пояснице и ляжкам мы потихоньку смешивались с толпой надеясь что нас не заметили Чем вы двое занимались в склепе? спрашивает священник могильщик катафалк привлекает внимание павлиньими перьями и гвоздиками с тыльной стороны

(там под кипарисами цикады колючие венки из ржавого железа)

по возвращении конец теплого ясного дня освежают спускающиеся сумерки наши лица опаляет солнце среди пригородных домишек вдоль дороги был буфет с металлическими столами и беседкой в саду я говорю ему как мне нравится деревня пригороды леса сады и этот буфет так мило правда

мы углубляемся в лес чтобы уединиться, я толкал свой мотик

прогалина коричневатый пруд островок посредине и хижина на острове под деревом никакой возможности добраться до острова

в следующий раз мы поедем в Париж у меня будет комната с большой кроватью ты пьешь виски?

это уж слишком я буду ждать тебя на Лионском вокзале под часами (почему он все время обнюхивал мой живот что не так с моим животом?)

спустив он склонялся над ней у него не было носового

платка он шел за тряпкой из сумки для инструментов и возвращался чтобы нежно вытереть ей пизду вспоминал что добрые старички всегда подтирали его гостиничным полотенцем после того как оставляли у него в заднице мокроту или что-то другое он наклонялся еще ниже и вдыхал запах своей спермы поднимавшийся из влагалища засовывал туда нос она говорила Ой милый перестань

278 меня больше всего смущало что она не платила за то что я ебал ее и когда мы заканчивали было такое чувство будто я ел без хлеба или спал на полу или вышел на улицу без трусов

она аккуратно застелила покрывало, открыла окно, стараясь не смотреть на лужу с собакой

рядом с лестницей на прикнопленном клочке картона было написано *Собаку не трогать* это была белая дворняжка с черными пятнами я спрашивал хозяйку Ваша собака кусается? она смотрела на меня как будто я хотел ее украсть и отвечала Со всеми этими людскими болезнями никогда не знаешь, я написала это не для вас, а для североафриканцев, негров, всей этой шантрапы

(у входа в метро меня останавливал негр он снимал дымчатые очки мы беседовали а потом арендовали комнату на час он закрыл дверь, разулся, уселся на стул ноги вперед ладони на коленях и сказал Поговорим для начала сколько ты дашь? у меня нет денег я говорю У меня нет денег я заплатил за гостиницу осталось два франка ты мог бы предупредить ей-богу ты вообще откуда приехал Ладно два франка согласен но ты выебешь меня только раз мы ложились в постель я пытался завес-

ти его пальцами и зубами потом разворачивал и быстро трахал у него не стоял но ему все равно хотелось кончить он зажал в кулаке свой хер и потер между ладонями потом наверху выступило чуть-чуть белого и он остановился я устал мы вышли на улицу я больше не говорил о двух франках они были нужны на метро я зашагал очень быстро не попрощавшись он погнался за мной и потребовал свои бабки я спросил какие бабки Мои двадцать франков Какие двадцать франков ты сбрендил я заплатил за гостиницу у меня осталось два франка Я хочу двадцать франков я не раздеваюсь перед мужиками не сплю с мужчинами просто так отдавай мои деньги я добежал до метро Если ты чем-то недоволен иди жаловаться в полицию он вцепился в мою рубашку Отдай мне свою рубашку мои двадцать франков Отвали черномазый не трожь меня слышишь мне по барабану такие негры как ты несчастные чуваки у которых даже не стоит сам импотент а еще бабок хочет вытри для начала нос а потом уже возбухай черножопый я спустился по лестнице и турникет закрылся как раз между нами негр закричал подбежал тип в форме когда негр попытался перелезть через турникет они сцепились негр вырвался примчались два других отдубасили поганого негритоса я хохотал за стеклом поезд тронулся)

ты просишь денег?

я что похож на такого?

ты же идешь со мной

какой ты закомплексованный голубчик не переживай такое со всеми случается хоть ты и негр меня это не смущает если ты хорошо ебешься ты с Антильских?

да с Антильских ебу в жопу у тебя есть где? у меня там жена и двое детей

(он заходил к пидовке садился на диван и видел на столе книгу в твердом переплете)

твоя?

что значит моя у меня есть книги да везде давай моя детка покажи какой у тебя красивый хуй

на Мартинике у меня был друг такой же как ты его звали Миа мне было шестнадцать он сказал я люблю тебя однажды вечером на пляже на нем были маленькие синие плавки мы занялись этим в тот вечер он отдал мне все мы спустились под деревья передохнуть в прохладе мою жену звали Жена я женился на ней потому что мой друг сказал что я должен матери было стыдно за меня и видишь мой пупс что теперь со мной моя жена не хотела этого но мой друг Миа хотел и сказал Нужно вставлять своей жене и я вставил ей два раза а потом приехал в метрополию можно посмотреть твою книгу? у меня тоже была книга я оставил ее на Мартинике

я ехал на метро до Лионского вокзала один в вагоне с двумя моряками они разговаривали передо мной и я не решался взглянуть на них искал в стекле отражения ширинок сцена непонятного погребения многолюдная процессия напрасно следует за воскресшим покойником неразбериха две сумасшедшие пидовки в загуле переодетые моряками деревня радует глаз буфетами и ресторанами на обочине банкет на траве дети счастливы у них есть вода птицы деревья риги где можно резвиться после обеда пошел дождь процессия поспешила в укрытие залитые солнцем поля свадьба весело шумела свой своего ищет все бежали верблюд несся вскачь уносил катафалк словно простой тильбюри но возможно это был уже не верблюд а лошадь или даже две Лионский вокзал я обходил

вестибюль по кругу садился возле блондинчика
он утверждал что ему шестнадцать читал книгу
чтобы чем-то себя занять он волновал меня дал
меню ресторана в котором работал в Фонтенбло
сказал Заходи повидаться потом встал прошел че-
рез входную дверцу помахав на прощанье рукой
я искал туалет чтобы подрочить на его красивое
личико тринадцать–четырнадцать лет он даже
написал свое имя на меню что-то типа У Пьера
или Обслуживание включено я отвечаю да скоро
приду Обещаешь? Да я не вру мне хочется прийти
ты мне нравишься вот только не знаю когда и ду-
маю о нем парочки смеялись выходя из церкви ве-
личественный катафалк мне нравится вон тот лес
я приду если его не уничтожит какой-нибудь по-
жар я не приду он будет один мне грустно в метро
перебои поезд останавливается между станциями
и в тишине неподвижности моряки долго на меня
смотрят я в таких облегающих штанах что кажет-
ся будто у меня всегда стоит и он действительно
стоит они это видят я сидел взаперти в своей ком-
нате и озирался мои глаза излучали воспомина-
ния я ловил их на лету они удаляются исчезают
мне никто не нужен они проходили перед пидов-
ками и называли свои имена прозвища крик визг
шепот придуманные стайкой замечая их нечет-
кие образы простые как роль в пантомиме титу-
лы воображаемого двора топонимика местности
обозначенной пятнами на простыне куда тела от-
кладывали свой мед лепили свои формы имена
произнесенные в скверах ночных клубах и при-
ветственные поцелуи слова силуэты без которых
мы не опознавали друг друга и каждый пидовки
помечали точь-в-точь как хищники орошают мо-
чой свой путь и свою пищу быстро обозначали не-
знакомцев пока их не поглощала темнота танцев

и альковов перечисляли Веселушка Покойница Тигрица Чудо Ледышка Врунья Царапка Одышка Щекотка Подбитая Бабулька Хуй-в-цвету Вырезка Худышка-с-попкой Белое очко Ссы-по-кругу С-двенадцати-до-часу Вермишелька То-же-самое Пацанка Эйфелева-башня Глоталка Выдумщица Психованная Сквернавка Занятая Колика Седьмое-небо Помятая Бледня Недотрога Танцовщица мисс Пятнистая мисс Платиновая мисс Деньжатки Скважина Массажистка Собачка Соска Арлезианка Горгулья Труба Перчик Меласса Металка Инкубаторша Щель Бойчиха Шумовка Верблюдица Пташечка Чокнутая мисс Мышка мисс Сырок Святоша Ознобыш Любопытный-пальчик Штуцер Жратва-с-сортиром Суходрочка Щелкунчик Каменный-хуй Липкая-ладошка Награда-за-труды мисс Дефиле мисс Струя мисс Укольчик мисс Бленно мисс Невысокий-полет мисс Коммунарка Фестивалька Кроманьонка Активистка Патетика Липучка мисс Разноцветка Колибри Звуки-и-запахи Коли-и-шей Маленький трубочист Отче-наш Покажи-всё Вдень-шнурок Хер-с-маслом Птичья ножка Ветер-с-тыла Штопор Бей-в-очко Простосабля мисс Борода мисс Частенько мисс На-мели Шершеница Нищебродка Полбеды Сноровка Гондола Победа Возвращалка Брюхатая В-положении На-два-якоря Пышка Подстилка Отрава Ласка Шалунья Господинша Похоронка Тля Зануда Оправдайка Вымарка мисс Мостовая мисс Бедлам мисс Сорванец мисс Приставалка Жопа Буль-буль Статистка Великанша Крохоборша Сексапилка Хохотушка Страшилка Пастушка Сахаринка Маразматичка Мумия Зонтик Ноздря Шляпка Супружница Ни-ни Ступни-вперед Пена-в-небо Шелковая кожа Яйца-горят Туда-сюда-обратно Мухоловка Жопогрызка Сладкий-спазм Три-яичка Бархатный-язык

Веселый-зад Пирог-с-ресницами Горячо-холодно Сочненькая Реваншистка Ритмичка Обомлелая Неописуемая Трехпробная мисс Керосинка Поэтка Смазливая Щетка Киска Голлистка Пегаска Помпонша Викарийша Оплеуха Стрекотуха Гондонша Лапуля Химичка Двурогая Кандидатка Междужопие Колотунша Мускулистая Изнасилованная Фингальша Готовальня Косоебая Бесцеремонная Сладкий-провал Мотовка Гонорейка Шпионка Пикничка Борода-узлом Сахарная-голова Переполошка Капелла Лунка Вкусняшка Вампирша Давалка Коржик Мороженко Близняшка Вазелинка Сморщенная Поиметая Плакса Маятница Бутыль Резинка Лейка Заеда Таращелка Дожидалка Усохшая Лазутчица Повторная Сосучка Помпезная Карманница Запотелка Плутовка Щипалка Кормилка Курилка Скальпировщица Табачница Взасосница Серебряная-свадьба Отвертка Красивые-яички Сахарный-тростник Бугор-с-елдой Наоборот Тормоза Ноги-кверху Отмычка Горячий-проход Холостой-самотык Свинцовые-яйца Без-утех Бронзовые-губы Продольный-стояк Поперечный-стояк Трахни-ж-ты-меня Вдовое-яйцо Четыреста-ударов Соловей Лук-шалот Двери-нараспашку Опусти-язык Повернись-налево Повернись-направо Порви-меня Укуси-мои-плоды Выебанная Натянутая Отдрюченная Вдутая Вставленная Проломленная Отшлифованная Пробуравленная Оседланная Заклепанная Заткнутая Законопаченная Покрытая Продолбленная Отодранная Прочищенная Продавленная Просверленная Испорченная Насаженная Нанизанная Начиненная Нашпиленная Надетая Надутая Насратая Напяленная Набитая Нажопленная Набрасопленная Накольцованная Нацепленная Набодатая Наколотая Наловленная Насраченная Наэндокарденная

Насфинктеренная Насодомленная они проходили наклоняли головы над ямой и удалялись славная свадебка цветы песни неподалеку от тенистого буфета они бегали пьяноватые улицы пустели писсуары журчат будто фонтаны небо проясняется воздух свежеет моя лапша варится без соли нужна морская вода или слезы он писал заканчивал письмо я прочитаю завтра не получу его он ошибся адресом говорил о другом городе другой комнате

другом времени я взял цветы желтые шероховатые цветочки с белой каемкой они рвали пригоршнями пока их трахали раз уж не было подушки которую можно кусать он жил рядом с вокзалом первый этаж прямо посреди бульвара просто кровать калорифер старый носовой платок и пустые бутылки просторная комната голые оштукатуренные стены люстра без абажура этот свет на наших телах отбивал всякую охоту он спал изнуренный снятый слишком поздно

ты лижешь все без разбору

да мне нравится

я вижу он смеялся язык под яйцами его не возбуждало было щекотно а язык в заднице напоминал собаку когда он показывал зад собаке и холодная морда проникала внутрь вдыхала запах и высовывала язык длинный шершавый липкий он раздвигал руками половинки наклонялся вперед подставлял очко чтобы собака вычистила до блеска но яйца свисали гладкий мешочек туго набитый яйцами собака лизала их сзади и качала языком малыш слишком громко смеялся сжимал ляжки отталкивал собачью морду я втискивался между ляжками ему хотелось чтобы я ебал его по-настоящему фальшивое отверстие запертая промежность и мой живот терся о его хуй пока я целовал его он отводил рот я настаивал он поз-

волял целовать себя сверху и находил это смешным продолжая смеяться запускал мне в рот язык словно подмигивая потом распалялся заглатывал целиком и мой его клонило в сон

я водил туда парней ел смотрел на былые старые прежние лица зеркало перед которым они мыли нос рано утром и ссали поздно ночью

последняя улица спрятавшаяся за улицами незнакомого квартала с рушившимися зданиями он показывал мне одно Мы можем войти внутрь я там уже был

но я побаивался этого барака меня больше привлекала гостиница я был уверен что за двадцать пять франков особенно в подобном квартале он затащил меня за дверь он был слишком высокий для своего возраста а хуй чересчур длинный и толстый он умолял трахнуть его мы снова прошли в дверь мы не найдем гостиницы через час уже начнет светать

мы выходили на пляж после захода солнца топтались по человеческим силуэтам отпечатавшимся на песке я ложился на них хватал нельзя обнять полый силуэт я приходил когда другие уходили и уходил когда они приходили вот такие каникулы понимаешь если я думал о тебе обо всех вас у меня не было выбора иначе я бы пропал я всегда был голый такой красивый каким не буду больше никогда и никто этого не видел никто не притронулся

в сотне метров от вокзала я обнаружил большой парк спрятанный за зданиями он не закрывался я мог сидеть до первого утреннего поезда если опаздывал на последний вечерний там была

фальшивая река с фальшивым мостом под ивами и благодаря искусственному наклону вода стекала в фальшивое озерцо где на фальшивых скалах валялись керамические лебеди и каменные русалки я слышал шум подъезжавшего легкого мотоцикла и вставал мотик врывался в парк пролетал мимо меня на полной скорости его заносило на щебне в аллее за рулем сидел очень молодой парень я оставался на ногах мотик исчез
286 вернулся снова уже чуть медленнее заехал на лужайку остановился возле дерева парень слез казалось будто нас освещает луна но это были лампы на соседней стоянке пригород спал я подошел к лужайке парень посмотрел в мою сторону потом повернулся спиной сделал вид что ссыт или поссал по-настоящему я стоял слишком далеко и не мог расслышать но потом расслышал он был красивым только жопа казалась толстой я шагнул на лужайку он был худощавый но при этом носил слишком широкие брюки с талией сползавшей на тощую поясницу и оттопыренной задницей детская попка он поссал я видел что кусты мокрые и обмочил руку когда взял его еще не напрягшийся хер он сжал меня в объятьях и промокнул хуй о мои штаны ему еще не было семнадцати и даже когда у него полностью встал крайняя плоть торчала будто рукав вязаного пуловера слишком большая он проглотил мою сперму но вынул хуй у меня изо рта в тот момент когда кончил его молофья пролетела у меня над плечом потом брызнула на плечо потом на ухо мы лежали за его мотиком только уже не в парке мы проезжали вдоль железной дороги на мотике и вдруг увидели пустой товарный вагон на запасном пути в парке всю ночь совершали обходы он сказал об этом но заметил вагон и наверное захотел там потрахаться он не прове-

рил открыт ли вагон тот оказался закрытым мы легли на траву у насыпи напротив косогора поросшего чахлыми деревцами слишком крутой склон и повсюду какашки с разбросанными кусочками синей и коричневой туалетной бумаги часть занесло ветром на кустики он спешил кончить хотел поскорей успокоиться чтобы сесть рядом положить на меня руку голову и смотреть на вокзал в конце путей огни на бетонном мосту через Сену и черные теплоходы уходящая вверх перспектива заводов на другом берегу я сидел на заднем сиденье мотика обнимал его за живот его хуй снова упал он пристально следил за улицей и железнодорожными путями чтобы не проехать то место где стоял одинокий вагон я знал этот красивый хер он катил быстро потому что я был старше и резко затормозил он целовал беспрерывно ему взбрело в голову раздеться догола в вагоне ему понравится он никогда не был ни с кем голый мы поговорили о Париже трава была жесткая мы легли на расстеленную одежду уделили внимание задницам после губ и перед всем остальным лежа валетом обеими руками вцепились друг другу в расставленные ляжки словно в очень высокий подоконник через который нужно перелезть в окно врывался зной запахи и низко наклонялись две половинки мы трахались передом чтобы прижиматься друг к другу губами не сидели а скорее вкладывались друг в друга запускали самые большие хуи из своего арсенала вставляли по одному переходя от меньшего к большему выбирали самый длинный самый крепкий задерживали в глубине куда он спускал сперму его мою туда не дотягиваются языки и взгляды нам было не смешно мы ничего не говорили начинали сначала пока не стало холодать светало мы оделись он сел на мотик одно

название почти велосипед вокзал я вернулся туда пешедралом поезда уже ходили

он возвращался на рассвете и спрашивал что я делал лазил по сортирам мне не нравились его расспросы он вешал куртку на спинку стула карман был приоткрыт я засовывал руку наобум пока он снимал штаны повернувшись спиной я доставал купюру пятьдесят франков и краснел он смотрел на меня и говорил Вот теперь я тебя возбуждаю ей-богу у тебя щеки горят подойди ближе

это была крохотная клетушка под самой крышей там едва помещалась кровать такая узкая что непонятно как на ней лежать вдвоем даже страшно было влезать мы дрочили друг другу сидя на краю я не оставался ночевать группка статуй сливалась с деревьями в очень темном углу парни заходили туда не выходили я тоже входил замечал только огромную гудевшую черную кучку людей которые похоже ничего не делали я прижимался к этой кучке меня оттесняли оттаскивали отталкивали в середину ощупывали постепенно снимали с меня штаны и одна или десять рук накрывали мне рот в тот момент когда меня пробивал уже поджидавший хуй он предупредил я был слишком молод не надо в это впутываться он разрешал мне курить засыпал я трогал его мягкий атласный омерзительный зад он дрых бормоча и вздыхая казался мне старым слишком старым одиноким пропащим я выходил на бульвар Сен-Мишель какой-то юноша сразу увязывался следом и я принимался рассматривать витрину чтобы он подошел ближе а потом снова снимался с места бодрым шагом опять останавливался завлекал его снова снимался с места добирался до бульвара Сен-Жермен

проверял увидел ли он как я повернул и пошел ли в мою сторону я буксировал его до площади Согласия потом выводил на Елисейские чуть не бросил его перед ночным клубом куда направлялся сам но затем рассмотрел получше начиная с талии и неожиданно для себя произнес любезную фразу он был застенчивый это наводило на мысль о большом хуе

он ищет перье в холодильнике больше не осталось роется повсюду я теряю терпение думаю о том что ебля посреди кухни внесла бы в мою жизнь разнообразие направляюсь туда сука он уже расстегнул штаны спрашивает Чего ты ждешь разморозки? спиртное целыми ящиками они опорожняли их один за другим мы не знали когда и как

у тебя нет ничего поесть?

нет что за мода и впрямь выбрать подобную музычку и лапать меня под нее теперь когда я узнал его я без труда представлял каким был мой старик в таком же возрасте ханжа

этот клуб где мы так много пили

эта комната где воняло виски блевотиной мокрыми плавками

он настаивал чтобы я посмотрел на него я взглянул мельком он был колоссальный я поднял взгляд и остановил его на голубых глазах они казались голубыми и косящими но не косили просто бельмо араб широко улыбался и хватал меня за руку заставлял потрогать свой твердый гигантский хер я вырывался я был очень труслив

дверь заперта на ключ он постучал никто не ответил мы вернулись во двор он заметил что окно

приоткрыто отодвинул щеколду перескочил через подоконник и позвал меня преимущество первых этажей темная комната сложенный диван-кровать с пледом и подушками пластинка найденная в потемках и поставленная на ощупь мы пили кока-колу как вдруг он обнял меня за талию я сразу отреагировал я же не дурак мне уже пятнадцать я все понимал поставил свой бокал и позволил увести себя вглубь он подошел ко мне перед магазином
290 игрушек Райская птица почти напротив сортира на улице дю Бак но я ни о чем не догадывался сказал милый любимый

мы пили напивались шлялись спускались в эту кроваво-красную пещеру официант неспешно прохаживался мы уже не стояли на ногах нас затапливал красный цвет мы видели свою плоть с изнанки все красное будто пещеристое тело пениса проводили там каждый вечер устремлялись в черную дверцу полового органа

если тут закрыто остается пойти вон туда говорил он перед комнатой указывая на дверь уборной в конце коридора

он всегда оставляет свой ключ почему же его там нет

если его нет (парнишке было плевать есть кровать или нет только бы где-нибудь запереться и трогать друг друга натягивать на шишку а потом идти пить лимонад с мятным сиропом или усаживаться в уютной киношке его миленькое смуглое личико с курчавыми черными волосами непрерывно смеялось губы лепетали всякие глупости словесные лакомства разноцветные пузырьки из которых складывался его детский голосок и они лопались с легким звоном я следил за ними слушал один за другим покоренный изумленный забывал слы-

шал другие такие же свежие мелодичные порой они озарялись сюсюканьем когда он говорил слишком быстро но как только я дотрагивался до него говорливое лицо застывало серьезнело глаза возвышались над моими а изящный рот казавшийся накрашенным на фоне смуглой кожи приоткрывался обмякал под моими губами вздувался горячими тяжелыми волнами что смачивали наши поцелуи как будто эта пенистая слюна была словами которые он больше не мог произносить но я должен был их пить)

нет его там нет

в коридоре нам помешают

противный пацан вся жизнь проходит в сральниках мне это осточертело

нет слушай пошли

я бы с удовольствием потанцевал но только не под эту пластинку к тому же он не умел танцевать двадцатилетний зануда то ли еще будет и одет черте как боже правый чем больший увалень тем больший позер мы слушали magnificat anima mea dominum meine Seele erhebt den Herrn my soul doth magnify the Lord я взял конверт от пластинки чтобы чем-нибудь себя занять величит душа моя Господа*

мать оставляет ему это фортепьяно все рябое от ударов по нему стучат локтями и ногтями пока пианист стучит пальцами а остальные стучат пятками во время танца один из самых веселых ночных клубов что я знаю

---

* Здесь из далее – цитаты из латинского, немецкого, английского и русского текста «Магнификата», славословия Девы Марии из Евангелия от Луки (Лк. 1: 46–55). В католическом богослужении магнификат – одна из основных песней библейских, кульминационный пункт вечерни. – *Прим. пер.*

и в то же время семейный с этим пареньком пристающим ко всем подряд

and my spirit hath rejoiced in God my Saviour et exultavit spiritus meus in deo salutary meo

он садится на скамеечку пианиста и незаметно шарит у него по карманам любит когда клиенты его целуют отправляя спать тут одни педики то ли еще будет в десять лет

(у него была безграничная жажда денег он говорил Положите мне их на стол я проглочу пятьдесят он имел в виду десятифранковики я сложил в стопку двадцать монет он снял штаны сел сверху только не мухлевать пацан уткнулся носом и внимательно следил каким местом это делается пидорок снова встал на столе не осталось ничего он сказал Еще и я попросил мелочи у хозяйки положил еще двадцать он снова проглотил их все одним махом на сухую без вазелина большие серебряные монеты даже не вздрогнули я положил последние десять но три остались лежать на столе корзина переполнилась он больше не мог сжимать ягодицы помчался в сральник бежал вперевалку затыкая очко рукой парнишку это поражало он говорил Ты видела ма видела а я пользовался этим для того чтобы)

denn er hat große Dinge an mir getan der da mächtig ist und des Namens heilig ist deposuit potentes de sede et exaltavit humiles for behold from henceforth all generations shall call me blessed

затем пианист чувствует руку малыша в кармане хватает и кладет себе на ширинку приговаривая Эй бутуз ты понял все происходит там а не у меня в карманах

(последним кто еще шатался по вокзалу Сен-Лазар был один из самых шикарных парней со смазливой мордашкой и в плаще так бы и съел он посмотрел мне в глаза когда мастурбировал я увидел красивый хуй светлый как его кожа и волосы он стиснул челюсти и вздохнул два–три раза левой рукой достал из кармана носовой платок и смылся вытерев залупу старательно заправив крайнюю плоть натянув штаны и застегнувшись я встал на его место провел пальцем по сине-зеленым сгусткам спермы на белом фарфоре вымазал руку еще горячей молофьей и подрочил)

я могу пригласить кого угодно мне всегда скучно они делают это нарочно стремятся показать что ценят меня и хотят но хотят не как

а если мне охота чтобы со мной обращались как с блядью я

as he spake to our fathers to Abraham and his seed for ever et misericordia eius in progenies et progenies timentibus eum

он оставался там до утра до прихода мусорщиков смело дрочил им за какую-то мелочь парнишка каждый вечер ждал весь потерянный с рассеянным видом прислоняясь к вокзальной решетке и напевая входил в туалет он носил полинявший синий спортивный костюм из заношенной хлопчатобумажной ткани и я видел маленький нос он смотрел в пустоту мурлыкал бормотал совсем один без улыбки но и без грусти его губы шевелились он становился перед писсуаром рылся в своих приспущенных штанах доставал что-то рукой со сжатыми пальцами и раскрывал ладонь чтобы показать соседу слева или справа будто держал шарики майского жука это был хуек еще не проснув-

шийся розовый и смирный потревоженный светом я осторожно брал его двумя пальцами за кончик он заставлял себя упрашивать потягивался зевал улыбался уголком рта паренек показывал пальцем как бы говоря это уж слишком и тот внезапно вставал длинный как у взрослого мужчины у меня в кармане всего десятка даже стыдно давать но он выглядит довольным

(я умолял пошли ко мне про-
294 шу тебя я старый у меня есть деньжата
буду тебя лизать томить изматывать)

(я пожимал плечами он повторял Берегись непедиков им нужны только твои деньги у них грязные хуи и дерьмо в заднице

деньги у него были я отказался выпил еще бокал отчитал его Слушай если идешь на оргию помой хозяйство помой задницу нет ничего хуже неопрятной пидовки замарашки грязнули такую больше никогда не пригласят)

он специально мылился перед тем как пойти заработать пару франков на вокзале я засовывал ему пять сантиметров напряженного языка но чувствовал только вкус мыла шелковистые ягодицы прижимались к мои щекам нежные губы к моим губам каким нежным было облако легких волос окружавших ореолом основание его члена он позволял делать с собой всё не возражал не помогал не скучал и пускал перед собой струю белесой молофьи

мне тринадцать я любил его

что призрел Он на смирение рабы Своей ибо отныне будут ублажать Меня все роды Quia respexit humilitatem ancillae suae Ecce

enim ex hoc beatam me dicent and holy is his name and his mercy is on them that fear him from generations to generations что сотворил Мне величие Сильный и свято имя Его

почему он так упорствовал каждый вечер в этом пригородном туалете он же видел там лишь стариков в очках и подтяжках и североафриканцев которые распахали бы его до смерти если бы он не успел от них убежать он отказывался ехать 295
со мной в Париж я говорил Всего на одну ночь только на эту ночь он качал головой явил силу мышцы Своей рассеял надменных помышлениями сердца их dispersit superbos mente cordis sui последние вечерние поезда отправлялись через каждые пять минут и фрамуга сральника вибрировала а дерьмо вытекало из-под двери за дверь через отверстие я смотрел чтобы никто не помешал нам выйти he hath filled the hungry with good things and the rich he hath sent empty away

(не будь я негром ты полюбил бы меня да полюбил бы и не пошел с той пидовкой на слове пидовка он в ярости поджимал губы)

я сказал это был малыш лет двенадцати–тринадцати он нуждался в нас конечно нуждался Как говорил отцам нашим к Аврааму и семени его до века я лгал каждый вечер клялся что у меня хватит денег паренек знал что я мог дать десятку он всегда просил ровно столько ни больше ни меньше на самом деле у меня ее не было но я был обязан пригород изматывал уезжая оттуда я обходил вокзал с другой стороны пересекал Сену прибрежные дома промзона видел горы мусора они разбили городской парк куда можно попасть даже ночью он не закрывался там росли древние лесные деревья

березы дубы я прижимался к ним забывал чем занят а завтра вечером он будет задирать нос напевать приспуская перед своих штанов и выставляя заспанный хуек он поднимет взгляд будто первый раз меня видит потом когда я слегка коснусь его укажет подбородком на закрытую дверь и предложит Пойдем? возможно потом его повязал легаш, этот ночной вокзал, этот паренек наедине с ней

296 (я не хотела его больше видеть ушла через пару дней накрашенная в юбке я не ответила ничего не прислала

страстная любовь к моему члену она без конца его трогала я изгибался на ней сверху мощно ее месил так что она закусывала губы

с тех пор как она пощупала его у меня в сортире неистовое желание трогать везде оборачиваться отходить в сторону краситься помадой она была очень хрупкой а он у меня был слишком толстый она красилась помадой отходила в сторону страдала я ебал ее эгоистически не обращая внимания на крики

она закусывала губы больше не отваживалась стонать проглатывала свою кровь кровь изо рта что растекалась по гладкому коротковатому лицу по зубам и слюну в глотке которая принимала эту кровь лившуюся пока)

скорый бешено мчался неудержимый будто удар кулаком взрыв стихийное бедствие расшатавшаяся фрамуга падала хлопала о стену сральника толстое стекло разбивалось на крупные осколки которые подскакивали на бетонному полу и у меня в волосах врезались в мою ляжку что двигалась вместе с его ляжкой

мою кожу заливала кровь струйки крови стекали пачкали мои брюки белье я не знал прижимался к спине малыша мои ноги дрожали от нервного напряжения приходилось слегка их сгибать чтобы трахать стоя судорожно впиваясь я жевал его волосы расплющивал его на стене осколки стекла приколовшие волосы на моей голове были твердыми и острыми градинами что высекали густую жидкость кровь склеивала длинные липкие пряди отливавшие мокрой собачьей шерстью разбившаяся фрамуга испугала паренька мы отвалились друг от друга он с голой задницей наклонился к замочной скважине и подождал боялся что шум привлечет внимание вокзального работника но все было тихо и немного спустя он вернулся я снова обнял его

(я не прислушивался к ее голосу боялся его и все резче дергал поясницей боялся спустить тогда все закончится она должна была оставаться там согнутая подо мной закусывать губы потеть и больно должно быть даже ее члену боль пришедшая издалека мой орган внутри нее хуй который она пыталась успокоить погладить сдержать но я отбрасывал ее назад она уступала я упирался кулаками ей в плечи давил мешал выпрямиться и подтянуться ко мне потом наконец убирал свой орган и руки наклонялся пристально всматривался в ее измученные черты ее пылкую мордашку ее лицо содомита ее голову влюбленной)

(мне было плохо я поднимался к себе там еще горел свет меня ждала жена я был разбитый потный перевозбужденный она замечала пятна дерьма на брюках запах перегара изо рта ее глаза злобно загорались грудь обвисала рот ожесточался ноздри сжимались она кричит топает высокими каблуками по пли-

точному полу и паркету хлопает дверью словно отвешивает пощечины голос пронзительный как у фурии нож завод я больше ничего не слышу я убью ее пойду спать подам на развод)

sicut erat

am Anfang und jetzt und shall be for ever во веки веков аминь этот багрец повсюду на простынях на нашей коже и стенах эти кровавые краски брызги мне было жалко его истерзанного покорного
 безобидного

парнишка наконец-то поехал со мной в Париж он не разговаривал удивленно трогал меня и прятался под мое крылышко но его ясные глаза всегда были совершенно пустыми

я говорил повернись

рылся у себя в кармане давал ему десятифранковую купюру надавливал животом на ягодицы

(волна сильного влажного тепла множество мурашек насекомых крупинок козявок похожих на вшей И милость Его в роды родов к боящимся Его omnes generationes я представлял как мандавошки поднимались по моим ляжкам добирались до лобковых волос искали корни внедрялись туда а потом откладывали гнид (коричневые жемчужинки на стебельках я собирал их одну за другой) тусклое оранжевое пятно табачная крошка почти прозрачная я соскребал ее и под ногтем относил обратно плоская букашка с колышущимися лапками я терпеливо охотился за ними они перемещались пока мы спали и безошибочно находили другое тело лобок знакомый лес)

у него на животе было несколько красных точек похожих на укусы он говорил что поцарапал-

ся возможно прижался голым животом к оштукатуренной стенке или клопы которые выползают из старой деревянной кровати и заставляют подскакивать во сне но он не просыпается светлое и доверчивое тело грудь нежные подмышки запах меда и воска что я вдыхал засыпая моя комната казалась просторной стены так далеко потолок так высоко что мы забывали об их существовании и луч света с улицы падавший в промежуток между шторами напоминал о луне солнце я мог простудиться но там был сон его детство его тело отдалось моему по улице больше никто не проходил

он просыпался на рассвете и хотел уйти я гладил его он очень быстро одевался и выходил на улицу лето заканчивалось накрапывал дождик я приближался к окну вскоре я увижу сверху как по тротуару проспекта движутся его голова плечи и ступни потом постепенно уменьшающийся силуэт вновь обретет привычные очертания вытянется и новые части шея рука туловище бедра и ноги снова составят вместе его тело разлучат голову и ступни которые в ту минуту представляли собой лишь движущееся пятно под деревьями где почти бесшумно подскакивали капли дождя я закрывал окно шел срать пил этот красный ром отдававший денатуратом я закуриваю сигарету пока он вытирает ягодицы и надевает штаны мы выходим из сральника я чешу себе пятки у меня нет денег я не могу тебе их дать он не верит ждет стоя передо мной с укоризненным видом молчит я клянусь что у меня нет денег он верит не знает что делать дальше медленно уходит никуда не смотрит

здания закрытые двери бессловесные окна неровная мостовая утренний дождь был тихим я думал

о нем пойду по безлюдным улицам буду искать свое отражение в витринах увижу как я шагаю руки со сжатыми кулаками вровень с пупком большие пальцы засунуты за пояс плаща жестом легавого фонари погаснут наступит рассвет

Сентябрь 1967–март 1968
(Исправлено в 1971)

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Тони Дювер
Околоток

Странные обычаи у жителей деревни, которую описывает Тони Дювер. Время им сообщает часочет, живодер жарит их пухлых детей, писатель сочиняет грязные анонимки, попрыгун лишает девственности женихов, судья предлагает преступления отсидевшим в тюрьме, паромщик подбадривает утопающих, а врач кастрирует бобров. Здесь трудятся подтирщик, теребильщик и птицевод, а ремесло философа достается калеке, живущему в свинарнике.

Джереми Рид
Когда опускается хлыст. Роман о маркизе Де Саде

Я – разум, на чьей орбите вращаются все извращения. Я – тот, кто во всем находит красоту. Даже заглядывая в самый грязный тюремный нужник, я вижу на поверхности пляску изумрудов, сапфиров, халцедонов. Я видел окаменевший лес в камере для допросов, извлекал колибри из крови, пролитой на улице, наблюдал, как расправляются золотые крылья за плечами у тех, кого мой хлыст превращал в решетку из мягких сине-багровых горизонталей.

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Пьер Гийота
Книга

Пьер Гийота пишет «Книгу» с 1977 по 1979. В это время он погружается в глубочайший психологический кризис. Центральная тема «Книги» – проституция – больше не привязывается к месту и времени, а пронизывает все континенты и эпохи. Гийота вводит телесные реакции в саму структуру языка, где трансформации подвергается лексика, синтаксис, грамматика, пунктуация, спряжения глаголов. Литературный опыт Гийота близок к творчеству Антонена Арто, мечтавшего о том, чтобы поэтический язык был «чем-то средним между жестом и мыслью», «речью, запечатленной до ее словесного оформления».

Джеймс Парди
Мистер Ивнинг

Торты, приготовленные для церковного чаепития, участвуют в оргии; примадонна теряет говорящего кота; престарелые затворницы соблазняют юного антиквара; хулиган раздевает пожилую учительницу, внутренности ветерана войны лопаются на глазах у его бабушки. Джеймса Парди нельзя назвать реалистом. Его главный дар – в ощущении мрачного комизма жизни.

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Ханс Хенни Янн
Угрино и Инграбания

Я заметил, что корабль держит курс на какую-то постройку, возвышающуюся среди моря и напоминающую арку ворот. Ничего подобного я никогда не видел, и все же конструкция показалась мне знакомой… Значит, тот, кто хочет попасть на остров Угрино, непременно должен проплыть через эти ворота, иначе его судно разобьется о скалы… Я заметил вдали еще одну арку, во всех деталях похожую на первую. Между двумя арками пролегала дорога, по которой мы следовали.

Эркюлин Барбен
Воспоминания гермафродита

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868) – мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве:*

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», Таганская ул., д. 31/22

в *Санкт-Петербурге:*
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ООО «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44
Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Тони Дювер
ВЫСЛАННЫЙ

Kolonna Publications
Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301
Подписано в печать 3.09.2013. Тираж 490 экз. Заказ №
Формат 70×100/32. Объем 9,5 п. л. Гарнитура ITC Charter
Печать офсетная. Бумага офсетная
Отпечатано в типографии газеты брачных объявлений
«В одной поре» города Почеп
Россия, 243400, Брянская обл., набережная реки Судость, 8